

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 30
2018**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2018. № 30

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2018

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2018

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://narfu.ru/aan/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 03.00.00 Биология (в том числе экология; биологические ресурсы); 07.00.00 Исторические науки и археология; 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология; 24.00.00 Культурология; 25.00.00 Науки о Земле (в том числе климатология; география).

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016); In the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://narfu.ru/en/research/journals/aan/requirements.php>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 03.00.00 Biology (including ecology; biological resources); 07.00.00 History and archaeology; 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science; 24.00.00 Culture; 25.00.00 Geoscience (including climatology; geography).

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://narfu.ru/en/research/journals/aan/>

We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

- ПЕТРОВ А.Н., ЗБЕЕД С.О., КАВИН Ф.А.** Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике 5
PETROV A.N., ZBEED S.O., CAVIN Ph.A. Arctic's knowledge economy: spatial patterns of knowledge and technology production in the Arctic
- СЕВАСТЬЯНОВ Д.В.** Рекреационное природопользование и туризм в планах нового освоения Севера России 23
SEVASTYANOV D.V. Recreational nature management and tourism in the new development plans of the North of Russia
- ТОДОРОВ А.А.** Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики 40
TODOROV A.A. Approaches of foreign countries to legal regulation of the oil and gas development on the Arctic continental shelf

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

- ЗАЙКОВ К.С.** Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв. 60
ZAIKOV K.S. Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ ETHNIC DIVERSITY OF THE RUSSIAN ARCTIC

- ЖУРАВЕЛЬ В.П.** Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения 76
ZHURAVEL V.P. Rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic: problems and solutions
- МАКСИМОВ А.М., ВЕРЕЩАГИН И.Ф., ЗАДОРИН М.Ю.** Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики 97
MAKSIMOV A.M., VERESCHAGIN I.F., ZADORIN M.Yu. Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic
- ХАКНАЗАРОВ С.Х.** К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры 120
KHAKNAZAROV S.Kh. On the interaction of indigenous peoples of the North and industrial companies: the case of Yugra

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

- ГЕРАСИМОВ Д.А.** Новая книга по истории колонизации Мурманского берега 134
GERASIMOV D.A. A new book on the history of the Murman coast colonization

- ПЕТРОВА Ю.С.** «Русская Арктика» завершила серию книг по истории освоения архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля 138
PETROVA Ju.S. “Russian Arctic” has completed a series of books on the exploration history of Franz Josef Land and Novaya Zemlya archipelagoes

РЕЗЮМЕ SUMMARY

- Авторы, названия, аннотации, ключевые слова 145
Authors, titles, abstracts, and keywords
- Редакционный совет журнала «Арктика и Север» 152
Editorial board of the “Arctic and North” journal
- Выходные данные 154
Output data

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

УДК [911.3:33](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.5

Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике *

© ПЕТРОВ Андрей Николаевич, Ph.D., профессор

E-mail: andrey.petrov@uni.edu

Университет Северной Айовы, Сидар-Фолс, США

© ЗБЕЕД Сальма О., магистр

Университет Северной Айовы, Сидар-Фолс, США

© КАВИН Филипп А., магистр

Университет Северной Айовы, Сидар-Фолс, США

Аннотация. В центре внимания настоящей статьи — «другие» отрасли экономики, то есть не ресурсные, государственные сектора или традиционные формы хозяйствования в Арктике. Авторы рассматривают географию и возможности производства знаний с точки зрения инновационного процесса и его результатов в циркумполярном и локальном масштабах (на примере Аляски). Иными словами, в этой статье представлен первичный анализ «арктического варианта» экономики знаний. Авторы полагают, что Арктика обладает разнородным потенциалом человеческого капитала, занимающегося созданием новых знаний. Кластеры с высоким потенциалом знаний, как правило, расположены в крупных городах и региональных столицах. Анализ регистрации патентов на Аляске подтверждает эту закономерность, но одновременно представляет сложную и меняющуюся картину локализованных инноваций. Аляска демонстрирует ограниченные, хотя и растущие, разнообразные отрасли, производящие знания, значительную роль отдельных инвесторов и слабую связь с внешними кластерами знаний. Кроме того, очевидно, что производство знаний в Арктике имеет неразвитые циркумполярные связи и поэтому требует неотложных мер для стимулирования научно-исследовательского сотрудничества между частными и государственными исследователями и изобретателями в арктических государствах.

Ключевые слова: экономика знаний, Арктика, патент, инновации, развитие.

Arctic's knowledge economy: spatial patterns of knowledge and technology production in the Arctic

© Andrey N. PETROV, Ph.D., Associate Professor

E-mail: andrey.petrov@uni.edu

University of Northern Iowa, Cedar Falls, the USA

© Salma O. ZBEED, MA

University of Northern Iowa, Cedar Falls, the USA

© Philip A. CAVIN, MA

University of Northern Iowa, Cedar Falls, the USA

* Для цитирования:

Петров А.Н., Збеед С.О., Кавин Ф.А. Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 5–22. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.5

For citation:

Petrov A.N., Zbeed S.O., Cavin Ph.A. Arctic's knowledge economy: spatial patterns of knowledge and technology production in the Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 5–22. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.5

Abstract. This paper focuses on 'other,' i.e. non-resource, non-public sector and non-subsistence economies of the Arctic. We investigate the geography and assets of the Arctic's knowledge sector by examining both supply and output side of the knowledge production at the circumpolar and regional scales (using Alaska as a case study). In other words, this paper provides a first-cut analysis of the "Arctic variety" of the knowledge economy. We find that the Arctic has variable endowment with human capital engaged in new knowledge generation. Clusters of high knowledge potential tend to locate in larger cities and regional capitals. An analysis of patent registration in Alaska, confirms this pattern, but also reveals a complicated and evolving picture of localized innovation. Alaska demonstrates limited, albeit growing, variety knowledge-producing sectors, a strong role of individual investors and a weak connectivity with outside knowledge clusters. It is also evident that knowledge production in the Arctic has underdeveloped circumpolar linkages, and thus requires urgent efforts to stimulate research cooperation between private and public-sector inventors in the Arctic jurisdictions.

Keywords: *knowledge economy, Arctic, patent, innovation, development.*

Введение

Классическая литература по арктической экономике знаний традиционно апеллирует к трём «столпам»: ресурсам, государственным и традиционным секторам экономики [1, Knapp G., Huskey L.]. Однако, как утверждается ниже, эти представления более не являются актуальными ввиду растущей экономической диверсификации в Арктике, стимулируемой развивающимися мировыми и национальными экономиками арктических государств. В большинстве регионов Арктики, за исключением России, отрасли экономики, не относящиеся к базовым, приносят 30–50% ВВП [2, Glomsrød и др.]. Можно предположить, что некоторые из этих новых или «других» отраслей имеют более высокую производительность и меньшую волатильность, чем ресурсный сектор, и поэтому более совместимы с понятием устойчивого экономического развития. Таким образом, надлежащее исследование современной арктической экономики не может быть проведено без изучения так называемых «других» отраслей.

Под «другими» отраслями авторы понимают широкий спектр видов экономической деятельности, которые не являются (невозобновляемыми / крупномасштабными) ресурсными, государственными или традиционными, хотя и могут быть связаны с ними. [3, Petrov A.]. «Другие» отрасли имеют тенденцию к большей эндогенности и внутренней приуроченности к региону. В результате они могут иметь более сильные внутренние связи и мультипликаторы, значительно стимулировать локальное развитие и служить в качестве путей расширения возможностей местных сообществ. В то же время эти отрасли не только являются локальными [4, Huskey L.], но и могут служить прочным связующим звеном между местной экономикой Арктики и глобальной капиталистической системой. Примерами «других» отраслей являются отрасли, основанные на знаниях, такие как высокотехнологичные отрасли, декоративно-прикладное искусство, производство кастомизированной продукции, профессиональные и технические услуги, сфера рекреационно-развлекательных услуг, а также местная розничная торговля.

На основе данных Glomsrød & Aslaksen [5], ВВП, полученный в секторах, не связанных с ключевыми отраслями, за исключением строительства, в 2005–2010 гг. составил приблизи-

тельно 120–125 млрд долл. По сравнению с ресурсным сектором, особенно горнодобывающей промышленностью, некоторые из новых отраслей росли быстрее и продемонстрировали более высокую производительность [5, Glomsrød S., Aslaksen I.]. Этот рост обусловлен тенденцией к их размещению в арктических городских центрах, где в настоящее время сосредоточена большая часть населения Арктики [6, Rasmussen R.O.]. Хотя объём «других» отраслей в Арктике можно назвать значительным, их доля будет меньше по сравнению с южными регионами. Иными словами, роль постиндустриальной экономики, к которой принадлежит большинство «других» отраслей в циркумполярном регионе, скромна.

Недавние исследования показали, что, несмотря на существенные препятствия, периферийные сообщества могут способствовать развитию диверсифицированной экономики [7, Beyers W., Lindahl D.; 8, Boschma R.; 9, Gradus Y., Lithwick H.; 10, Selada C. и др.]. Инвестиции в человеческий капитал считаются ключевым элементом диверсификации местной экономики [6, Rasmussen R.O.; 11, Petrov A.]. Человеческий капитал в этом контексте можно рассматривать как запас знаний и навыков, которыми обладает местное население, в то время как творческий капитал более конкретен и относится к совокупной способности генерировать «значимо новые формы знаний» (т. е. инновации), имеющие экономическую ценность [12, Hirshberg D., Petrov A.; 13, Florida R.]. Чтобы способствовать экономическому росту на периферии, стимулируемому «другими» отраслями, должна существовать связь с локализованными знаниями и социальным капиталом, которые могут быть созданы при институциональном строительстве и формировании гражданского общества [14, Aarsæther N.].

Развитие, основанное на экономике знаний, является неотъемлемой частью более широкой стратегии устойчивого развития, особенно для больших и средних арктических городов [15, Пилясов А.]. Привлечение и поддержание знаний и отраслей, требующих больших ресурсов человеческого капитала, открывают перед городскими сообществами Севера новые возможности для исключения циклов бума и спада, уменьшения их зависимости от внешних экономических и политических сил и повышения благосостояния местных жителей. Недавние исследования показали, что в некоторых арктических городах, преимущественно в административных и экономических городских центрах, существуют значительные концентрации высокообразованных специалистов [6, Rasmussen R.O.]. Хотя только некоторые арктические регионы в состоянии извлечь значительную выгоду из «других» экономик или, в частности, высоких технологий, этот факт, безусловно, является одним из возможных условий для устойчивого развития в северных городских сообществах.

В статье рассматриваются новые высокотехнологичные отрасли и используются две шкалы показателей для описания наукоёмких отраслей экономики в Арктике. Общее представление о «других» экономиках было описано нами в предыдущих статьях [3, Petrov A.], а данная работа дополняет уже озвученные выводы, сосредоточив внимание на высокотехнологичной экономической деятельности, которая определяется как наукоёмкие сектора и деятельность, опирающаяся на кодифицированные технические знания, такие как информацион-

ные технологии и профессиональные, научные и технические услуги. Высокие технологии — не единственный наукоёмкий сегмент экономики. К другим источникам инноваций в Арктике относятся культурный, социальный и некоммерческий секторы [16, Petrov A.]. Однако исследования высокотехнологичных отраслей наиболее полно представлены в литературе и статистике. Одной из характеристик таких отраслей экономики является высокая доля профессий инженеров, ИТ-специалистов, проектировщиков, учёных, менеджеров и т. д. [17, BLS]. Однако производство технологических знаний не ограничивается данными секторами, а распространяется по экономике, вовлекая всех работников в творческие профессии, связанные с технологиями [13, Florida R.]. Таким образом, для изучения (высокотехнологичной) экономики знаний необходимо учитывать работников умственного труда во всех отраслях, занятость в технологических производствах, а также сам результат процесса производства знаний. Анализ, представленный далее, выстроен согласно данной логике. В центре внимания — три взгляда на экономику арктических знаний: с позиций профессиональных и образовательных характеристик рабочей силы, занятости в высокотехнологичных секторах, а также патентов.

***Циркумпольная экономика знаний:
работники умственного труда в арктических городах***

Данные по экономике знаний в Арктике ограничены. Однако в ряде недавних исследований разработана система показателей, которая может быть использована для оценки размера и потенциала сектора знаний в таких периферийных районах, как Арктика [11, Petrov A.]. Один из способов оценки размера производства знаний заключается в изучении объёма произведенных знаний (например, патенты или другие формы инноваций). Другой вариант заключается в изучении предложения исходных знаний (например, уровня образования / навыков рабочей силы и количества работников в высокотехнологичных секторах и наукоёмких профессиях). Три основных показателя, которые используются в данном исследовании, представляют собой характеристики исходного предложения и включают Индекс таланта (TI), Индекс прикладных учёных («инженеры») (ASI) и Индекс технологий (TPI). Первые два показателя основаны на информации о профессиях работников. TI определяется как коэффициент локализации (LQ) взрослого населения с университетскими дипломами, в то время как ASI является LQ рабочей силы с профессиями в прикладных и естественных науках, компьютерных технологиях и технике. Индекс технологий (TPI) — это коэффициент локализации занятости в высокотехнологичных отраслях (в том числе информационной и профессиональной, научной и управленческой, а также администрировании в национальных классификациях). Данные, использованные в настоящем исследовании, относятся к 2006–2010 гг. В выборке присутствуют данные, собранные в крупных городах (с населением более 20 тыс. человек) и столицах регионов.

На рис. 1 показан Индекс таланта для циркумпольных городов. Большинство арктических регионов имеет относительно низкий уровень образования в соответствии с TI. Как видно из табл. 1, арктические города имеют различную степень концентрации «талантов».

Эти кластеры включают региональные и национальные столицы как в России, так и по всей Арктике: например, Анадырь, Салехард, Якутск, Умео, Магадан, Джуно, Йеллоунайф, Тромсе и Рейкьявик. Ещё одна группа городов с высокообразованной рабочей силой находится в Ямало-Ненецком округе России (скорее всего, это отражает приток образованных трудовых мигрантов в последние десятилетия).

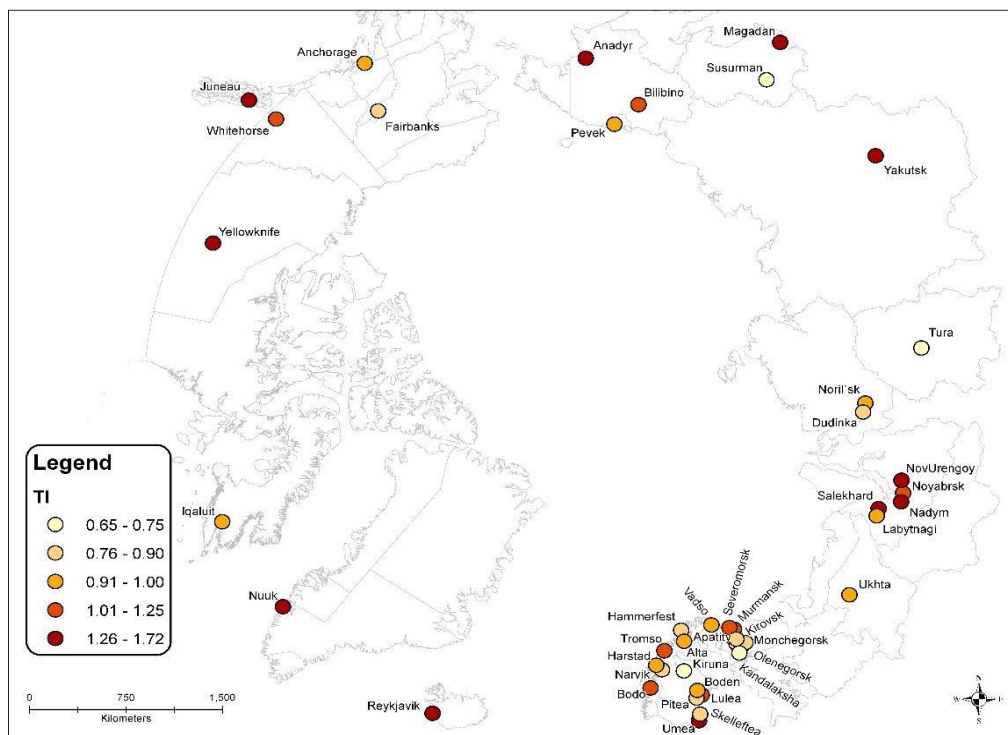

Рис. 1. Фактор месторасположения взрослого населения с высшим образованием (Индекс талантов) в арктических городах

Таблица 1

Индекс талантов (TI) в выборке крупных городов

Город	TI	Город	TI	Город	TI
Анадырь, RU	1.72	Ноябрьск, RU	1.14	Хаммерфест, NO	0.89
Нуук*, GL	1.55	Бодо, NO	1.11	Нарвик, NO	0.88
Умео, SE	1.51	Лүлео, SE	1.11	Фэрбенкс, US	0.87
Салехард, RU	1.50	Билибино, RU	1.09	Апатиты, RU	0.84
Новый Уренгой, RU	1.47	Уайтхорс, CA	1.09	Мончегорск, RU	0.83
Надым, RU	1.42	Икалуит, CA	0.99	Оленегорск, RU	0.80
Якутск, RU	1.39	Ухта, CA	0.98	Дудинка, RU	0.80
Йеллоунайф, CA	1.29	Харстад, NO	0.98	Кировск, RU	0.79
Джуно, US	1.29	Норильск, RU	0.96	Питео, SE	0.77
Рейкьявик, IC	1.28	Альта, NO	0.96	Шеллефтео, SE	0.76
Магадан, RU	1.27	Лабытнанги, RU	0.96	Воркута, RU	0.74
Тромсе, NO	1.25	Боден, SE	0.96	Турь, RU	0.69
Мурманск, RU	1.16	Анкоридаж, US	0.95	Кандалакша, RU	0.67
Североморск, RU	1.16	Вадсо, NO	0.92	Кируна, SE	0.65
		Певек, RU	0.91	Сусуман, RU	0.63

*Исходный показатель — Гренландия; Источник: данные, полученные от национальных статистических учреждений за 2006–2010 гг. Прим.: CA — Канада, GL — Гренландия, IC — Исландия, NO — Норвегия, RU — Россия, SE — Швеция, US — США.

Индекс ASI измеряет относительную концентрацию рабочей силы в прикладных и естественных науках, информатике и технике (профессиях, традиционно рассматриваемых как часть экономики знаний, но не включающих всех занятых в сфере производства знаний). Как и индекс TI, индекс ASI в Арктике является относительно низким. Однако прослеживается ряд территорий с относительно высокими индексами: северо-запад, Юкон, города Аляски, Якутия и Северная Скандинавия. Хотя индекс ASI не является абсолютно достоверным показателем пространственного распределения экономики знаний в Арктике, он указывает на размещение людей с наукоёмкими профессиями, как правило, в городских и промышленно развитых районах (рис. 2).

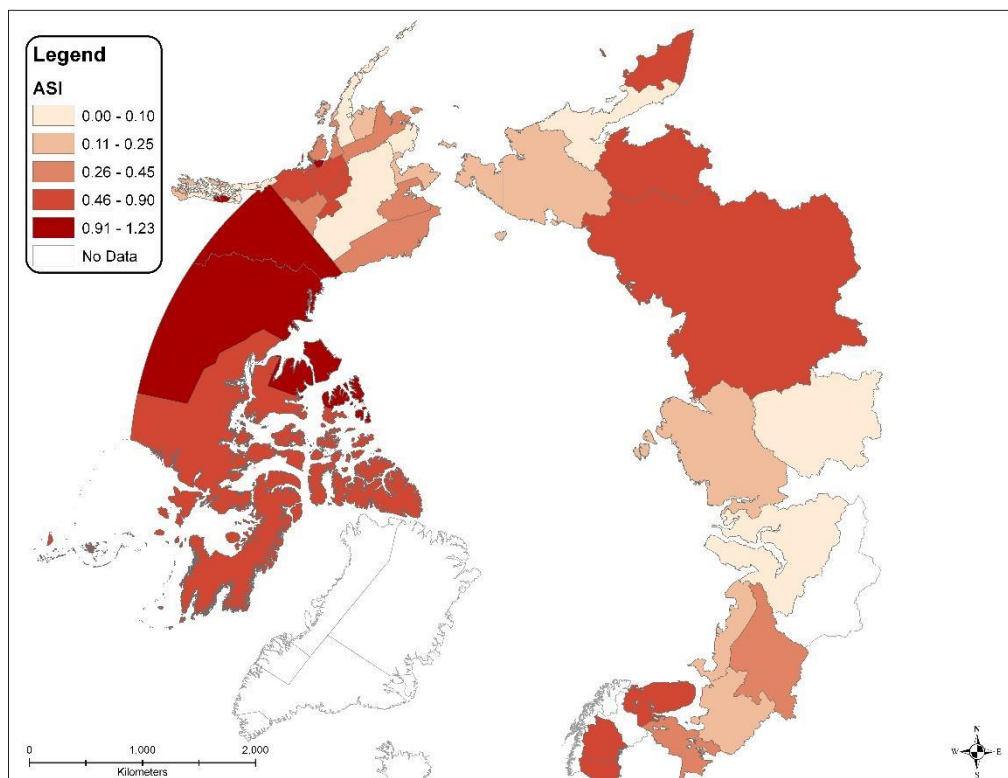

Рис 2. Местонахождение рабочей силы в прикладных и естественных науках и технике в арктических регионах (ASI). Источник: [3, Petrov A.]

Индекс TPI оценивает занятость в высокотехнологичных отраслях (рис. 3), рассматривает сравнительный объём наукоёмкой экономической деятельности в арктических регионах относительно всей страны. Неудивительно, что индекс TPI обычно близок к индексу ASI и является большим на северо-западе, Юконе и в отдельных регионах Аляски. Индекс TPI значительно ниже в Северной Евразии. Примечательно, что богатые нефтью и газом регионы Российской Арктики имеют малую высокотехнологичную занятость: большинство инженеров и технических работников (включённых в индексы TI и ASI) заняты в добывающей промышленности, которая сама по себе не считается высокотехнологичной с точки зрения индекса TPI.

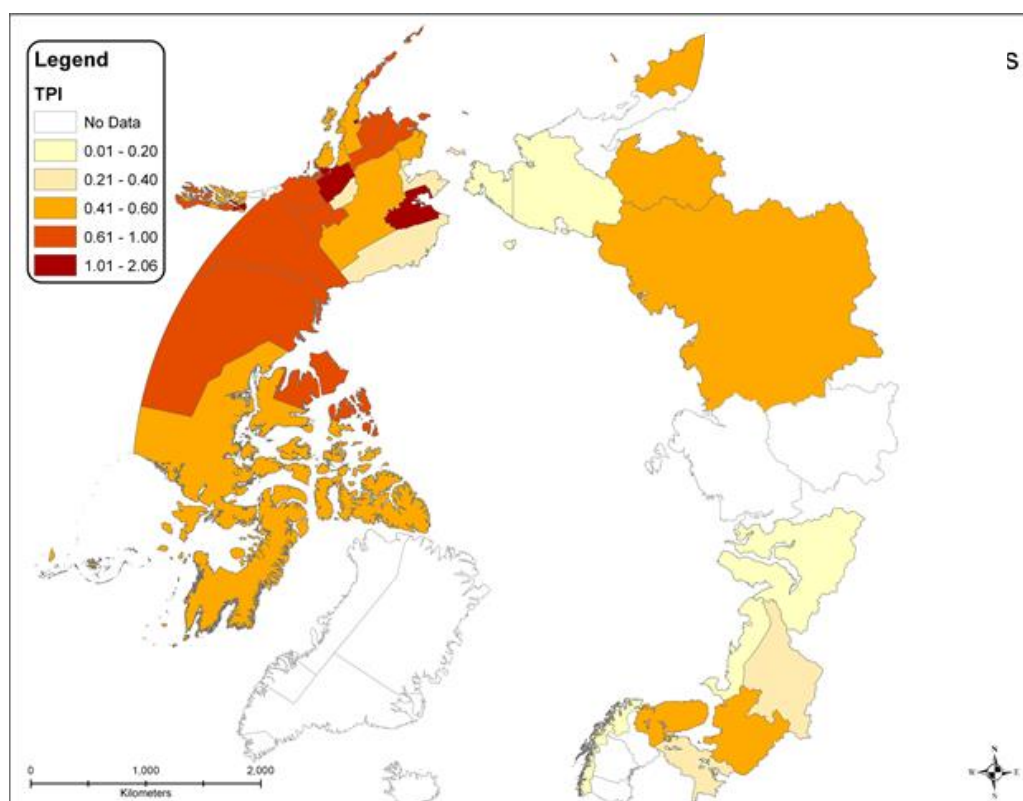

Рис. 3. Месторасположение специалистов, занятых в высокотехнологичных секторах (индекс TPI).

Источник: [3, Petrov A.]

***Производство знаний на региональном уровне:
запатентованные инновации на Аляске***

Патенты являются зарегистрированными и признанными примерами инноваций. Производство патентов обычно используется для характеристики результативности экономики знаний [18, Acs Z.J., Audretsch D.B.; 19, Feldman M.]. В США право интеллектуальной собственности предоставляется, а патент выдается ведомством США по патентам и товарным знакам (USPTO). Объём патентов, зарегистрированных изобретателями в конкретном регионе, тесно связан с объёмом производства экономики знаний на этой территории [20, Archibugi D.; 21, Kogler D.].

Общее число патентов, выданных жителям Аляски в период с 1976 по 2010 гг., составило 1 959 (рис. 4). Более половины этих патентов принадлежит специалистам, проживающим в трёх крупнейших городах Аляски: Анкоридж (855), Фэрбенкс (191) и Джуно (73). Другие города со значительной инновационной деятельностью — Василла (117), Гомер (64) и Палмер (58). Большая концентрация патентов в городах Аляски естественна. Однако при сравнении количества патентов с численностью населения появляется более сложная картина производства знаний: многие более мелкие районы становятся заметными центрами инновационной деятельности, хотя большинство из них крайне узкоспециализированы и / или локализованы.

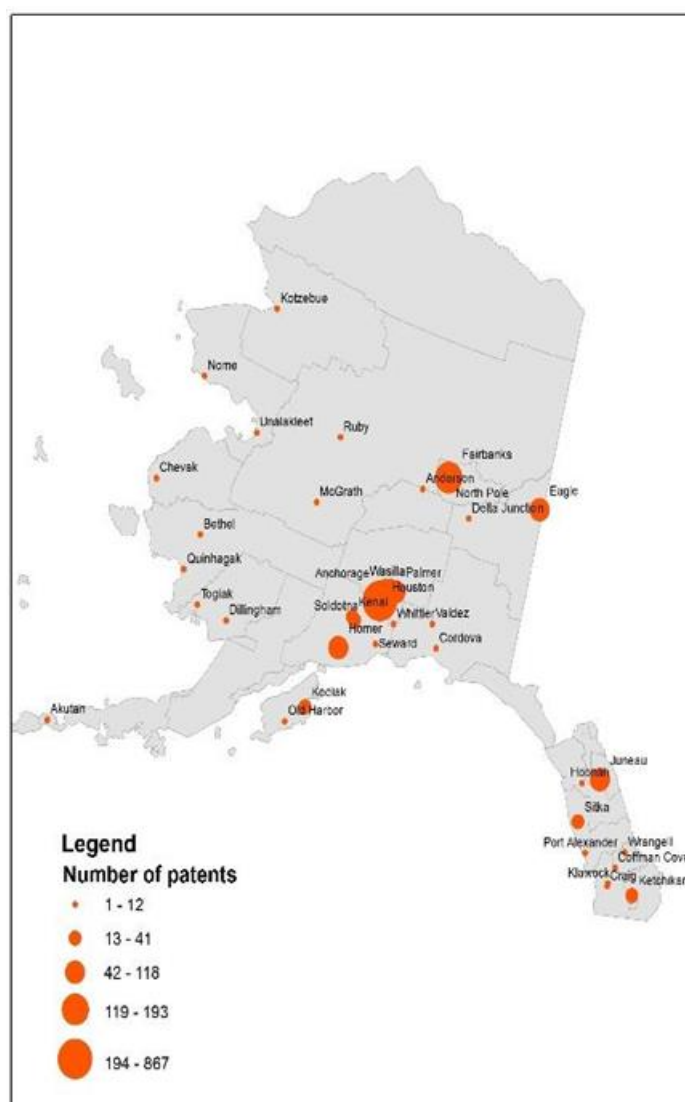

Рис. 4. Количество патентов в городах Аляски. Источник: База данных USPTO

Интересно сравнить географию инноваций с занятостью в высокотехнологичных секторах (рис. 5). Индекс TPI Аляски представляет аналогичную картину: г. Анкоридж и соседние территории имеют наибольшую относительную долю сотрудников в секторе знаний. Сельские территории с высоким TPI, например, северо-западный арктический район, характеризуются интенсивной ресурсно-ориентированной экономической деятельностью с относительно высоким уровнем квалификации рабочей силы, но с низким количеством патентов. Другими словами, эти области представляют собой конечные пункты производственной цепочки знаний, где технологии внедряются (например, для горнодобывающей промышленности), а не разрабатываются.

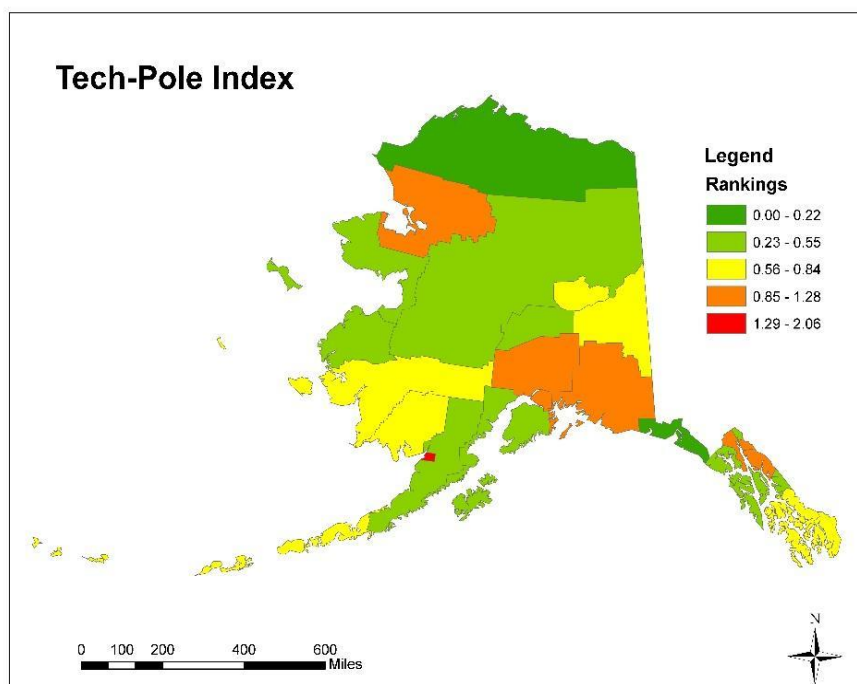

Рис. 5. Занятость в высокотехнологичных секторах (ТПИ).

Источник: Департамент труда и развития трудовых ресурсов Аляски, 2009

Инновационная активность Аляски изменялась со временем (рис. 6). Динамика инноваций и соотношение ведущих секторов существенно отличались на протяжении четырёх периодов. В 1976–1985 гг. во время строительства Транс-Аляскинского трубопровода и начала нефтяного бума количество патентов было относительно небольшим и не имело чёткой динамики. В пятёрку ведущих патентопроизводящих отраслей промышленности того времени входили рыболовство, охота и смежные виды деятельности (традиционная область специализации знаний на Аляске, то есть «старая» промышленность), гидротехника и землеустройство, бурение скважин (для добычи нефти), наземные транспортные средства и дорожные конструкции (последние два связаны с интенсивным строительством, разведкой и бурением). Ситуация изменилась в середине 1980-х гг. В 1986–1995 гг. доминирующим сектором было бурение скважин, гидравлические и земельные инженерные работы, бурение и очистка / сепарация жидкостей. Во всех этих областях работали над улучшением конструкции, эффективности и производительности нефтяных скважин, процессов бурения, добычи и транспортировки. В этот период инвестиции направлялись на увеличение добычи и производительности. В последующие десятилетия роль сектора бурения скважин в общей производительности знаний оставалась очень высокой. Другие отрасли, связанные с нефтью, также увеличили производство знаний. Инновационная активность снизилась во время финансового кризиса 2008 г., но позже восстановилась. С 1990-х гг. и особенно в 2000-х гг. появились новые сектора специализации знаний: медицинские процедуры / хирургия, обработка данных и девайсы для развлечений.

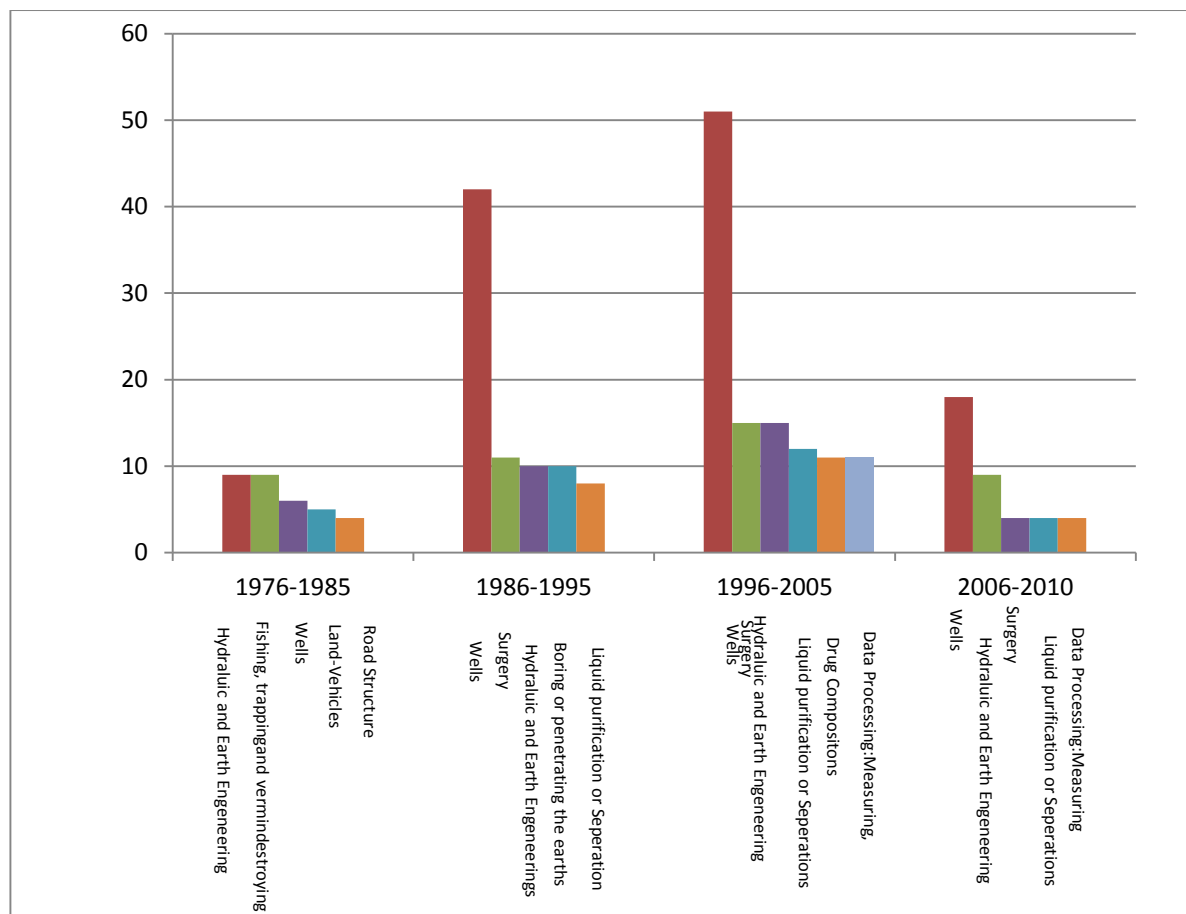

Рис. 6. Ведущие сектора Аляски в патентной инновационной деятельности (1976–2010).

Источник: База данных USPTO

1976–1985: дорожная инфраструктура, наземные транспортные средства, бурение скважин, рыболовство, охота и уничтожение паразитов; гидравлические и земельные инженерные работы;
 1986–1995: очистка или сепарация жидкостей, бурение и разведка, гидравлические и земельные инженерные работы, хирургия, бурение скважин;
 1996–2005: обработка данных (измерения, составы лекарств, очистка или сепарация жидкостей, гидравлические и земельные инженерные работы, хирургия, бурение скважин);
 2006–2010: обработка данных (измерения, очистка или сепарация жидкостей, хирургия, гидравлические и земельные инженерные работы, бурение скважин)

В целом с 1976 по 2010 гг. в области бурения скважин было произведено 11% всех патентов, созданных 18% изобретателей. Большинство патентов досталось организациям, а не индивидуальным изобретателям (8% патентов). Среди них 20 организаций и компаний, которые занимались патентной деятельностью. Доминирующей компанией была Atlantic Richfield с 196 аффилированными изобретателями, которые создали 64 патента, причём 129 изобретателей — жители Анкориджа. Вторая компания по количеству патентов — Schlumberger Technology Corporation, далее — Baker Hughes Incorporated. Данный сектор представляет наглядную иллюстрацию инновационного направления, характерного для крупных, вертикально и горизонтально интегрированных компаний, в данном случае в добывающей промышленности. Другие аналогичные сектора включают очистку жидкостей, бурение и георазведку, обработку данных, фармакологию, биовоздействие, измерительные и испытательные приборы, мультиплексную связь, электрическую связь и морские двигатели.

Контрастным примером индивидуальной инновационной деятельности является хирургия. Хотя на этот сектор приходилось лишь 2,7% от общего числа патентов, две трети изобретателей были частными лицами, главным образом из Анкориджа. Соавторы проживали на территории от Флориды до Австралии. Однако существовали шесть патентных организаций (например, AutoGenesis Corporation). Сектора наземных транспортных средств, рыболовство, суда, животноводство, тренажёры, упаковка, внутренние двигатели, устройства для развлечений, обработка материалов или изделий и др. также представлены большим количеством индивидуальных изобретателей.

В табл. 2 представлены подсекторы специализации знаний в районах Анкориджа, Фэрбенкса и Джуно и показаны все отрасли промышленности, в которых концентрация патентов в этих трёх городах превысила национальные базовые показатели. Анкоридж специализируется в 11 секторах, Фэрбанкс — в 12, Джуно — в 6. Отдельные области специализации у этих городов различаются и включают отрасли, связанные с нефтью (например, скважины, гидравлические и земляные инженерные работы), «старые» отрасли промышленности (рыболовство, производство морских двигателей и животноводство), а также новые сектора интенсивных инноваций (хирургия, геометрические инструменты, игры и упаковка). В крупных городах патенты представлены большим количеством изобретателей, иногда в сотрудничестве с представителями других штатов. Напротив, в небольших поселках (напр., Кетчикан; см. Табл. 2) запатентованные изобретения часто выпускались несколькими индивидуалами (изобретателями с узкой специализацией, многократно представляющими свои изобретения и получающими патенты в узкой области). Большинство из них работали в одной или двух основных отраслях.

Таблица 2

Сектора специализации знаний (1976–2010)

Отрасль промышленности	Анкоридж (муниципалитет)	Фэрбанкс-Норт-Стар (административный округ)	Кетчикан-Гейтуэй (административный округ)	Джуно (город и административный округ)
Бурение скважин	x			
Гидравлические работы	x	x		
Хирургия	x		x	
Очистка или сепарация жидкостей		x		
Наземные транспортные средства				
Бурение или геологические работы	x	x		
Рыболовство	x	x	x	x
Обработка данных, калибровка, тестирование				
Медикаменты, биоаккумулятивные и вредные для человека вещества				

Измерение и испытания				
Корабли	x			x
Животноводство	x	x		x
Техподдержка и обеспечение		x		
Статические конструкции				
Геометрические инструменты	x	x		x
Тренажёры	x			
Транспортировка	x	x		x
Мультиплексные системы связи				
Системы связи: электрические				
Морские двигатели	x	x	x	
Комбинированные двигатели внутреннего сгорания				
Устройства для развлечения: игры		x		x
Обработка материалов и изделий				
Обработка жидкостей		x		
Системы охлаждения		x		

Источник: База данных USPTO.

Активная патентная деятельность за пределами крупных городов — Гомер и Палмер — представлена работой изобретателей-индивидуалов: Александр Хиллс в Палмере получил многочисленные патенты на беспроводные технологии, а Джеймс Таккер в Гомере запатентовал десятки изобретений в области электротехники. Эти факты подтверждают тезис о ключевой роли отдельных изобретателей в экономике знаний малого сообщества.

В то же время большинство патентов, зарегистрированных на Аляске, особенно в области техники и электроники, были подготовлены в сотрудничестве со специалистами из других штатов и государств. Другими словами, изобретатели Аляски оказались вовлечены во внешние инновационные сети. На рис. 7 представлен рост соизобретателей, живущих вне Аляски, а на рис. 8 — география взаимодействия в патентной деятельности за 2006–2010 гг. Глобальная вовлечённость новаторов Аляски очевидна, хотя их связи ограничены несколькими регионами. Наиболее интенсивные соизобретения происходили при сотрудничестве с представителями других территорий США, в основном из Техаса (патенты в нефтяной промышленности). Есть также несколько канадских, британских, азиатских и австралийских партнёров. К сожалению, новаторы на Аляске не взаимодействуют с другими арктическими государствами и не имеют совместных изобретений. Отсутствие связей можно рассматривать как существенный недостаток и упущенную возможность для арктических изобретате-

лей и учёных. Таким образом, расширение циркумполярного сотрудничества в области исследований может создать новые возможности для совместных инноваций в Арктике.

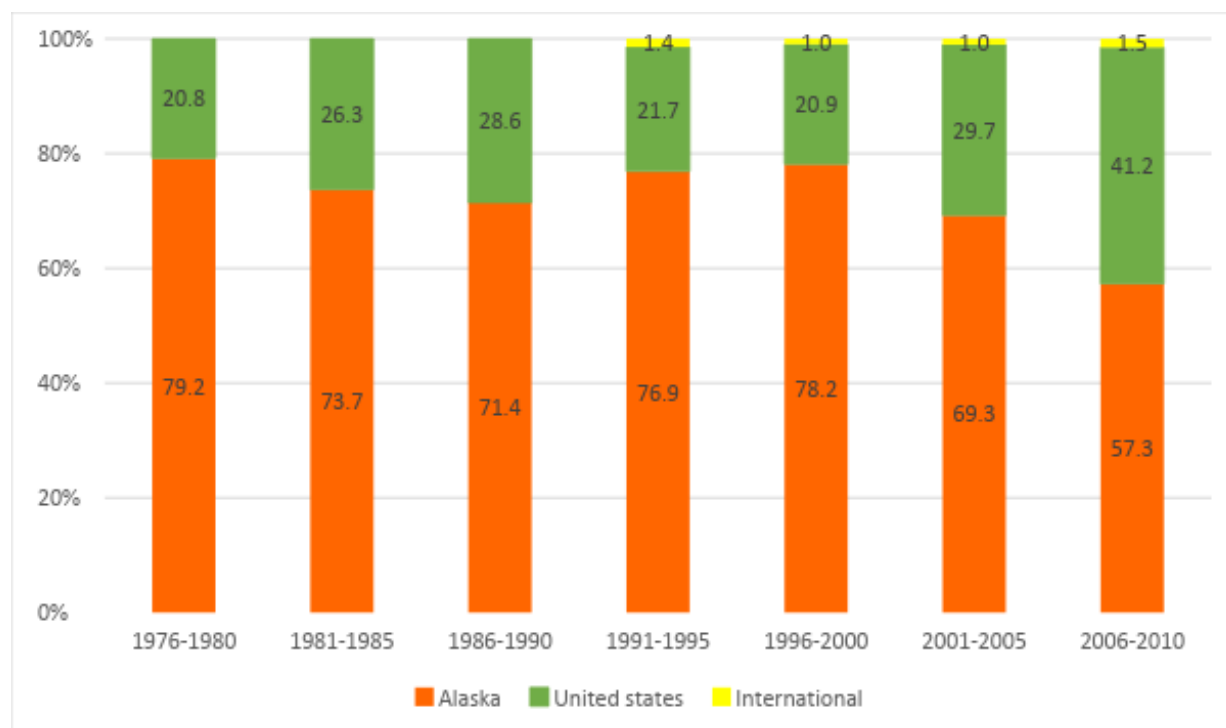

Рис. 7. Распределение мест проживания изобретателей и соизобретателей в 1976–2010 гг.
Источник: База данных USPTO

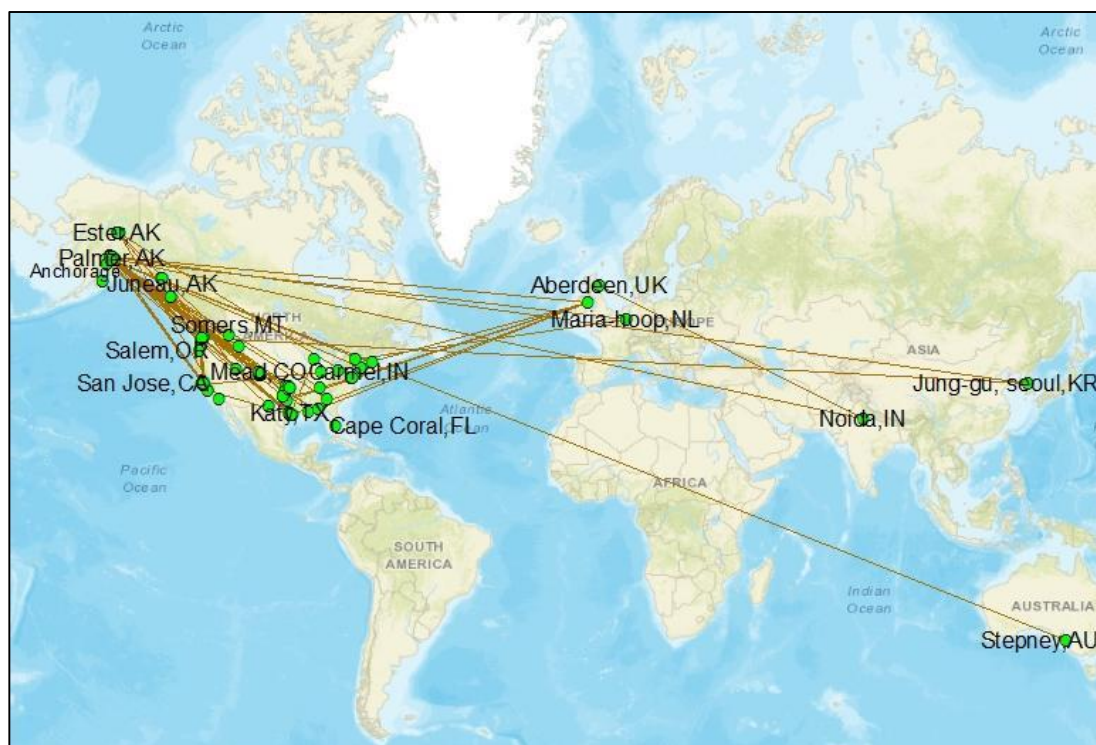

Рис. 8. Глобальная сеть соизобретателей для изобретателей из Аляски в 2006–2010 гг.
Источник: База данных USPTO

На рис. 9 продемонстрирована аффилиация изобретателей Аляски и партнёров за пределами этой территории. Заметным отличием является преобладание индивидуальных инвесторов (не связанных с какой-либо крупной компанией) среди представителей Аляски по сравнению с их партнёрами. Тем не менее, 42% патентов Аляски и 72% совместных патентов корпоративные (то есть владелец части интеллектуальной собственности патента — какая-либо компания). Правительство и университеты сыграли скромную роль в инновационном процессе, хотя она и не была незначительной.

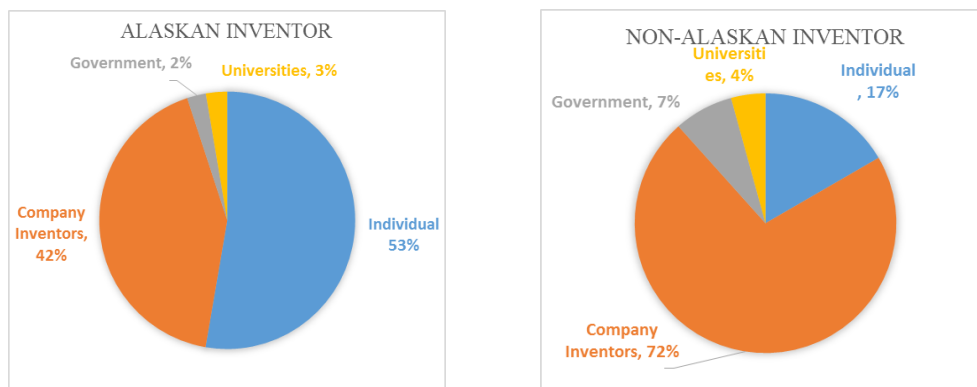

Рис. 9. Аффилиация изобретателей из Аляски и соизобретателей не из Аляски.
Источник: База данных USPTO

Первичный анализ экономики знаний на Аляске, представленной патентами, показывает, что она тяготеет к городским центрам, демонстрирует ограниченное, хотя и растущее отраслевое разнообразие производимых знаний, значительную роль индивидуального изобретателя, а также слабую связь с циркумполярными кластерами знаний. Другими словами, сохраняются признаки ресурсного фронта: чрезмерное использование инноваций, созданных в ресурсных секторах, концентрация производства знаний в нескольких городских центрах, относительная важность индивидуальных изобретателей и ограниченное разнообразие изобретений. В то же время технологические секторы Аляски эволюционируют, увеличивая внешние связи, расширяя партнёрские сети и портфолио производимых знаний.

Заключение

Новые тенденции в арктической экономике свидетельствуют о том, что в ней больше не доминируют исключительно «базовые» секторы. Множество других отраслей и сфера услуг — отличительные черты постиндустриальной эпохи — занимают прочные, а в некоторых областях лидирующие позиции в региональных экономических системах. С учётом продолжающейся глобализации, урбанизации и роста постиндустриальных секторов в Арктике «другие» отрасли будут приобретать всё большее значение. Первостепенная задача состоит в том, чтобы улучшить понимание этих видов экономической деятельности и их связей с «базовыми» секторами и устойчивым развитием.

Что мы знаем о «других» экономических отраслях в Арктике, представленных секторами знаний в общем и высокими технологиями в частности?

«Другие» отрасли, особенно высокотехнологичные, — преимущественно городские. Они возникают в городах и крупных посёлках и составляют неотъемлемую часть местных экономических систем в результате использования локального человеческого капитала и других факторов производства.

«Другие» отрасли являются эндогенными, то есть глубоко встроены в местный человеческий капитал, потребительский рынок и предпринимательскую среду. Они резко контрастируют с нефтяным сектором, который зависит от внешних компаний, глобального спроса на топливо, опирается на приезжую или высокомобильную рабочую силу и, являясь, как следствие, экзогенным, подлежит экстерриториальному контролю. Хотя сектора знаний могут быть весьма динамичными, и многие изобретения в области технологий зависят от внешних потоков информации и спроса, они по-прежнему встроены в местные сообщества, их социальные и экономические институты, творческий потенциал и пр. Встраиваемость делает «другой» сектор жизнеспособной экономической связью между местными социокультурными моделями производства и современным капитализмом, когда «местечковые» отрасли становятся частью мировой экономики знаний. Интегрированность означает передачу знаний, обмен ими внутри сообщества (в отличие от доминирования внешних потоков) и дальнейшее наращивание местного потенциала.

«Другие» отрасли в Арктике часто менее отделены от остальных секторов и задействуют местную рабочую силу. В то же время они менее подвержены циклам бума и спада, вызванным изменениями на рынках ресурсов. Исследование на Юконе показало, что почти 60% местных работников сферы производства знаний сообщили об отсутствии или ограниченном влиянии этих циклов на их работу [22, Voswinkel S.].

«Другие» отрасли приводят к появлению «нового фронта», новой арктической экономической системы, где значение секторов, не связанных с базовыми отраслями, может возрасти. Инновации, будь то деловые, технологические, гражданские или социальные, часто стимулируют новую экономическую деятельность в северных районах.

«Другие» отрасли и особенно производство знаний в Арктике имеют относительно слабые связи с внешними потоками знаний и в то же время могут не иметь внутренней связи и в регионе. Многие изобретения совершаются индивидуальными новаторами, «одинокими орлами», которые не имеют прочных связей с местными или глобальными партнёрскими сетями. Этот изобретатель-одиночка хорошо заметен на Аляске: в 1980-х гг. среднее количество новаторов на патент составляло около 1,5, и, хотя их количество увеличилось за последние десятилетия, в 2009–2010 гг. один патент готовился небольшой группой в среднем из 2 или 3 человек [23, Zbeed C., Petrov A.]. Предыдущие исследования на территории Юкона показали, что почти 60% работников сферы производства знаний являются самозанятыми и работают преимущественно с экстерриториальными заказчиками [22, Voswinkel S.].

«Другие» отрасли имеют слаборазвитые циркумполярные связи. Наиболее тревожным выводом этого исследования является тот факт, что изобретатели Аляски не имели со-

авторских отношений с новаторами в других арктических регионах. Хотя тенденция к тесной связи с остальной частью США и несколькими другими кластерами экспертных знаний, относящихся к ведущим нефтяным и газовым секторам Аляски, является естественной, а отсутствие циркумполярной связи, вероятно, оказывает лимитирующее влияние на экономику знаний Аляски. Дефицит международного сотрудничества в области инноваций по аспектам, связанным с северной средой жизни, технологическими потребностями и эксплуатационными условиями, кажется упущенной возможностью для изобретателей Аляски. Нет никаких сомнений в том, что производство знаний нефтяного сектора на Аляске могло бы выиграть от сотрудничества с норвежскими экспертами; рыболовство — с Исландией и Норвегией, животноводство — с Гренландией, Финляндией, Норвегией, Россией и Швецией и т. д. Иными словами, создание условий для обмена знаниями и опытом между арктическими новаторами является ключевой экономической задачей, которую необходимо решать без промедления.

В этой статье представлен первичный анализ «арктического разнообразия» экономики, основанной на знаниях. Необходимы дальнейшие исследования с целью углубить наше понимание «других» отраслей и их секторов. В последние годы Арктический Совет поставил амбициозную задачу по развитию циркумполярного научного сотрудничества. Научные и образовательные организации, такие как Международный Научный Комитет, Арктический Университет и Международная Арктическая Ассоциация Социальных Наук предпринимают согласованные усилия по объединению учёных Арктики [24, Berkman P. и др.]. Однако ещё одна задача заключается в налаживании связей между индивидуальными, корпоративными и государственными изобретателями за пределами университетов. Возможно, что созданный Арктический Экономический Совет сможет организовать такое сотрудничество.

Благодарности и финансирование

Настоящее исследование стало возможным при частичной поддержке Национального Научного Фонда США (NSF) (грант PLR#1338850) и Управления Международной Науки и Техники (OISE) (грант № 1545913).

Литература

1. Knapp G., Huskey L. Effects of Transfers on Remote Regional Economies: the Transfer Economy in Rural Alaska // Growth and Change. 1988. Vol. 19. № 2. P. 25–39.
2. Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I., eds. The economy of the North 2015 // Statistical analyses 151: Statistisk sentralbyrå. 2017. 168 p.
3. Petrov A. Exploring the Arctic's "other economies": knowledge, creativity and the new frontier // The Polar Journal. 2016. Vol. 6. № 1. P. 51–68.
4. Huskey L. Globalization and the economies of the North // Globalization and the circumpolar north. Ed.: L. Heininen, C. Southcott. Fairbanks: University of Alaska Press. 2010.
5. Glomsrød S., Aslaksen I., eds. The economy of the North 2008 // Statistical analyses: Statistisk sentralbyrå. 2008. 102 p.
6. Rasmussen R.O., ed. Megatrends. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 2011. 205 p.

7. Beyers W.B., Lindahl D.P. Lone Eagles and High Fliers in Rural Producer Services // *Rural Development Perspectives*. 2001. Vol. 11. № 3. P. 2–10.
8. Boschma R.A. Social Capital and Regional Development: an Empirical Analysis of the Third Italy // *Learning from Clusters: a Critical Assessment from an Economic-Geographical Perspective*. Ed.: R.A. Boschma, R.C. Kloosterman. Netherlands: Springer. 2005. P. 139–168.
9. Gradus Y., Lithwick H. *Frontiers in Regional Development*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 1996. 288 p.
10. Selada C., Cunha I.V., Tomaz E. Creative-based strategies in small cities: a case-study approach // *Redige*. 2011. Vol. 2. № 2. P. 79–111.
11. Petrov A. Creative Arctic: Towards Measuring Arctic's Creative Capital // *Arctic Yearbook 2014*. Ed.: L. Heininen. Akureyri, Iceland. 2014. P. 149–166
12. Hirshberg D., Petrov A. Education and Human Capital // *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages*. Ed.: J. Larsen, G. Fondahl. Copenhagen: Nordic Council of Ministers. 2015. P. 349–399.
13. Florida R. The Economic Geography of Talent // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92. № 4. p. 743–755.
14. Aarsæther N. (ed.) *Innovations in the Nordic Periphery* // *Nordregio Report 2004:3*. Stockholm. 2004. 264 p.
15. Пилясов А. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. Москва: Либроком. 2009. 544 с.
16. Petrov A. Beyond spillovers: Interrogating innovation and creativity in the peripheries // *Beyond territory: dynamic geographies of innovation and knowledge creation*. Ed.: H. Bathelt, M. Feldman, D.F. Kogler. London: Routledge. 2011. P. 168–190.
17. The high-tech industry, what is it and why it matters to our economic future? // *Beyond the Numbers*. BLS. 2016. Vol. 5. № 8. P. 1–7.
18. Acs Z.J., Audretsch D.B. Patents as a measure of innovative activity // *Kyklos*. 1989. Vol. 42. № 2. P. 171–180.
19. Feldman M.P. Location and innovation: the new economic geography of innovation, spillovers, and agglomeration // *The Oxford handbook of economic geography*. Ed.: G.L. Clark, M.S. Gertler, M.P. Feldman. USA: Oxford University Press. 2000. P. 373–394.
20. Archibugi D. Patenting as an indicator of technological innovation: a review // *Science and Public Policy*. 1992. Vol. 19. № 6. P. 357–368.
21. Kogler D.F. Intellectual Property and Patents: Knowledge Creation and Diffusion // *The Handbook of Manufacturing Industries in the World Economy*. Ed.: J. Clark, V. Vanchan, J.B. Bryson. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 2014. P. 1–25.
22. Voswinkel S. Survey of Yukon's Knowledge Sector: Results and Recommendations. Yukon Research Centre. Yukon College. Whitehorse, YT. 2012.
23. Zbeed S., Petrov A. Inventing the New North: Patents & Knowledge Economy in Alaska // *Arctic Yearbook 2017*. Akureyri, Iceland. 2017.
24. Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy // *Science*. 2017. Vol. 358. № 6363. P. 596–598.

References

1. Knapp G., Huskey L. Effects of Transfers on Remote Regional Economies: the Transfer Economy in Rural Alaska. *Growth and Change*, 1988, vol. 19, no. 2, pp. 25–39.
2. Glomsrød S., Duhaime G., Aslaksen I., eds. The economy of the North 2015. *Statistical analyses 151: Statistisk sentralbyrå*, 2017. 168 p.
3. Petrov A. Exploring the Arctic's "other economies": knowledge, creativity and the new frontier. *The Polar Journal*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 51–68.
4. Huskey L. Globalization and the economies of the North. *Globalization and the circumpolar north*. Ed. by L. Heininen, C. Southcott. Fairbanks, University of Alaska Press, 2010.
5. Glomsrød S., Aslaksen I., eds. The economy of the North 2008. *Statistical analyses: Statistisk sentralbyrå*, 2008. 102 p.

6. Rasmussen R.O., ed. *Megatrends*. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2011, 205 p.
7. Beyers W.B., Lindahl D.P. Lone Eagles and High Fliers in Rural Producer Services. *Rural Development Perspectives*, 2001, vol. 11, no. 3, pp. 2–10.
8. Boschma R.A. Social Capital and Regional Development: an Empirical Analysis of the Third Italy. *Learning from Clusters: a Critical Assessment from an Economic-Geographical Perspective*. Ed. by R.A. Boschma, R.C. Kloosterman. Netherlands, Springer, 2005, pp. 139–168.
9. Gradus Y., Lithwick H. *Frontiers in Regional Development*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield, 1996, 288 p.
10. Selada C., Cunha I.V., Tomaz E. Creative-based strategies in small cities: a case-study approach. *Redige*, 2011, vol. 2, no. 2, pp. 79–111.
11. Petrov A. Creative Arctic: Towards Measuring Arctic's Creative Capital. *Arctic Yearbook 2014*. Ed. by L. Heininen. Akureyri, Iceland, 2014, pp. 149–166.
12. Hirshberg D., Petrov A. Education and Human Capital. *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages*. Ed. by J. Larsen, G. Fondahl. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2015, pp. 349–399.
13. Florida R. The Economic Geography of Talent. *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, vol. 92, no. 4, pp. 743–755.
14. Aarsæther N., ed. Innovations in the Nordic Periphery. *Nordregio Report 2004:3*. Stockholm, 2004, 264 p.
15. Pilyasov A. *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last shall be first. Northern periphery on the way to knowledge economy]. Moscow, Librocom Publ., 2009, 544 p. (In Russ.)
16. Petrov A. Beyond spillovers: Interrogating innovation and creativity in the peripheries. *Beyond territory: dynamic geographies of innovation and knowledge creation*. Ed. by H. Bathelt, M. Feldman, D.F. Kogler. London, Routledge, 2011, pp. 168–190.
17. The high-tech industry, what is it and why it matters to our economic future? *Beyond the Numbers*, BLS, 2016, vol. 5, no. 8, pp. 1–7.
18. Acs Z.J., Audretsch D.B. Patents as a measure of innovative activity. *Kyklos*, 1989, vol. 42, no. 2, pp. 171–180.
19. Feldman M.P. Location and innovation: the new economic geography of innovation, spillovers, and agglomeration. *The Oxford handbook of economic geography*. Ed. by G.L. Clark, M.S. Gertler, M.P. Feldman. USA, Oxford University Press, 2000, pp. 373–394.
20. Archibugi D. Patenting as an indicator of technological innovation: a review. *Science and Public Policy*, 1992, vol. 19, no. 6, pp. 357–368.
21. Kogler D.F. Intellectual Property and Patents: Knowledge Creation and Diffusion. *The Handbook of Manufacturing Industries in the World Economy*. Ed. by J. Clark, V. Vanchan, J.B. Bryson. Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2014, pp. 1–25.
22. Voswinkel S. *Survey of Yukon's Knowledge Sector: Results and Recommendations*. Yukon Research Centre, Yukon College. Whitehorse, YT, 2012.
23. Zbeed S., Petrov A. Inventing the New North: Patents & Knowledge Economy in Alaska. *Arctic Yearbook 2017*. Akureyri, Iceland, 2017.
24. Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. The Arctic Science Agreement propels science diplomacy. *Science*, 2017, vol. 358, no. 6363, pp. 596–598.

УДК [502.1+338.48-53](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.23

Рекреационное природопользование и туризм в планах нового освоения Севера России *

© СЕВАСТЬЯНОВ Дмитрий Викторович, доктор географических наук, профессор

Тел.: +7 921 975-90-76. E-mail: ecolim@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы и перспективы развития рекреационного природопользования и туризма в Арктике в связи с государственной «Стратегией развития Арктической зоны РФ и национальной безопасности на период до 2020 года». Рассмотрены современные тенденции развития круизного туризма, экологические проблемы Арктики и задачи рационального встраивания рекреационной и туристской деятельности в новое освоение Арктики и Севера. Результатом исследования является вывод о целесообразности интеграции туристско-рекреационной сферы в комплексный национальный мегапроект социально-экономического развития Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктика, природопользование, охрана природных ресурсов, национальные парки, Северный морской путь, круизный туризм.

Recreational nature management and tourism in the new development plans of the North of Russia

© Dmitriy V. SEVASTYANOV, Dr. Sci. (Geogr.), Professor

Tel.: +7 921 975-90-76. E-mail: ecolim@mail.ru

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems and prospects for the recreational nature management development in the Arctic in connection with the state “Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and National Security for the Period up to 2020”. The author considered modern trends in the development of cruise tourism, environmental problems of the Arctic and the task of embedding recreational and tourist activities in the complex re-development of the Arctic and the North. The result of the study is the conclusion about the expediency of integration of the tourist-recreational sphere into the complex project of social and economic development of the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: the Arctic, nature management, protection of the natural resources, national parks, the Northern Sea Route, cruise tourism.

Введение

Основная цель данной статьи — привлечение внимания к проблеме развития рекреационного природопользования и туризма в северных и арктических регионах России, при реализации стратегии комплексного освоения ресурсов Арктической зоны РФ. Рекреационное природопользование и международный туризм должны найти достойное место в региональных планах и проектах государственного программно-целевого управления развитием Арктического региона РФ.

* Для цитирования:

Севастьянов Д.В. Рекреационное природопользование и туризм в планах нового освоения Севера России // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 23–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.23

For citation:

Sevastyanov D.V. Recreational nature management and tourism in the new development plans of the North of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 23–39. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.23

В XXI в. Арктика, включающая обширные береговые территории, острова и акватории морей Северного Ледовитого океана, как в России, так и за рубежом, становится регионом повышенного международного внимания не только с точки зрения добычи природных ресурсов и соблюдения баланса интересов коренных малочисленных народов Севера, но и как перспективный регион развития транспортных коммуникаций, как регион необходимого усиления природоохранной деятельности, развития рекреационного природопользования и международного туризма. В 2013 г. Правительство Российской Федерации приняло «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и национальной безопасности на период до 2020 года». В этой стратегии, в частности, предусматривается «... *развитие арктического туризма и расширение экологически чистых видов туристической деятельности в Арктике, ... содействие региональным туристическим кластерам, продвижение арктического туризма на национальные и международные рынки*»¹.

Таким образом, перед Россией стоит неотложная задача комплексного использования существующей инфраструктурной экономической базы, а также природных, этнических, социальных, рекреационных и туристских ресурсов в Арктике для успешного социально-экономического развития северных полярных регионов. В основе современной парадигмы освоения и устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), сформулированной академиком А.И. Татаркиным, должен лежать системный подход к комплексному использованию ресурсов выделенных опорных зон Севера, к сбережению традиционных укладов жизни коренных малочисленных народов и сохранению уникальных арктических экосистем. Справедливо подчёркивается необходимость соблюдения экологического императива при освоении Арктики, что означает безусловный приоритет экологической безопасности над экономическими выгодами развития территорий, необходимость расчёта экологической ёмкости территорий при размещении производств, учёта интересов коренного населения и мероприятий, направленных на сохранение биоразнообразия арктических территорий [1, Татаркин А.И., с. 339]. Развитием такого подхода являются идеи «переосвоения Российской Арктики» через интеграцию имеющихся «региональных проектов и программ развития территориальных единиц Арктической зоны РФ в интересах достижения общих целей *Арктического мегапроекта*» [2, Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н., с. 9]. Актуальными являются предложения, направленные на формирование «арктического портфеля проектов» не только на федеральном, но и на региональном, муниципальном уровнях, на внедрение комплексного проектного подхода к управлению социально-экономическим развитием АЗРФ, на организацию государственного общественного движения «Освоение Арктики» как мегапроекта, поддерживающего «жизненный ресурс» и конкурентоспособность нашей страны, которые выдвинули Ю.Ф. Лукин [3, с. 80] и В.П. Федоров [4, с. 1–6]. Остаётся добавить, что рекреационное природопользование в Арктике, направленное на со-

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 г. URL: <http://government.ru/news/432> (дата обращения: 25.12.2016).

хранение арктической природной среды и организацию особо охраняемых природных территорий (ООПТ), на развитие природно-ориентированных форм туризма — это не менее важное стратегическое направление развития, чем добывающие отрасли экономики.

Современные тенденции развития природопользования в Арктике

В XXI в. в Арктическом регионе пересеклись экономические интересы многих стран мира, но главным образом — России, США и Канады, а также стран Северной Европы: Исландии, Норвегии (со Шпицбергом), Дании (с Гренландией), Финляндии и Швеции. Все эти страны связаны с Арктикой, прежде всего, своим географическим положением, историей развития, научными исследованиями, экономикой и политикой и заинтересованы в рациональном использовании природных ресурсов Арктического региона. Эти страны являются основным ядром Арктического совета, созданного в 1998 г. для благих целей совместного регулирования норм природопользования в арктических широтах.

Россия имеет наибольшую длину береговой линии в арктических морях (более 20 тыс. км) и крупнейший сектор прилегающих акваторий морей Северного Ледовитого океана (СЛО), выходящий к Северному полюсу. Этот регион обладает и наибольшими запасами полезных ископаемых в Арктическом секторе, в том числе около 105 млрд т условного топлива (рис. 1). Современная экономическая и политическая заинтересованность России в использовании ресурсов Арктической зоны очевидна. Акватории шельфа морей СЛО, прилегающие к территории России, сезонно свободные ото льда, представляют большую экономическую ценность, так как являются не только областью возможной добычи биологических и углеводородных ресурсов, но и зоной транспортного мореплавания Северным морским путём (СМП). В настоящее время значение Севера для экономики арктических государств определяется, прежде всего, его богатейшими природными ресурсами, его сырьевым потенциалом. Поэтому приоритеты развития экономики в Арктике связаны преимущественно с добывающими отраслями природопользования и постепенным развитием транспортной инфраструктуры, ориентированной на вывоз добываемого сырья. В арктических и северных регионах РФ производится добыча основной части цветных и редких металлов, золота и многих других важных видов продукции, обеспечивающих в совокупности до 60% экспорта страны. По данным Росстата, российский Север даёт 15–20% суммарного ВРП федерального бюджета. Здесь добывается 72% всей нефти и газового конденсата, 93% естественного газа, практически все алмазы, заготавливается 37% деловой древесины. По СМП транспортируется 90% никеля и свыше 65% меди, добываемых в Арктической зоне РФ (АЗРФ). Вклад Арктической зоны в суммарный экспорт России по СМП составляет почти 25% [5; 6]. Кроме того, начинают осуществляться и круизные путешествия туристов из разных стран мира к Северному полюсу и островам СЛО из Мурманска. Потенциальный объём грузового транзита через СМП оценивается в 8–12 млн т в год. Круизный арктический туризм по СМП может стать существенным дополнением к рациональному использованию ресурсов Арктики [5, Додин Д.А. и др.; 7].

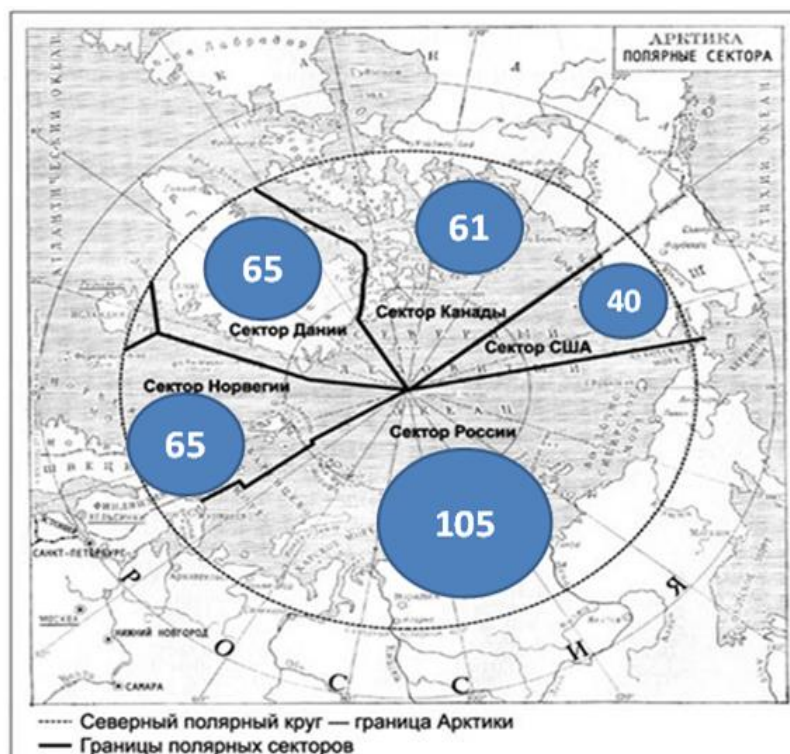

Рис. 1. Общие запасы углеводородов в национальных секторах основных стран Арктического региона (в млрд т условного топлива) [5, Додин Д.А. и др.]

Россия — северная, арктическая страна, имеющая самый широкий сектор выхода к Северному Ледовитому океану и наибольшую площадь арктических и полярных ландшафтов в мире. Присутствие нашей страны в Арктике обусловлено историческими, научными, экономическими и оборонными стратегическими причинами. По арктическим широтам проходит почти 16 тысяч километров государственной границы Российской Федерации. Охрана северных границ страны и рациональное использование природных ресурсов Арктики — задача государственной важности. В современных условиях организация *рационального природопользования* в АЗРФ должна базироваться на экологическом императиве, учитывать проблемы изменений климата, необходимость охраны природных ресурсов от загрязнений и истощения. На фоне обостряющейся борьбы за ресурсы Арктики экологический фактор приобретает особое значение для обеспечения стратегических национальных интересов и устойчивого социально-экономического развития северных территорий РФ. Для России, имеющей выход к акваториям 7 морей в арктическом секторе, существуют самые благоприятные перспективы для транспортного использования СМП, обеспечения его безопасности, поддержки торгового судоходства и организации международного круизного арктического туризма.

США, Канада, страны Северной Европы также имеют свои географические секторы в Арктике и жёстко отстаивают свои экономические и политические интересы в регионе, богатом биоресурсами и запасами нефти и газа, а также всё активнее используют природные ресурсы арктического пространства. Среди неарктических стран научные и коммерческие интересы к Арктике всё более настойчиво проявляют Китай, Япония, Южная Корея и даже Индия.

Китай активно внедряется в Арктическое пространство: регулярно проводит научные исследования в Арктике, используя свой пока единственный дизельный ледокол «Хуе Лонг», и уже начинает осуществлять морские перевозки по трассе СМП. С 1999 г. в Китае действует Национальная арктическая исследовательская экспедиция, которая выполнила уже восемь крупных научных миссий в Арктике, используя ледокол «Хуе Лонг», а также основала две исследовательские полярные станции в Исландии и Норвегии. В 2003 г. в норвежской части Шпицбергена в Нью-Олесунн (Ny-Ålesund) была организована китайская научно-исследовательская арктическая станция «Хуанхэ». Этот научный арктический стационар КНР планируется в дальнейшем использовать и как основу будущего туристского кластера, и как базу круизного арктического туризма².

Получив в 2012 г. статус наблюдателя в Арктическом Совете (членами которого являются Норвегия, Исландия, Дания, Швеция, Канада, Финляндия, США и Россия), Китай существенно активизировал свои исследования в Арктике. В том же году в рамках договора с Россией ледокол «Хуе Лонг» прошёл по Северному морскому пути вдоль российской береговой линии, совершил заход и стоянку в Исландии. В 2013 г. в Шанхае организован «Китайско-Североевропейский Центр арктических и антарктических исследований» для поддержки научных, экономических и туристских разработок. В правительстве КНР образована Арктическая и Антарктическая администрация (KYAA, Chinese Arctic and Antarctic Administration), отвечающая за выполнение научных программ и постепенно наращивающая активность. В 2016 г. в Китае заложен новый исследовательский ледокол — «Хуе Лонг 2», а в августе 2016 года, были проведены первые совместные арктические российско-китайские исследования в исключительной экономической зоне РФ в СЛО. По мере наращивания экспортного потенциала китайской экономики и недавнего превращения КНР (с 2010 г.) в первую экспортную державу мира, китайское руководство осознаёт выгоду от развития торгового сообщения через арктические моря, от проведения научных исследований и организации круизного туризма в Арктике³.

Следовательно, в обозримой перспективе при соответствующем современном обустройстве СМП неизбежно перейдёт из статуса национального проекта в категорию важнейшего международного, способного обеспечивать стратегические экономические интересы России.

Арктическая зона в РФ в природном отношении является крайне суровыми регионом. На островах и побережье морей Северного Ледовитого океана преобладает арктический и субарктический климат, ландшафты арктических пустынь (с фрагментарной растительностью) и зоны тундр (равнинных и горных). Частично по южной границе АЗРФ появляются фрагменты зоны лесотундры и северной тайги. Площадь арктических морей в этом секторе

² Романова К. Китайский бизнес идет в Арктику. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/05/16/6037137.shtml> (дата обращения: 10.03.2016).

³ Китай в Арктике. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2260803.html> (дата обращения: 10.12.2017).

достигает 6,8 млн кв. км, а длина северного побережья РФ — более 22 600 км. Этот труднодоступный и экзотический по своей природе регион в последние десятилетия стал привлекательным не только своим ресурсным, промышленным и экономическим потенциалом, но и с точки зрения рекреационного природопользования, для организации особо охраняемых природных территорий (ООПТ): национальных парков и заповедников как объектов рекреации и туризма. В XXI в. в АЗРФ были спроектированы и созданы такие крупные рекреационные объекты как Кандалакшский заповедник и НП «Хибины» на Кольском полуострове, НП «Онежское Поморье» на Онежском полуострове Белого моря, НП «Русская Арктика» на северной оконечности о. Новая Земля и федеральный заказник на архипелаге «Земля Франца Иосифа», объединённый Таймырский заповедник, НП «Остров Врангеля», кластерный НП «Берингия» на Чукотке (рис. 2). Дальнейшее рекреационное развитие этих арктических природных территорий создаст возможность использовать их как объекты экологического туризма в ходе организации круизов по трассе СМП.

Как известно, в России почти 20% территории расположены к северу от полярного круга. Но с учётом сухопутной территории, отнесённой Указом Правительства РФ № 296 от 02.05.2014 г. к Арктической зоне РФ, размеры этого региона расширяются до 37% площади России⁴ (рис. 2).

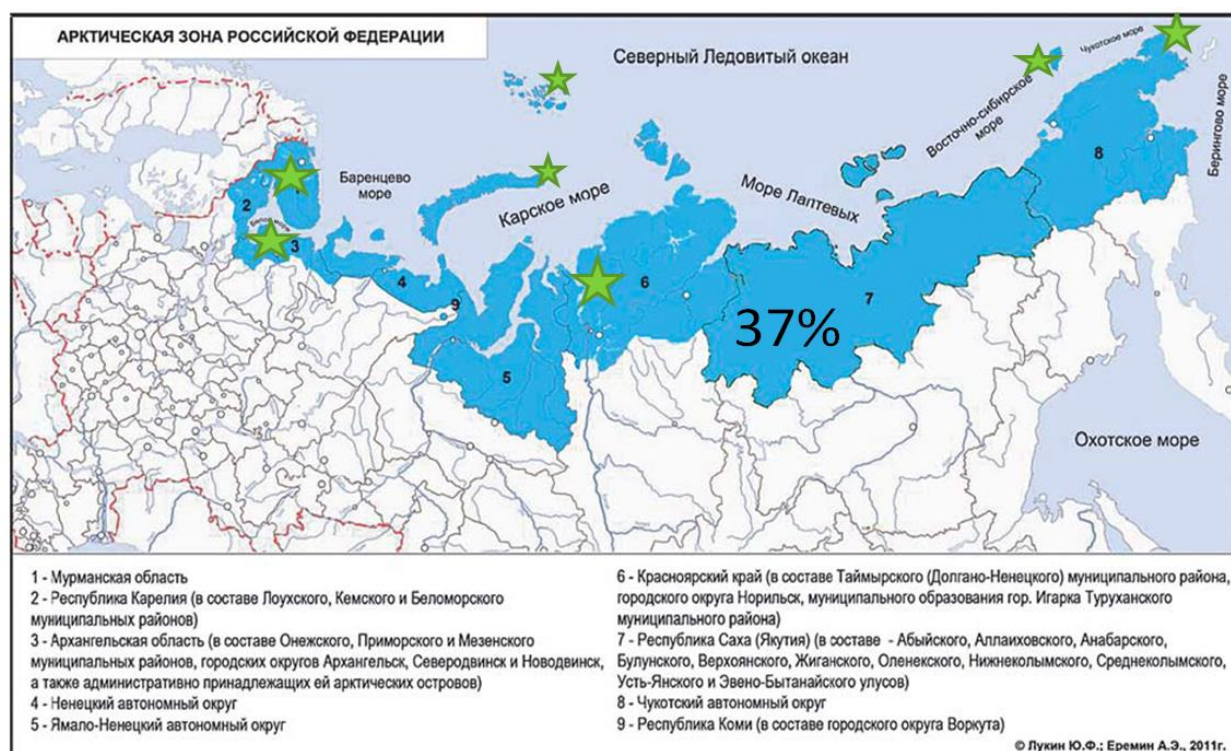

Рис. 2. Карта Арктической зоны РФ⁵. Арктическая зона РФ (с учётом ландшафтно-климатических условий) выходит за пределы Северного полярного круга и составляет 37% территории РФ. Звёздочками показаны основные ООПТ Арктической зоны

⁴ Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск. 2012. URL: https://narfu.ru/aan/Russian_Arctic_Lukin (дата обращения: 25.12.2014).

⁵ Там же, с дополнениями автора.

Одним из важнейших стимулов к современной активизации международной экономической и рекреационной деятельности в Арктическом регионе планеты, безусловно, является потепление климата Арктики и смягчение ледовой обстановки в морях СЛО, наблюдаемое в последние десятилетия. Исследователи отмечают, что ледяной покров Арктики *пульсационно* сокращается. По данным Росгидромета, с начала 1980-х гг. XX в. ежегодно фиксируется значительное сезонное сокращение площади морского льда. Этот процесс резко ускорился в конце 1990-х гг. и достиг максимальных значений в 2007 г. (4,3 млн кв. км), затем в 2012 г. (3,41 млн кв. км), в 2016 г. (4,1 млн кв. км). Таким образом, всё большая площадь полярных льдов в летнее время исчезает и освобождает пространства северных морей для свободного мореплавания. По данным мониторинга морского ледяного покрова Арктики, осуществляемого специалистами ААНИИ, на декабрь 2014 г. площадь полярной шапки льдов в СЛО в целом составляла 11,67 млн км², что меньше средней многолетней нормы на 4,2%, а для восточного сектора Арктики, включающего моря Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, Берингово и Охотское, площадь льда в этом секторе была меньше среднего многолетнего значения на 7,9%. В декабре 2017 г. общая площадь арктического морского льда в СЛО составила в среднем 11,75 млн кв. км^{6, 7}.

По поводу дальнейшего развития ледовой обстановки в Арктике имеются разные точки зрения. Сторонники теории направленного потепления глобального климата рисуют перспективы дальнейшего сокращения ледяного покрова Арктики вплоть до полного его исчезновения к концу текущего столетия. По мнению других специалистов, изучающих цикличность изменений климата, в настоящее время климатическая система находится в точке бифуркации и в ближайшие годы может проявиться тенденция к похолоданию и росту ледовитости Арктики. В любом случае на современном этапе и в обозримой перспективе целесообразно увеличивать ледокольный флот и укреплять инфраструктуру СМП.

Практика арктического мореплавания показывает, что обеспечение круглогодичной безопасности на СМП зависит от мощных ледоколов, которые могут прокладывать путь сквозь льды и обычно сопровождают суда даже летом. При этом очевидны и сложности, связанные с судоходством в высоких широтах. Это долгая, суровая зима, тяжёлые льды, которые до конца не исчезают даже в самые тёплые месяцы года. Проводка грузовых и круизных транспортов зимой через тяжёлые льды возможна только с помощью ледоколов, а это весьма сложное и дорогое мероприятие. Ледокольный флот РФ, фактически находящийся в настоящее время в эксплуатации, насчитывает всего 6 атомных ледоколов: четыре тяжёлых — класса «Арктика» и два — с меньшей осадкой, класса «Таймыр» и 5 дизель-электрических судов ледокольного типа. Активно используется для проводки судов и для круизного туриз-

⁶ Global Sustainable Development Report, 2015 edition. Advance Unedited version. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1758GSDR%202015%20Advance%20Unedited%20Version.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).

⁷ National Snow & Ice Data Center, Arctic Sea Ice News & Analysis, 2016. URL: <http://nsidc.org/arcticseaicenews> (дата обращения: 01.12.2016).

ма один атомный ледокол «50 лет Победы», оборудованный каютами для перевозки туристов, а также атомный ледокол «Вайгач» [8, Рукша В.В. и др., с. 29]. Для России наличие самого мощного ледокольного флота позволяет реализовать возможности разработки полезных ископаемых на шельфе и обеспечить перспективы постоянного транспортного использования Северного морского пути (СМП) вдоль побережья Евразии в рамках региональных, национальных и международных проектов. Это открывает новые возможности для развития природоохранной и туристско-рекреационной деятельности в полярных широтах. Ледокольный флот и современное потепление климата обеспечивают транспортный доступ к расположенным на СМП региональным портам — Сабетта и Новый Порт в устье реки Оби, Диксон, Дудинка и Игарка на реке Енисей, порт Тикси в устье реки Лены и др. Эти порты, построенные ещё в советское время, требуют существенной реконструкции, но продолжают поддерживать каботажное судоходство в системе «река-море» в летний период, служат пунктами перегрузки минеральных ресурсов и древесины, являясь опорными точками и очагами жизни на трассе СМП [8, Рукша В.В. и др., с. 32–35].

В соответствии с современной парадигмой комплексного «переосвоения» Арктики, в ходе реорганизации СМП и развития опорных регионов должны быть предусмотрены мероприятия, стимулирующие формирование туристско-рекреационных центров и пунктов обслуживания круизных туристов, количество которых в Арктике будет только возрастать. Рекреационное природопользование на трассе СМП связано с организацией новых и обслуживанием существующих национальных парков и заповедников, привлекательных для посещения круизными туристами, выявлением и включением в туристскую деятельность новых аттрактивных туристских объектов. Важным аспектом является создание новых рабочих мест и активное привлечение к природоохранной и туристской деятельности представителей местных коренных малочисленных народов. Необходимо подчеркнуть, что в отличие от преобладающего в Арктике ресурсодобывающего, промышленного природопользования, рекреационное природопользование не оказывает столь разрушительного воздействия на окружающую среду, а наоборот, способствует охране природы и формированию у туристов и местного населения экологического мировоззрения. Современное исследовательское направление рекреационного природопользования в арктических широтах должно быть направлено на выявление и изучение оставшихся уникальных уголков природы и объектов, связанных с историей освоения северных территорий Евразии, с целью создания новых ООПТ и сохранения природы Арктики.

Необходимо учитывать, что открывающиеся благоприятные перспективы развития мореплавания по арктическим морям, свободным ото льда в летнее время, сулят большие экономические выгоды, но повышают опасность роста загрязнений природных вод и территорий размещения добывающей промышленности. Поэтому развитие морской транспортной системы на Севере России и организацию регулярного судоходства по Северному морскому пути целесообразно сопровождать созданием независимой специальной государ-

ственной службы экологического мониторинга природной среды Арктики под эгидой Минприроды.

Развитие рекреации и туризма в зарубежных странах

Следует особо отметить, что в последние годы акватории арктических морей всё более активно используются не только для рыболовства и транспортировки грузов, но и для осуществления круизного арктического туризма. Северные полярные страны начинают получать немалую экономическую выгоду от своего географического положения в связи с ростом интереса туристов к суровым арктическим пейзажам, природным и историко-культурным объектам и другим полярным аттракциям. Подавляющее большинство привлекательных объектов для туризма в Арктике — это природные объекты: экзотические острова, ледники, фьорды, скалы, береговые утёсы, водопады и айсберги, птичьи базары, лежбища морских животных, киты и белые медведи, минералы, полярные сияния и пр. Особый туристский интерес могут представлять и памятные объекты, связанные с географическими открытиями и историей покорения Арктики. Примечательно, что арктический туризм в США, Канаде, Гренландии, Исландии, Норвегии развивается при существенной государственной поддержке и приносит немалую прибыль. Например, согласно данным UNWTO (2010 г.), штат Аляска в США зарабатывает на туризме до 3,4 млрд. долл., а Канада — 6,5 млрд долл. в год. Привлекает внимание и резкий рост числа туристов, посещающих Гренландию: в начале 90-х гг. на территорию прибывало около 3 500 чел./год, а в 2011 г. уже почти 65 000 чел./год. Таким образом, за 20 лет произошло увеличение потока туристов более чем в 18 раз, превысив число постоянно проживающих здесь жителей — инуитов и датчан (рис. 3) [6, Севастьянов и др., с. 91–92].

Среди остальных регионов Арктики показали похожую динамику Исландия, прирастив число только международных визитеров более чем в 4 раза, и норвежский Шпицберген — в 3 раза. В других регионах зарубежной Арктики (Аляска, Канадский архипелаг) темпы роста были сопоставимы со среднемировыми и составили от 42 до 84%. В целом, в 2010 г. количество туристов, побывавших в зарубежной Арктике и приполярных районах (без России), превысило 700 тыс. чел. [9, Sevastyanov et al., p. 485].

После всплеска активности арктического туризма в 2006–2007 гг. во всех высокоширотных регионах было зафиксировано падение числа посетителей. Острая фаза экономического кризиса (2008–2009 гг.) серьёзно повлияла на динамику туризма в Арктике. Однако уже в 2012–13 гг. на архипелаге Шпицберген (Норвегия) и в Исландии был отмечен значительный рост количества туристов. В то же время в Аляске и Гренландии по этим показателям отмечался спад посещений (рис. 3).

Основной пик туристского потока в Арктику приходится на летние месяцы с июня по сентябрь, что особенно характерно для морских круизов, определяемых возможностью судостроительства. Авиацонная доступность Аляски, Гренландии, Исландии и Шпицбергена не-

сколько сглаживает сезонность посещений, а участие резидентов в использовании туристской инфраструктуры в другое время года позволяет обеспечить её минимальную загрузку в зимний период [10, Maher P.T., p. 53].

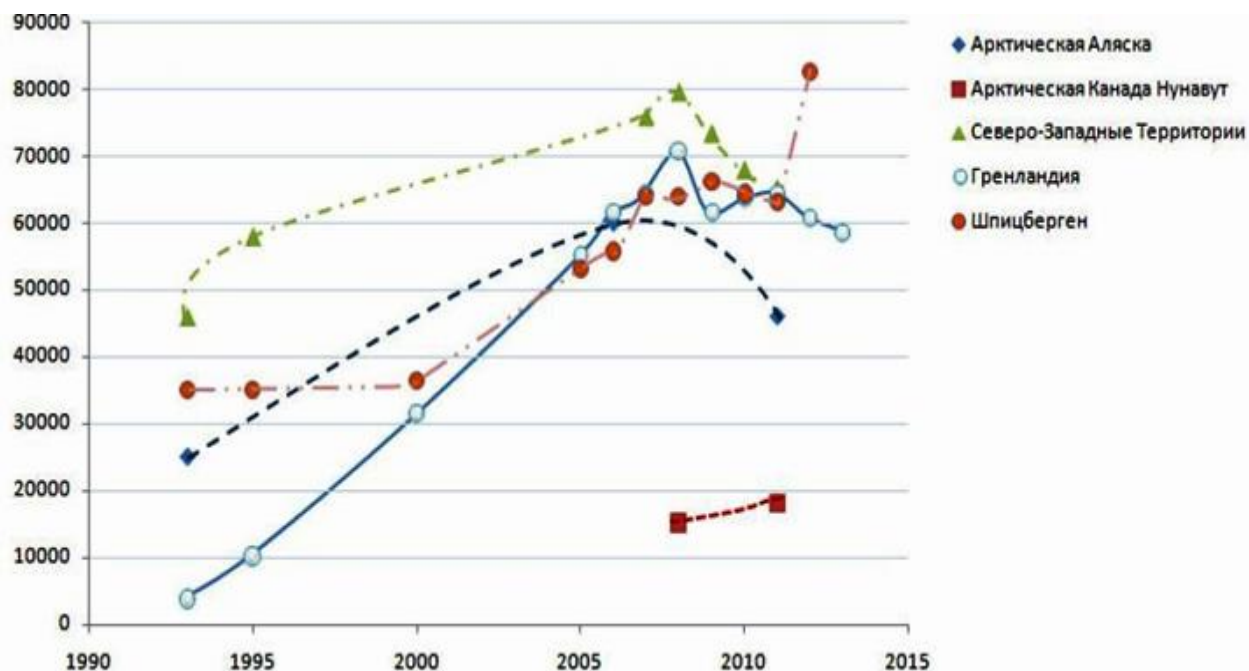

Рис. 3. Динамика туристских посещений зарубежной арктической зоны [14]

Следует отметить, что рост антропогенного воздействия на арктические ландшафты и их уязвимость обуславливают необходимость научного сопровождения программ развития арктического туризма, предусматривающего оценку устойчивости ландшафтов и реализацию мероприятий по их охране. Например, канадские специалисты выделили виды негативного воздействия туризма на экосистемы, такие как эрозия почв и уничтожение растительного покрова в местах пешеходных маршрутов, дигрессия ландшафтов в местах туристских достопримечательностей, антропогенное загрязнение в районах аэропортов и причалов морских судов, снижающее привлекательность туристских локаций. По мнению канадских исследователей, в Арктике следует уделять особое внимание организации контроля и регулирования туристских потоков, минимизации воздействия туризма на условия обитания коренных народностей [10, Maher P.T., с. 58–59].

Один из наиболее посещаемых районов Арктики в настоящее время — архипелаг Шпицберген, располагающийся в зоне воздействия тёплого течения Гольфстрим. Круизные суда начали приходить на Шпицберген с 1870 г. С ростом числа круизных туров в XXI в. связано увеличение антропогенного воздействия на природу островов. В соответствии с Предписанием о туристской и экскурсионной деятельности на Шпицбергене, приоритетом является минимизация антропогенного воздействия на природную среду. Здесь выделяется специальная административная зона № 10, куда входят все посёлки Шпицбергена, как норвежские, так и российские. Фактически это единственная зона посещения, где разрешено свободное пребывание туристов и туристских групп без специальной регистрации. Помимо изу-

чения антропогенной нагрузки на ландшафты, экологические службы уделяют большое внимание и «социальной нагрузке» на местное население. Отмечается необходимость изучать потребности посетителей, определяющие их поведение и, в конечном итоге, влияющие на виды и формы нагрузок. В последнее время Шпицберген ежегодно посещают 70–80 тыс. чел. Около 80% из них составляют норвежцы и другие граждане стран Скандинавии. Обычно они размещаются в пос. Лонгйир. Российский пос. Баренцбург на архипелаге Шпицберген пользуется меньшей популярностью среди туристов ввиду неразвитости инфраструктуры, хотя территория, где расположены российские посёлки, входит в пределы вышеупомянутой административной зоны № 10. Однако в последние годы замечен рост посещаемости Баренцбурга в ходе непродолжительных экскурсий (2,5–3 тыс. чел./год, из них российских туристов — 20–30 чел.). При этом наибольший приток туристов, останавливающихся в местной гостинице, наблюдается в весенне-летний период с апреля по август [11, Коростелев Е.М., Билецкий А.В., с. 13].

Арктический туризм в стратегии развития полярных регионов РФ

Следует подчеркнуть, что в 2012 г. в РФ была принята государственная «Программа развития туризма в РФ на 2013–2020 гг.», которая утверждает приоритет развития въездного и внутреннего туризма, по сравнению с выездным и опирается на утверждённую «Стратегию развития Арктической зоны РФ до 2020 г.», в которой, в частности, предусматривается необходимость создания региональных туристических кластеров и продвижение арктического туризма на национальном и международном рынках⁸.

Опыт соседних арктических стран показывает, что в основе формирования туристских кластеров в Арктике должно лежать рациональное природопользование, развитие транспортной и гостиничной инфраструктуры. Предусматривается активное использование потенциала ООПТ арктического региона — национальных парков и заповедников, в которых целесообразно осуществлять природно-ориентированные виды туризма и экологическое просвещение рекреантов. Непременным условием эффективного осуществления и развития арктического туризма в современных условиях выступает фактор международного партнёрства и кооперации в целях обеспечения безопасности туризма в Арктике и транспортного осуществления арктических путешествий. Примером может являться проект «Государственно-частного партнёрства в сфере туризма в Баренц-регионе» (BART), который упомянут Ю.Ф. Лукиным в статье о концептуальных подходах к туризму в Арктике [12, Лукин Ю.Ф., с. 61].

Анализируя тенденции развития рекреации и туризма в северных и арктических регионах России, нельзя не отметить расширение сети национальных парков и заповедников в последние годы. Прежде всего, это открытие новых ООПТ: НП «Русская Арктика», объединённого с заказником «Земля Франца Иосифа» в Баренцевом море; НП «Онежское Помо-

⁸ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 г. URL: <http://government.ru/news/432/> (дата обращения: 25.12.2016).

рье» на Онежском полуострове Белого моря; кластерного НП «Берингия», расположенного на Чукотке и Аляске, а также заповедников на полуострове Таймыр и на острове Врангеля. Эти ООПТ располагаются в пределах доступности трассы СМП, что делает их привлекательными для посещения в ходе организации круизного туризма по арктическим морям.

Большое значение для сохранения природы Арктики и развития рекреационного природопользования в полярных широтах имел подписанный в 2009 г. Указ о создании крупнейшего на Российском Севере национального парка «Русская Арктика» на северной оконечности о. Северный, архипелага Новая Земля, включая Большие и Малые Оранские острова, о. Лошкина и ряд других островов. В ведении национального парка «Русская Арктика» находится также государственный природный заказник федерального значения — Земля Франца-Иосифа (ЗФИ), который с 2016 г. стал частью НП «Русская Арктика». Площадь НП «Русская Арктика» 14 260 км², но вместе с заказником ЗФИ, площадь которого 42 000 км², они составляют одну из самых крупных охраняемых природных территорий планеты [13, Гаврило М.В., с. 23]. Важнейшей задачей национального парка является сохранение биологического разнообразия и поддержание в естественном состоянии охраняемых арктических природных комплексов, а также развитие туризма в пределах подведомственных территорий. Главной проблемой при этом является серьезная угроза разрушения первозданности уязвимой арктической природы и культурно-исторических памятников, находящихся на территории островов.

В архипелаге ЗФИ на острове Белл находится дом «Эйры» — место стоянки британского исследователя Арктики Бенджамина Ли Смита, названное в память о яхте «Эйра», которая была раздавлена льдами у мыса Флора в 1881 г. Главным объектом туристского интереса на о. Гукера является «Бухта Тихая» — место зимовки экспедиции Г.Я. Седова 1913–1914 гг. Там же — колония морских птиц численностью более 10 000 пар (глупыш, люрик, толстоклювая кайра, моевка). Не менее интересным объектом выступает о. Чамп в центральной части архипелага. На острове находятся уникальные каменные образования идеально круглой формы — конкреции стяжения, известные туристам как *сферолиты*. К юго-востоку от о. Чамп находится о. Галля, южной точкой которого является мыс Тегетхофф, в районе которого был расположен лагерь австро-венгерской экспедиции Ю. Пайера (1874 г.). Здесь же находятся руины зимовья экспедиции американского журналиста Уолтера Уэллмана (1898–1899 гг.), а на скалистом откосе — объект туристского интереса геологического характера — долеритовая дайка мыса Тегетхофф.

По данным информагентств на 2013 г., в национальном парке «Русская Арктика» побывало 636 туристов из 35 стран. Около 30% от этого количества составили граждане Китая, на втором месте граждане США, на третьем — Швейцарии. В 2014 г. территорию НП «Русская Арктика» и федерального заказника «Земля Франца Иосифа» (ЗФИ) посетили 738 человек, а летом 2015 г. — уже 1 225 человек (прирост — 70%). В том числе 32% туристов были представителями Китая, около 10% от общего количества составляют граждане РФ [14, Ершов Р.В., с.

118]. В 2016 г. по ряду причин круизное посещение «Русской Арктики» несколько снизилось, но в 2017 г. вновь превысило тысячу туристских прибытий.

Динамика посещений НП «Русская Арктика» туристами представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика посещений туристами НП «Русская Арктика»

Годы	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Количество туристов	865	1005	636	738	1225	954	1142

В соответствии с сообщением на сайте НП «Русская Арктика», в 2015 г. из 11 круизов по арктическим морям 7 было направлено к Северному полюсу на атомном ледоколе «50 лет Победы» с заходом на ЗФИ; 3 — на теплоходе “Sea Spirit” по маршруту Шпицберген — Земля Франца Иосифа — Шпицберген; 1 рейс был осуществлён на круизном судне “Bremen” по Северному морскому пути с заходом на мыс Желания (Новая Земля) и Землю Франца Иосифа. Таким образом, по мере развития круизных путешествий и роста числа туристов рекреационная нагрузка на арктические острова постепенно возрастает, что уже вызывает тревогу у природоохранной службы заказника. Несмотря на пока ещё небольшое количество туристов, в местах высадок на берег с круизных судов на островах уже наблюдается рекреационная дигрессия, связанная с вытаптыванием грунтов на маршрутах экскурсий и нарушением почвенно-растительного покрова. Всё более востребованными становятся исследования и расчеты экологической ёмкости объектов посещения, обоснования нормирования посещений островов [15, Чижова В.П., с. 19].

В то же время находящийся почти на той же широте норвежский архипелаг Шпицберген посещают ежегодно десятки тысяч туристов. Ещё в начале 1990 гг. повышение рекреационной нагрузки на остров подтолкнуло специалистов и общественность на разработку подходов к регулированию туристского потока. В настоящее время разработанная методика получила название «локальные планы управления территорией». Она включает в себя информацию о ценных объектах, научно обоснованное зонирование участков в районах туристского воздействия и карту местности.

К вопросу оценки нагрузок и регламентации туризма в национальном парке «Русская Арктика» уже обращались многие специалисты. Тем не менее, если говорить о развитии экологически безопасного туризма, то следует организовать систематические исследования: мониторинг изменений природной среды, разумное обустройство троп, разработку управленческих решений, регламентирующих рекреационные нагрузки на арктические ландшафты, на что указывают многие эксперты [11; 15]⁹.

Образованный в 2013 г. Национальный парк «Онежское Поморье» располагается на северной оконечности Онежского полуострова, вдающегося в Белое море., в 40 км по морю

⁹ Как совместить туризм и охрану окружающей среды в Арктике // WWF Report. URL: <http://www.panda.org/resources/inthefield/arctic> (дата обращения: 21.02.2016).

от известных Соловецких островов. Площадь этого национального парка — 201 668 га, включая земли лесного и водного фонда. Создание национального парка «Онежское Поморье» направлено на сохранение природных комплексов северной тайги и историко-культурных объектов на Онежском полуострове Архангельской области. Это касается обитающих здесь редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, занесённых в Красную книгу РФ, уникальных массивов приморских старовозрастных таёжных лесов, а также культуры и жизненного уклада поморского населения Русского Севера. Онежский полуостров является местом массовых скоплений водоплавающих и околоводных перелётных птиц в период весенних и осенних миграций. Унская губа соответствует критериям выявления водно-болотных угодий международного значения и включена в список ключевых орнитологических территорий РФ.

Главными природными особенностями парка являются наличие морской и лесной охранных зон, коренных северо-таёжных лесов, выходящих к самому берегу моря, береговых дюн, многочисленных и разнообразных озёр, болот и рек. Ледниковые отложения, распространённые на территории парка, создают необычные каменные нагромождения, среди которых встречаются мегалиты. На берегу моря можно встретить лежбища беломорской нерпы, встречаются белухи, нередко лоси, бурые медведи и волки. Историко-культурное наследие на территории НП «Онежское Поморье» представлено несколькими старинными деревянными церквями и часовнями в поморских деревнях, древними поклонными и обетными крестами, а также старинными маяками, привлекательными для туристов. Однако большинство деревянных строений требуют реставрации. Поэтому НП «Онежское Поморье» чрезвычайно перспективен для организации экологического и историко-культурного туризма. Расположение НП «Онежское Поморье» по соседству (в 40 км по Белому морю) от известной туристской дестинации — Соловецких островов, по нашему мнению, является положительным аспектом для дальнейшего развития здесь туристско-рекреационной деятельности, в частности, на основе возможной организации круизного туризма по Белому морю. В 2016 г. этот национальный парк был передан в административное управление в качестве филиала НП «Кенозерский» в связи с трагической гибелью в авиакатастрофе директора НП «Онежское Поморье» О. Продана¹⁰.

Национальный парк «Берингия», расположенный в северо-восточной части Чукотского полуострова, задекларирован как международный национальный парк, планируемый совместно с природным резерватом на Аляске (США) «Bering Land Bridge». Указ о создании национального парка «Берингия» был подписан 17 января 2013 г. Российская часть парка расположена несколькими кластерами на полуострове Чукотка на общей площади 18 194 км².¹¹ Проект создания этого международного (или трансграничного) национального парка

¹⁰ Национальный парк «Онежское Поморье». URL: <http://onpomor.ru/work/nauchnaya-deyatelnost/stepen-izuchennosti.php> (дата обращения: 23.01.2018).

¹¹ Национальный парк «Берингия». URL: <http://www.beringiapark.ru> (дата обращения: 25.12.2017).

возник в конце 1980-х гг. Он рассматривается как древняя единая историко-географическая область, т.н. «Берингия» — обширная часть суши, объединявшая 12–15 тыс. лет назад Евразию с Северной Америкой. На месте этой суши в настоящее время лежит Берингов пролив. Символическая роль в объединении двух континентов и стала основной идеей создания Международного национального парка «Берингия». Посещение этого уголка арктической природы целесообразно планировать в связи с развитием круизного морского туризма по трассе СМП и организацией здесь в будущем «экологического перешейка» между Чукоткой и Аляской [11, Коростелев Е.М., Билецкий А.В., с. 15–16].

Кроме привлекательных объектов живой и неживой природы, к экотуристскому потенциалу парка относится культура проживающих здесь коренных народов — чукчей и эскимосов. Богатый природный и этнический потенциал этого региона создаёт предпосылки для развития здесь рекреационного природопользования, экологического и этнического туризма. Для этого необходимо осуществить ряд мероприятий, общих для всех арктических ООПТ: поднять уровень обслуживания существующей инфраструктуры размещения и питания туристов; осуществить подготовку квалифицированных кадров для организации экологического и этнического туризма в арктическом регионе; организовать привлечение коренных народов Севера в сферу туризма; обеспечить сохранение природного и культурного наследия в полярных регионах; модернизировать имеющиеся портовые сооружения и причалы для приёма круизных судов.

Заключение

Подводя итог рассмотрению планов перспективного комплексного социально-экономического развития Арктики, особенностей природопользования и туристско-рекреационной деятельности в полярных регионах, необходимо отметить, что большая часть туристских аттракций в Арктике труднодоступна и расположена, главным образом, на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Увидеть первозданный мир заповедников и национальных парков, познакомиться с памятниками арктической природы и истории освоения Севера, с культурой коренных малочисленных народов севера, в настоящее время возможно только при помощи авиации или морских круизных судов. Доступность арктических территорий и объектов туризма будет возрастать по мере развития транспортной и селитебной инфраструктуры Севера. Это может происходить только при условии обеспечения современным оборудованием и соответствующими службами транспортных коммуникаций и портов на трассе СМП, реконструкции инфраструктуры населённых пунктов, увеличения числа морских причалов и аэропортов в северных регионах РФ. Таким образом, Россия постепенно наращивает своё оборонное и социально-экономическое присутствие в Арктическом секторе и направляет усилия на разведку и разработку природных ресурсов, на организацию новых арктических охраняемых природных территорий (ООПТ) и на обеспечение безопасности полярных рубежей РФ. Успех дальнейшего развития страны зависит от сбаланси-

рованного и гармоничного соотношения в развитии промышленного и туристско-рекреационного природопользования в ходе «переосвоения» арктических территорий РФ. Природопользование в арктических широтах должно осуществляться под зорким наблюдением независимой государственной службы экологического мониторинга природной среды Арктики. Это будет гарантировать защиту от разрушения и способствовать сохранению и восстановлению уникальных природных экосистем Арктики и Севера РФ.

Литература

1. Российская Арктика: современная парадигма развития / Под ред. ак. А.И. Татарникова. СПб.: Нестор – История, 2014. 844 с.
2. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Переосвоение Российской Арктики как предмет системного исследования и государственного программно-целевого управления: вопросы методологии // Экономика региона. 2015. № 4. С. 9–20.
3. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика прирастает островами // Арктика и Север. 2015. № 18. с. 61–80.
4. Федоров В.П. Россия: арктический ресурс // Аналитические записки Института Европы РАН. 2018. № 1 (№ 97). С. 1–6.
5. Додин Д.А., Евдокимов А.Н., Каминский В.Д. Минерально-сырьевые ресурсы Российской Арктики (состояние, перспективы, направления исследований). СПб.: Наука, 2007. 256 с.
6. Севастьянов Д.В., Коростелев Е.М., Гаврилов Ю.Г., Карпова А.В. Рекреационное природопользование как фактор устойчивого развития районов Российской Арктики // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 90–97.
7. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / Ред. И.С. Грамберг, Н.П. Лаверов, Д.А. Додин. СПб.: Наука, 2000. 247 с.
8. Рукша В.В., Головинский С.А., Смирнов А.А. Атомный ледокольный флот России и перспективы развития Северного морского пути // Арктика: экология и экономика. 2013. № 1 (9). С. 27–38.
9. Sevastyanov D.V., Korostelev E.M., Shitova L.F. Recreational nature management and Arctic tourism as a new trend towards strategy of sustainable development of the Arctic countries // Eco. Env. & Cons. 2017. № 23 (4). pp. 480–487.
10. Maher P.T. Expedition cruise visits to protected areas in the Canadian Arctic: Issues of sustainability and change for an emerging market // Tourism. 2012. № 1. P. 55–70.
11. Коростелев Е.М., Билецкий А.В. Эколого-географический подход к организации регулируемого туризма в арктической зоне Российской Федерации // Российский журнал устойчивого туризма. 2014. № 4. С. 12–16.
12. Лукин Ю.Ф. Туризм в Арктике: концептуальные подходы, ресурсы регионов // Арктический туризм в России / Отв. ред. Ю.Ф. Лукин, сост. Н.К. Харлампьева. САФУ — СПбГУ. Архангельск: САФУ, 2016. С. 58–87.
13. Гаврило М.В. Национальный парк «Русская Арктика» — новая особо охраняемая природная территория // Российские полярные исследования. 2011. Вып. 3 (5). С. 22–24.
14. Ершов Р.В. Национальный парк «Русская Арктика» // Арктические ведомости. 2015. № 3 (14). С. 116–123.
15. Чижова В.П. Регламентация рекреационной нагрузки при развитии туризма в национальном парке «Русская Арктика» // Российский журнал экотуризма. 2012. № 4. С. 16–21.

References

1. *Rossiyskaya Arktika: sovremennaya paradigma razvitiya* [The Russian Arctic: a modern development paradigm]. Ed. by A.I. Tatarnikov. Saint Petersburg, Nestor – Istoriya Publ., 2014, 844 p. (In Russ.)
2. Laksin V.N., Porfiryev B.N. Pereosvoenie Rossiiskoi Arktiki kak predmet sistemnogo issledovaniya i gosudarstvennogo programmno-tselevogo upravleniya: voprosy metodologii [Redevelopment of

- the Arctic area of Russia as an objective of systems research and special-purpose program management methodological issues]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2015, no. 4, pp. 9–20.
3. Lukin Yu.F. Rossiiskaya Arktika prirastaet ostrovami [Russian Arctic increases with islands]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 18, pp. 61–80.
 4. Fedorov V.P. Rossiya: arkticheskii resurs [Russia: the Arctic resource]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN* [Analytical papers of IE RAS], 2018, no. 1 (97), pp. 1–6.
 5. Dodin D.A., Evdokimov A.N., Kaminskii V.D. *Mineral'no-syr'evye resursy Rossiyskoy Arktiki (sostoyaniye, perspektivy, napravleniya issledovaniy)* [Mineral resources of the Russian Arctic (condition, prospects, directions of research)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 256 p. (In Russ.)
 6. Sevast'yanov D.V., Korostelev E.M., Gavrilov Yu.G., Karpova A.V. Rekreatsionnoe prirodopol'zovanie kak faktor ustoichivogo razvitiya raionov Rossiiskoi Arktiki [Recreational nature management as a factor of sustainable development of the regions of the Russian Arctic]. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 2015, no. 4, pp. 90–97.
 7. *Arktika na poroge tret'ego tysyacheletiya (resursnyi potentsial i problemy ekologii)* [The Arctic on the threshold of the third millennium (resource potential and environmental problems)]. Ed. by I.S. Gramberg, N.P. Laverov, D.A. Dodin. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000, 247 p. (In Russ.)
 8. Ruksha V.V., Golovinskij S.A., Smirnov A.A. Atomnyi ledokol'nyi flot Rossii i perspektivy razvitiya Severnogo morskogo puti [Russian nuclear icebreaker fleet and development prospects of the Northern Sea Route]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2013, no. 1(9), pp. 27–38.
 9. Sevast'yanov D.V., Korostelev E.M., Shitova L.F. Recreational nature management and Arctic tourism as a new trend towards strategy of sustainable development of the Arctic countries. *Eco. Env. & Cons.*, 2017, no. 23(4), pp. 480–487.
 10. Maher P.T. Expedition cruise visits to protected areas in the Canadian Arctic: issues of sustainability and change for an emerging market. *Tourism*, 2012, no. 1, pp. 55–70.
 11. Korostelev E.M., Biletskiy A.V. Ekologo-geograficheskii podkhod k organizatsii reguliruemogo turizma v arkticheskoi zone Rossiiskoi Federatsii [Eco-geographical approach to the organization of regulated tourism in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Rossiiskii zhurnal ustoichivogo turizma*, 2014, no. 4, pp. 12–16.
 12. Lukin Yu.F. Turizm v Arktike: kontseptual'nye podkhody, resursy regionov [Tourism in the Arctic: conceptual approaches, regional resources]. *Arkticheskii turizm v Rossii* [Arctic tourism in Russia]. Ed. by Yu.F. Lukin, comp. by N.K. Kharlampieva. Arkhangelsk, NArFU Publ., 2016, pp. 58–87. (In Russ.)
 13. Gavrilov M.V. Natsional'nyy park «Russkaya Arktika» — novaya osobo okhranyaemaya prirodnyaya territoriya [National Park "Russian Arctic" — a new specially protected natural area]. *Rossiyskie pol'yarnye issledovaniya*, 2011, no. 3(5), pp. 22–24.
 14. Ershov R.V. Natsional'nyi park «Russkaya Arktika» [Russian Arctic National Park]. *Arkticheskie ведомosti* [The Arctic Herald], 2015, no. 3(14), pp. 116–123.
 15. Chizhova V.P. Reglamentatsiya rekreatsionnoy nagruzki pri razvitii turizma v natsional'nom parke «Russkaya Arktika» [Regulating the recreational load in the development of tourism in the national park "Russian Arctic"]. *Rossiiskii zhurnal ekoturizma*, 2012, no. 4, pp. 16–21.

УДК [341:622.2](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.40

Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики *

© **ТОДОРОВ Андрей Андреевич**, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

E-mail: atodorov85@gmail.com

Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Аннотация. В работе рассмотрены подходы США, Канады, Гренландии, Норвегии, Исландии к правовому регулированию деятельности компаний по разведке и добыче нефти и газа на шельфе Арктики. На основе анализа законодательных особенностей в каждом государстве выявлены общие характеристики, а также отличия в правовых подходах. Критериями для сравнения послужили проработанность правовой базы, правовая гибкость предписаний, разделение функций по регулированию разработки недр на шельфе и контролю государственных органов. Автор пришёл к выводу, что если в Исландии и Гренландии правовая база в исследуемой сфере находится на стадии разработки и опирается на международные стандарты, то Норвегия, напротив, является примером страны с проработанным законодательством, обеспечивающим ей мировое лидерство в нефтегазовой отрасли. США и Канада имеют разветвлённую систему регулирования деятельности нефтегазовых компаний на шельфе Арктики, которая, однако, характеризуется наличием жёстких стандартов, что способствовало оттоку частных операторов с арктического шельфа.

Ключевые слова: Арктика, добыча нефти и газа, национальное законодательство, арктический шельф.

Approaches of foreign countries to legal regulation of the oil and gas development on the Arctic continental shelf

© **Andrey A. TODOROV**, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher

E-mail: atodorov85@gmail.com

Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the legal approaches of the USA, Canada, Greenland, Norway and Iceland towards regulation of the oil and gas drilling on the Arctic shelf. Similarities and differences in the legislation are highlighted on the basis of analyzing the legal provisions of each state. The criteria for the comparative analysis are the extent of legislation development, flexibility of provisions, division of regulative and control functions among the state bodies, etc. The author concludes that while legislation of Iceland and Greenland is only on its way to a final drafting and mainly refers to international standards, Norway, on the contrary, is an example of a state with well-developed legislation enabling it to be one of the leaders in oil and gas industry. Though the USA and Canada have elaborated system of regulation of oil and gas companies' activities on the Arctic shelf. Both are notable for strict provisions, that contributed to the outflow of private operators from the Arctic shelf.

Keywords: the Arctic, oil and gas activity, national legislation, the USA, Canada, Norway, Iceland, Greenland.

* Для цитирования:

Тодоров А.А. Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 40–59. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.40

For citation:

Todorov A.A. Approaches of foreign countries to legal regulation of the oil and gas development on the Arctic continental shelf. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 40–59. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.40

Введение

Уменьшение ледового покрова Арктики открывает перед прибрежными государствами значительные перспективы расширения экономической деятельности в регионе. Это касается добычи морских биоресурсов, развития транспортного потенциала и, безусловно, освоения месторождений нефти и газа. Разработка месторождений Севера связана не только с тяжёлыми климатическими условиями, что является серьёзным вызовом для компаний, проявляющих активность в регионе, но и с угрозой нанесения вреда уязвимой окружающей среде и традиционному укладу жизни коренных жителей.

Как показывают резолютивные заключения арктических форумов на высшем уровне, власти прибрежных государств стремятся найти баланс между извлечением экономических преимуществ, которые им даёт выход к акваториям Северного Ледовитого океана, и необходимостью минимизировать негативные эффекты антропогенного воздействия на экосистемы Арктики, то есть добиться устойчивого экономического развития региона. Для достижения этой цели требуется, прежде всего, наличие проработанной нормативно-правовой базы как на национальном, так и на международном уровнях. Рассмотрим законодательство ряда зарубежных государств, имеющих выход к арктическим водам, в области разработки нефтегазовых ресурсов Арктики, а также системы их государственных органов по надзору за данной деятельностью.

США: территория императивных норм

США является одним из лидеров по добыче нефти на арктическом шельфе. Наиболее разведанным нефтегазоносным бассейном Арктики считается Северный склон Аляски, единственного арктического штата страны. Углеводородные шельфовые запасы Арктики в США находятся в недрах двух морей: в море Бофорта и Чукотском море. В 1968 г. у берегов Аляски было открыто крупнейшее в Северной Америке нефтяное месторождение *Prudhoe Bay*. В настоящее время на арктическом континентальном шельфе США ведётся добыча нефти в море Бофорта. Все морские нефтяные проекты расположены не дальше 10 миль от побережья [1, Паничкин И.В., с. 167].

В связи со снижением цен на нефть и отсутствием положительных результатов разведочного бурения в 2015–2016 гг. ряд компаний, работавших на шельфе Аляски, объявил о приостановке дальнейшей деятельности в этом регионе¹. Во многом учитывая это обстоятельство, в декабре 2016 г. президент США сделал заявление, поддержанное властями Канады и ставшее большой неожиданностью для общественности обеих стран. Согласно документу², США закрывают возможность получения лицензий на бурение на значительных площадях акваторий Чукотского моря и моря Бофорта. Принимая такое решение, Б. Обама

¹ Shell abandons Alaska Arctic drilling. URL: <https://www.theguardian.com/business/2015/sep/28/shell-ceases-alaska-arctic-drilling-exploratory-well-oil-gas-disappoints> (дата обращения: 20.02.2018).

² United States-Canada Joint Arctic Leaders' Statement. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/12/20/united-states-canada-joint-arctic-leaders-statement> (дата обращения: 20.02.2018).

воспользовался положениями закона о внешнем континентальном шельфе 1953 г., наделяющими Президента США полномочиями по изъятию того или иного района из подлежащего распределению общего фонда шельфа. При этом запрет не коснулся действующих проектов по добыче нефти в море Бофорта (на рис. 1 отмечены коричневым), а также акваторий, находящихся в ведении штата Аляска.

В силу того, что разведка шельфовых месторождений потенциально связана с риском нанесения вреда окружающей среде, эта деятельность находится под строгим контролем государственных органов США. При этом правовые нормы, относящиеся к работам на шельфе Аляски, в целом не отличаются от общей национальной законодательной базы нефтегазовой деятельности.

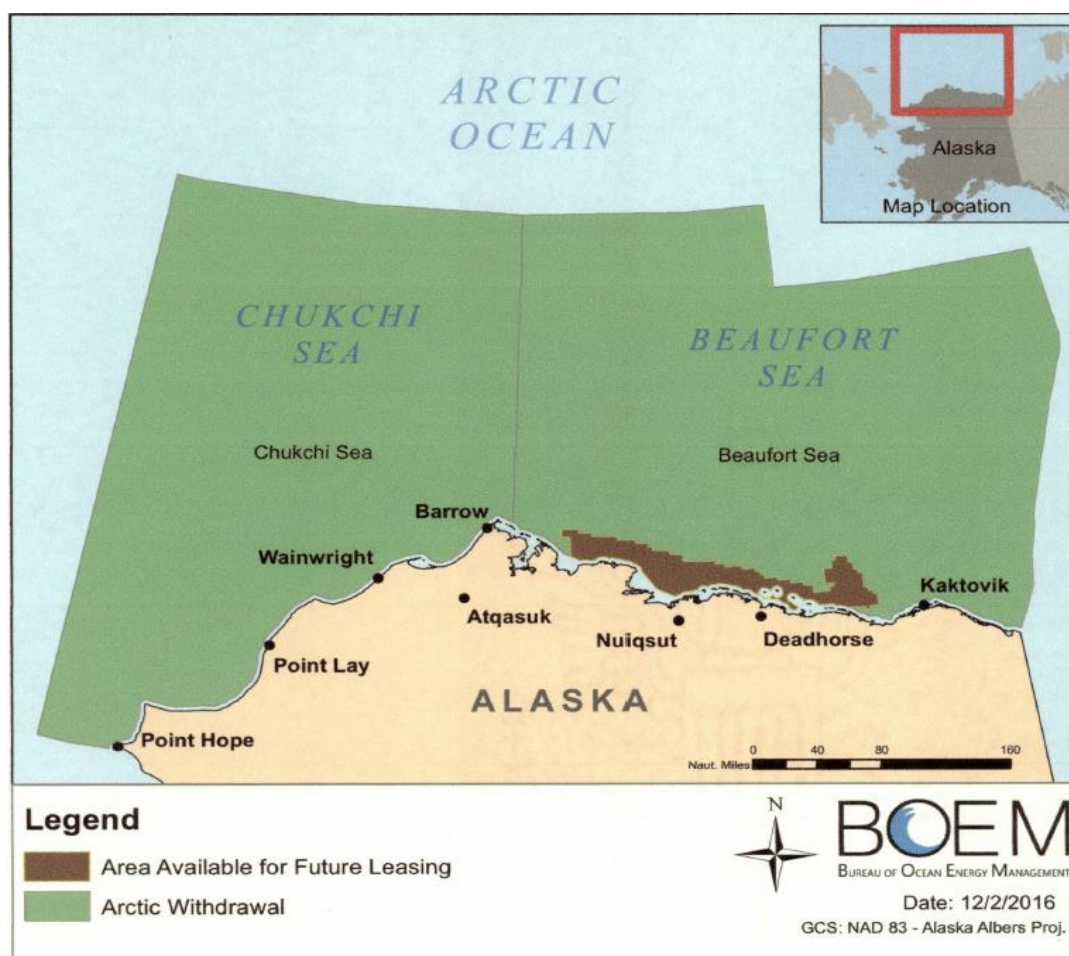

Рис. 1. Акватории США, в которых запрещено освоение ресурсов (зелёная заливка)

Границы арктических территорий и акваторий США определены в Законе США о порядке проведения исследований в Арктике 1984 г.³ Запасы шельфовых нефтегазовых месторождений США находятся в собственности государства. Согласно Закону США о внешнем континентальном шельфе 1953 г.⁴, прибрежная трёхмильная зона арктического шельфа находится в юрисдикции штата Аляска, а внешний континентальный шельф Арктики (за пре-

³ Arctic Research and Policy Act of 1984. URL: http://www.nsf.gov/geo/opp/arctic/iarpc/arc_res_pol_act.jsp (дата обращения: 20.02.2018).

⁴ 43 U.S. Code Subchapter III — Outer Continental Shelf Lands. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/43/chapter-29/subchapter-III> (дата обращения: 20.02.2018).

делами вод штата) — в федеральном ведении. Этот же закон наделяет Министерство природных ресурсов США (Department of Interior)⁵ функциями общего надзора за деятельностью на внешнем шельфе и полномочиями по контролю над созданием необходимой законодательной базы в этой области с целью обеспечения защиты окружающей среды и производственной безопасности.

В 2010 г. после аварии на нефтяной платформе *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе государственный механизм по управлению разработкой месторождений на шельфе претерпел ряд структурных изменений. Служба управления минеральными ресурсами, входящая в состав Министерства природных ресурсов, была переименована и разделена на три независимых органа: Бюро по управлению энергоресурсами океана (Bureau of Ocean Energy Management — BOEM), Бюро по обеспечению безопасности и охраны окружающей среды (Bureau of Safety and Environmental Enforcement — BOSEE) и Департамент управления доходами от добычи природных ресурсов (Office of Natural Resources Revenue — ONRR).

Целью реформы было недопущение концентрации в одном ведомстве функций по управлению ресурсами, контролю за соблюдением требований безопасности и экологических стандартов, сбору доходов [2, Baker B., Sidortsov R., p. 17]. По мнению властей, это должно было способствовать снижению риска коррумпированности государственных органов при распределении лицензий и проверке соответствия компаний экологическим требованиям, что в конечном итоге позволит избежать катастроф, подобных инциденту с *Deepwater Horizon*.

В отношении деятельности на внутреннем континентальном шельфе в пределах трёх миль от берега контроль осуществляют государственные органы штата Аляска. Среди них Комиссия по рациональному использованию нефтегазовых ресурсов (Alaska Oil and Gas Conservation Commission), Департамент по защите окружающей среды (Alaska Department of Environmental Conservation), Департамент по управлению рыбными ресурсами (Alaska Department of Fish and Game) и др.

Процесс распределения участков шельфа среди компаний, намеревающихся проводить разведочные работы, начинается с разработки Министерством природных ресурсов пятилетней программы, которая определяет конкретные районы шельфа, подлежащие распределению (National Outer Continental Shelf Oil and Gas Leasing Program), а также график проведения аукционов. Программа может быть пересмотрена раз в год. При утверждении программы учитываются нужды энергетического сектора экономики и результаты обязательной оценки воздействия на окружающую среду. После утверждения пятилетней программы BOEM проводит распределение лицензий на участки с помощью аукциона: выигрывает участник, предлагающий наивысшую цену за участок. Договор аренды заключается на 10 лет, но в случае получе-

⁵ Дословный перевод названия органа Department of Interior (англ.) как «Министерство внутренних дел» может привести к путанице, поскольку функции традиционного для России МВД в США выполняются Министерством юстиции и Министерством национальной безопасности.

ния промышленного притока и необходимости дальнейшей эксплуатации месторождения этот срок может быть продлён [3, Казначеев П.Ф., Базалева Р.В., с. 113].

Перед началом бурения на шельфе Арктики компании утверждают в БОЕМ свой план разведочных работ. Документ должен содержать график предполагаемых работ, описание оборудования, расположение скважин и другую информацию⁶.

Кроме того, держатель лицензии обязан получить особое разрешение в Агентстве по охране окружающей среды (Environmental Protection Agency), доказав безопасность применяемого оборудования и предоставив разработанные меры по снижению утечки нефти и план ликвидации аварийных разливов. При проведении работ на шельфе компании должны соблюдать экологические требования, содержащиеся в ряде законов США: о предотвращении загрязнения воды и воздуха, об управлении прибрежной зоной и др.

В апреле и июле 2016 г. в США были приняты новые правила безопасности при бурении на континентальном шельфе. Они ужесточили требования к разработке и эксплуатации оборудования, используемого при разработке нефтяных и газовых месторождений. Были введены новые стандарты оборудования, применяемого для контроля скважин, и впервые — требование по мониторингу определённых видов буровых работ в режиме реального времени⁷.

В целом механизм допуска нефтегазовых компаний к континентальному шельфу Арктики в США характеризуется высоким уровнем экологических стандартов и требований к безопасности работ. В отличие от большинства других арктических стран, где государство предоставляет компаниям определённую гибкость в выборе средств достижения поставленных законом задач, законодательство США содержит большое количество императивных норм, предписывающих конкретные технические и процедурные требования [4, Dagg J., Holroyd P., p. 30]. После аварии на нефтяной платформе в Мексиканском заливе нормы были ужесточены, а государственные функции по охране окружающей среды, управлению процессами лицензирования и сбору доходов от добычи нефти на шельфе распределены между разными органами.

Вместе с тем с приходом к власти Д. Трампа в США происходит кардинальный пересмотр государственной политики в нефтегазовой области. В январе Министерство природных ресурсов представило проект новой пятилетней программы распределения участков шельфа на 2019–2024 гг., из которого следует, что для бурения будет открыто 90% континентального шельфа США, находящегося в федеральном ведении⁸. Это беспрецедентный в ис-

⁶ OIL AND GAS // Bureau of Land Management, Department of the Interior. URL: <https://www.blm.gov/programs/energy-and-minerals/oil-and-gas> (дата обращения: 20.02.2018).

⁷ Власти США утвердили окончательные правила проведения буровых работ на шельфе Арктики. URL: <https://neftegaz.ru/news/view/150941-Vlasti-SShA-utverdili-okonchatelnye-pravila-provedeniya-burovyh-rabot-na-shelfe-Arktiki> (дата обращения: 20.02.2018).

⁸ Trump administration aims to open nearly all U.S. offshore to oil drilling. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-drilling-offshore/trump-administration-aims-to-open-nearly-all-u-s-offshore-to-oil-drilling-idUSKBN1ET1OW> (дата обращения: 20.02.2018).

тории страны показатель. В случае утверждения новая программа отменит указ президента Обамы 2016 г. о запрете распределения большей части шельфа, в том числе в Арктике. Данный шаг администрации Трампа встретил яростные протесты как со стороны экологов, так и со стороны оппозиционно настроенных властей. Губернаторы большинства штатов, затронутых указом Министерства природы, заявили о том, что бурение на шельфе может подорвать экономический баланс прибрежных регионов, основу которого составляет рыболовство и туризм. При этом примечательным является то, что среди немногих губернаторов, поддержавших новый курс Трампа, оказался руководитель штата Аляски⁹.

Канада: приоритет экологической безопасности

Среди основных направлений стратегии Канады в Арктике, изложенных в правительственном документе «Северная стратегия Канады: наш Север, наше наследие, наше будущее» 2009 г., разработка нефтегазовых месторождений и добыча алмазов названы в качестве главных источников благосостояния в ближайшей перспективе¹⁰. Наряду с нефтью и газом в прибрежной зоне Канады находятся значительные запасы гидрата метана, алмазов, меди, цинка, ртути, золота, редкоземельных металлов.

При этом Канада с осторожностью подходит к разработке минеральных ресурсов шельфа, делая приоритетом вопрос защиты уязвимой окружающей среды севера [5, Конышев В.Н., Сергунин А.А., с. 76]. Так, в 1970 г. руководство Канады приняло Акт по предотвращению загрязнения арктических вод, в котором государство оставляет за собой право контролировать все суда, входящие в покрытые льдом области Северо-Западного Прохода (СЗП), пролегающего вдоль канадского побережья, с целью защиты окружающей среды. На переговорах по принятию Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву канадская делегация была одним из инициаторов принятия ст. 234, которая предусматривает особые права прибрежного государства по защите окружающей среды в своей ИЭЗ в акваториях, покрытых льдом. По той же причине Канада принимала активное участие в разработке Полярного кодекса, вступившего в силу 1 января 2017 г. и регулирующего вопросы безопасности эксплуатации судов и предотвращения загрязнения в полярных водах.

Акцент канадских властей на необходимости охраны окружающей среды Арктики обуславливает наличие жёстких законодательных требований к компаниям, осуществляющим деятельность по разработке нефтегазовых месторождений на канадском шельфе. Правила получения лицензий на разведку углеводородов в Арктике, как и в США, были ужесточены в 2010 г. после инцидента с *Deepwater Horizon*. Такие меры продиктованы также декларируемой правительством Канады заботой о правах и нуждах населения, проживающего на прилегающих к арктическому шельфу территориях. По данным Национального энергетиче-

⁹ Congress and Governors Resist Offshore Oil Drilling. URL: <http://www.eesi.org/articles/view/congress-and-governors-resist-offshore-oil-drilling> (дата обращения: 20.02.2018).

¹⁰ Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future. URL: <http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns-eng.asp> (дата обращения: 20.02.2018).

ческого совета Канады, 70% продовольствия данной категории граждан производится за счёт натурального хозяйства на суше и промысла на море¹¹.

Ответственность за регулирование деятельности по освоению шельфа Канады распределена между двумя основными государственными органами. Структурой, осуществляющей выдачу прав на освоение нефтегазовых ресурсов в виде лицензий, является Министерство по делам коренных жителей и развитию Севера (Minister of Aboriginal Affairs and Northern Development). Министерство также занимается распределением финансовой выручки компаний от освоения шельфа, а также решением вопроса о целесообразности выделения справедливой доли канадских компаний в выдаваемых лицензиях. Органом, осуществляющим контроль за выполнением компаниями экологических требований и необходимых мер безопасности, является Национальный энергетический совет Канады (National Energy Board, NEB)¹². Таким образом, в Канаде, так же как в США и в отличие, например, от Гренландии и Исландии, функции финансового и юридического регулирования (лицензирование и распределение выручки) и надзора за соблюдением экологических норм и мер безопасности чётко разделены между двумя независимыми органами.

Процесс лицензирования регулируется законом Канады об углеводородных ресурсах¹³. Лицензия на разведку выдается на срок до 9 лет и предоставляет компаниям исключительные права проводить исследования и бурение на шельфе в целях разведки ресурсов. Срок действия лицензии на добычу не должен превышать 25 лет.

После того как компания получила лицензию от Министерства по делам коренного населения Севера, она должна обратиться в NEB для оформления особого разрешения на проведение работ на арктическом шельфе. Разрешение выдаётся на основании проверки соответствия планов компании требованиям по защите окружающей среды, производственной безопасности и охране недр. Данные требования закреплены в законах Канады об эксплуатации нефтегазовых месторождений^{14, 15} и в большом количестве подзаконных актов.

Компания-оператор обязана также представить на утверждение в NEB план реагирования на чрезвычайные ситуации, а также описание системы административного управления. Кроме того, планы компании подлежат экологической оценке со стороны различных комитетов по мониторингу экологического воздействия. Данные природоохранные организации вправе выносить рекомендации компаниям по принятию мер смягчения возможного негативного воздействия их деятельности на окружающую среду.

¹¹ Review of offshore drilling in the Canadian Arctic. URL: <https://www.neb-one.gc.ca/nrth/rctcfffshrdllngrvw/2011fnlprpt/index-eng.html> (дата обращения: 21.02.2018).

¹² Fact Sheet: Management of Oil and Gas Resources in the Canadian Arctic Offshore. URL: <https://www.neb-one.gc.ca/nrth/pblctn/mngmntlgsrsrcrtcfs-eng.html> (дата обращения: 21.02.2018).

¹³ Canada Petroleum Resources Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-8.5/index.html> (дата обращения: 21.02.2018).

¹⁴ Canada Oil and Gas Operations Act. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/O-7/page-1.html> (дата обращения: 21.02.2018).

¹⁵ Canada Oil and Gas Drilling and Production Regulations. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/SOR-2009-315> (дата обращения: 21.02.2018).

Активизация работ на арктическом шельфе Канады в прошлом во многом обуславливалась предоставлением властями субсидий и дотаций нефтяным компаниям, работающим в море Бофорта. Однако стимулирующие меры были отменены в середине 80-х годов, что в совокупности со снижением мировых цен на нефть в тот период привело к полному прекращению буровых работ в море Бофорта в 1989 г. [1, Паничкин И.В., с. 165]. Жёсткие экологически ориентированные правила разведки и разработки ресурсов, которые операторы зачастую не в состоянии выполнить, не способствуют возвращению нефтегазовых компаний в Канаду. В июне 2016 г. *Shell* вернула имеющиеся у неё лицензии в канадской части моря Бофорта. Не последнюю роль в этом сыграл отказ правительства Канады смягчить законодательные требования по бурению в Арктике.

Согласно информации на официальном сайте Национального энергетического совета Канады, в настоящий момент в ведомстве на рассмотрении нет заявок на получение разрешений на разведку нефтепродуктов в Арктике¹⁶. Вероятно, этот фактор стал определяющим в решении канадского премьер-министра присоединиться к заявлению президента США о закрытии арктических акваторий для лицензионной разведки и добычи нефтепродуктов в конце 2016 г. и объявить о намерении сделать то же самое в канадских водах в ближайшем будущем. Заявленное намерение запретить бурение на шельфе означает также, что в ближайшие пять лет серьёзной активности от нефтегазовых компаний на шельфе канадские власти не ожидают. К слову, это стало поводом для саркастических комментариев канадских экспертов: «легко запретить бурение на арктическом шельфе, которого на сегодняшний день нет», тогда как такой шаг прибавит политических бонусов за демонстрацию заботы об окружающей среде¹⁷.

Таким образом, законодательство Канады по регулированию нефтегазовой деятельности на шельфе Арктики по структуре и уровню требований к компаниям имеет много схожего с подходом США в этом вопросе. Незначительные отличия сводятся к тому, что Канада имеет менее разветвленные системы нормативно-правовых актов и контролирующих ведомств. Как и в США, функции по надзору за выполнением операторами требований по обеспечению экологической и производственной безопасности, выдаче лицензий и сбору доходов от деятельности компаний разделены между несколькими органами. О близости двух систем говорит совместное решение двух государств о закрытии арктических акваторий для разведки и добычи нефти и газа. Высокие экологические стандарты и ужесточение требований по безопасности работ могли стать одной из причин снижения интереса нефтяных компаний к шельфу и заморозили перспективы добычи ресурсов в арктических акваториях Канады.

¹⁶ Review of offshore drilling in the Canadian Arctic. URL: <https://www.neb-one.gc.ca/nrth/rctc/shrdrlngv/2011fnlrprt/index-eng.html> (дата обращения: 21.02.2018).

¹⁷ Canada, U.S. to ban offshore oil and gas licences in Arctic waters. URL: <https://www.ctvnews.ca/canada/canada-u-s-to-ban-offshore-oil-and-gas-licences-in-arctic-waters-1.3211436> (дата обращения: 21.02.2018).

Исландия: на пути к созданию законодательных основ

Исландия располагается южнее Полярного круга, а доступ государства к акваториям Северного Ледовитого океана перекрывается исключительными экономическими зонами и континентальным шельфом Дании (Гренландии) и Норвегии. Но в силу того, что страна расположена в непосредственной близости к арктическим водам, она является одним из восьми членов Арктического совета.

Ввиду географической близости страны к Северному Ледовитому океану Исландия сталкивается практически с теми же сложностями климатического характера в освоении ресурсов шельфа, что и государства арктической «пятерки». Существуют также и специфические вызовы. Запасы нефти и газа на исландском шельфе расположены на больших глубинах, а поверхность над морем зачастую покрывается густым туманом¹⁸. С другой стороны, в этом регионе, благодаря действию теплого течения Гольфстрим, отсутствует характерная для остальной Арктики проблема наличия льда.

Вопрос о разведке и добыче углеводородов на шельфе не стоит для Исландии так же остро, как для других арктических государств. Исландия стала одной из первых европейских стран, в которой на долю возобновляемой энергетики приходится практически весь объём потребляемой электроэнергии. Согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА), в энергетическом балансе государства доля альтернативной энергетики составляет практически 100%, точнее 99,99%. Основным источником генерации энергии — гидроэлектростанции, на долю которых приходится 71% всей вырабатываемой энергии. Далее — геотермальные источники с долей в общем балансе 28%. На ветроэнергетику приходятся куда меньшие объёмы, а вот доля нефтяных и угольных источников энергии в Исландии совсем мизерная — меньше 0,01%¹⁹. Опора на возобновляемую энергетику заложена в стратегию устойчивого развития государства.

Тем не менее, транспортная сфера экономики Исландии остается зависимой от импорта нефтепродуктов. Так, по данным международного энергетического агентства, в 2014 г. Исландия импортировала более полумиллиона тонн нефтепродуктов для домашних нужд²⁰.

В целях снижения зависимости страны от поставок нефти в 2009 г. правительством Исландии было объявлено об открытии части своего континентального шельфа для освоения углеводородов [6, Erlendsson G., с. 57]. В 2013 г. принято решение о начале нефтедобычи на участках морского дна в районе Дреки (Dreki area), расположенного на хребте Ян Майен. Сразу две лицензии на разработку месторождений получила компания *Petoro Iceland AS*, до-

¹⁸ Iceland, like all Arctic nations, is Drilling for Oil. URL: <https://www.americansecurityproject.org/iceland-like-all-arctic-nations-is-drilling-for-oil> (дата обращения: 21.02.2018).

¹⁹ Исландии теперь нефть и газ не нужны. URL: <http://pro-arctic.ru/10/12/2016/news/24479#read> (дата обращения: 21.02.2018).

²⁰ Iceland: Oil for 2014 // International Energy Agency Official Web Site. URL: <http://www.iea.org/statistics/statisticssearch/report/?country=ICELAND&product=Oil&year=2014> (дата обращения: 21.02.2018).

чернее подразделение норвежской *Petoro*, находящейся в государственной собственности. Другими держателями лицензий стали китайская CNOOC и британская *Ithaca Energy*²¹.

В Исландии действует закон 1979 г. о территориальном море, исключительной экономической зоне и континентальном шельфе. Данный нормативный акт был составлен на основе действующего на тот момент международного права. Закон 1979 г. не регулировал конкретные вопросы разработки нефтегазовых месторождений на шельфе, и с учётом неоднократных обращений нефтяных компаний с просьбой начать разработку законодательной базы бурения на шельфе власти Исландии впоследствии приняли ряд детализирующих правовых актов [6, Erlendsson G., с. 59]. Среди них следует упомянуть закон о праве собственности Исландского государства на ресурсы шельфа 1990 г., закон о надзоре за использованием запасов недр 1998 г., а также закон о поиске, разведке и добыче углеводородов 2001 г. В указанные акты позже неоднократно вносились изменения. Помимо этого, правила по освоению ресурсов шельфа, касающиеся экологических аспектов деятельности компаний, норм безопасности производства, охраны труда и т. п., содержатся во множестве подзаконных актов органов исполнительной власти Исландии.

Кроме норм внутреннего законодательства следует упомянуть и международные соглашения. В 1981 и 2008 гг. между Исландией и Норвегией были заключены договоры о разграничении континентального шельфа Ян Майен и об установлении режима разработки трансграничных месторождений. В соответствии с ними, договаривающиеся государства имеют взаимное право на 25% долю в деятельности по разработке месторождений, принимаемой противоположной стороной²². Данный договор не в последнюю очередь направлен на привлечение норвежских компаний, обладающих богатым опытом и современными технологиями по добыче нефтепродуктов в арктических водах.

Исландия, являющаяся частью Европейской экономической зоны, также имплементировала директивы ЕС в отношении условий предоставления лицензий на поиск, разведку и добычу углеводородов (в частности, Directive 94/22/EC).

В законе 2001 г.²³ закреплено, что государство обладает правом собственности на углеводороды своего шельфа. Однако владельцу лицензии на разработку месторождения могут быть переданы права на добытые им ресурсы. Органом, ответственным за выдачу лицензий, является Национальное агентство по энергетике (исл. *Orkustofnun*). В процессе рассмотрения заявок Национальное агентство консультируется с министерствами окружающей среды и рыболовства. Более того, если заявка покрывает акватории в пределах одной морской мили от берега, агентство обязано запросить мнение соответствующего муниципалитета.

²¹ Iceland, like all Arctic nations, is Drilling for Oil. URL: <https://www.americansecurityproject.org/iceland-like-all-arctic-nations-is-drilling-for-oil> (дата обращения: 21.02.2018).

²² Agreement between Iceland and Norway on the Continental Shelf in the area between Iceland and Jan Mayen. URL: http://www.nea.is/media/olia/JM_agreement_Iceland_Norway_1981.pdf (дата обращения: 21.02.2018).

²³ Act on Prospecting, Exploration and Production of Hydrocarbons No. 13 of 13 March 2001. Unofficial translation. URL: <https://nea.is/media/olia/Act-No-13-2001-03102011.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).

Лицензии на поиск выдаются на срок до 3, на разведку — до 16 лет, на добычу — до 30 лет, отсчитываемых от момента выдачи лицензии на разведку. Разведочные и добычные лицензии предоставляют операторам исключительные права на соответствующие работы на шельфе.

Разрешение на работы предоставляется компаниям, полностью отвечающим требованиям по наличию опыта работ на шельфе и финансовых ресурсов, обеспечивающих выполнение необходимых работ. Закон 2001 г. наделяет Национальное агентство полномочиями по применению более жестких требований к компаниям, чем предусмотрены правилами. Держатель лицензии уплачивает в государственный бюджет ежегодный сбор за разработку месторождения. Вопрос о необходимости участия государства в разведке и добычи нефтегазовых ресурсов решается Министерством промышленности, энергетики и туризма отдельно в каждом случае выдачи лицензий.

Закон в целом достаточно расплывчато определяет обязательства операторов по обеспечению безопасности производства и охране окружающей среды. Держатель лицензии обеспечивает «ответственное» выполнение работ «в соответствии с действующим законодательством». И далее «при осуществлении работ по разведке и добыче углеводородных ресурсов должны учитываться публичные интересы» (ст. 10). Конкретные требования определяет Национальное агентство по энергетике. Кроме того, компании обязаны соблюдать наилучшие международные стандарты бурения на шельфе (ст. 13). Надзор за соблюдением должного уровня безопасности и мер по охране окружающей среды осуществляет Национальное агентство.

Таким образом, в Исландии в условиях, когда уровень развития нефтегазовой отрасли существенно уступает сектору возобновляемой энергетики, законодательное регулирование работ по добыче на шельфе углеводородов не отличается детальной проработкой. Основным нормативным актом в данной сфере является закон 2001 г., определяющий лишь общие рамки поведения компаний-операторов на шельфе. Фактически единственным органом государственной власти, осуществляющим надзор за компаниями и выработку конкретных требований к ним в области безопасности производства и охраны окружающей среды, является Национальное агентство по энергетике.

В Исландии осознают невозможность добычи нефти и газа на шельфе без помощи зарубежных компаний. В целях привлечения технологий и финансов извне государство постепенно расширяет необходимую для этого национальную правовую базу. Кроме того, власти прилагают усилия и на международном уровне. Так, Соглашения с Норвегией о режиме совместной разработки трансграничных месторождений, а также установление тесных экономических связей с китайскими предприятиями, вкладывающими инвестиции в инфраструктуру острова, свидетельствуют о курсе властей Исландии на освоение своих арктических владений за счет открытия доступа к ним зарубежным государствам и компаниям.

Гренландия (Дания): акцент на международные стандарты

Гренландия, как и Фарерские острова, является самоуправляемой территорией, входящей в состав Дании. Благодаря Гренландии Дания сегодня является полноправным участником арктической «пятёрки» и претендентом на значительные площади арктического континентального шельфа.

В 2008 г. в Гренландии был проведён референдум по вопросу самоуправления, по итогам которого 20 мая 2009 г. парламент Дании принял закон о расширенной автономии Гренландии²⁴. В соответствии с ним Органы Самоуправления Гренландии имеют широкие автономные полномочия по вопросам внутренней политики. Регулирование деятельности по разработке месторождений полезных ископаемых также относится к компетенции местных властей. Тем не менее, вести переговоры и заключать соглашения с иностранными государствами органы Самоуправления Гренландии могут только от имени Королевства Дании. Кроме того, остров остается в значительной степени зависимым от субсидий, выплачиваемых Данией.

В Гренландии содержится большое разнообразие полезных ископаемых. Так, результаты геологической разведки недр острова выявили наличие конгломератов дефицитных химических элементов (лития, бериллия, ниобия и др.), редкоземельных металлов, урана и тория. Минерально-сырьевая база острова включает в себя и крупные запасы золота, алмазов, железа, никеля, цинка [7, Тулупов Д.С., с. 4].

Разработка нефтегазовых ресурсов континентального шельфа Гренландии берёт начало в 1970-е гг. В 1976 и 1977 гг. американскими и европейскими компаниями на гренландском шельфе были пробурены 5 разведочных скважин, которые оказались «сухими», в связи с чем интерес компаний к продолжению разведочных работ был утрачен. Ряд попыток найти коммерческие запасы нефти и газа предпринимался в 1990-е гг., но они также не увенчались успехом [1, Паничкин И.В., с. 164].

В 2006–2012 гг. Правительство Гренландии выдало ряд лицензий зарубежным компаниям в Море Баффина. Были пробурены поисково-разведочные скважины на мелководье в заливе Баффина, однако коммерческих запасов нефти найти не удалось. Снижение мировых цен на нефть повлияло на планы нефтегазовых компаний, многие из которых отказались от продолжения работы на гренландском шельфе²⁵.

Тем не менее, в стратегии развития минерально-сырьевой отрасли Гренландии на период 2014–2018 гг. заявлена цель ускорить экономическое развитие государства за счёт создания новых возможностей получения прибыли и создания рабочих мест в сфере добычи нефти и газа. Одним из средств достижения данной цели указывается также совершенство-

²⁴ Act on Greenland Self-Government. Act no. 473 of 12 June 2009. URL: <http://naalakkersuisut.gl/~media/Nanoq/Files/Attached%20Files/Engelske-tekster/Act%20on%20Greenland.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).

²⁵ Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики // Ридер РСМД. URL: <http://russiancouncil.ru/arcticoil> (дата обращения: 21.02.2018).

вание законодательной базы в отношении лицензирования разведочно-добычной деятельности на шельфе. До 2018 г. Правительство Гренландии планирует выставить на торги ряд лицензионных участков на западном побережье острова²⁶.

Закон о расширенной автономии Гренландии 2009 г.²⁷ установил, что доход от операций по полезным ископаемым в Гренландии поступает в бюджет местных властей. Вместе с тем, годовая субсидия Дании уменьшается на сумму, соответствующую половине доходов от деятельности по разработке минеральных ресурсов.

Характерной особенностью законодательства Гренландии в области освоения углеводородов шельфа является тот факт, что практически все аспекты этой деятельности регулируются одним нормативно-правовым актом — Законом о минеральных ресурсах 2010 г.²⁸ В соответствии с ним было также разработано Руководство по разведочному бурению²⁹. В то же время данные нормативно-правовые акты содержат минимум конкретных требований к компаниям, ссылаясь на необходимость применять наилучшие международные стандарты и технологии.

В каждой нефтегазовой лицензии доля государства составляет 6,25% за счёт участия в ней полностью государственной компании *Nunaoil*³⁰. В соответствии с Законом о минеральных ресурсах, держатели лицензии на разработку шельфовых месторождений Гренландии должны использовать местные трудовые ресурсы и предприятия для обеспечения своей основной деятельности в разумных пределах (при их доступности и конкурентоспособности).

Полномочия по всему спектру регулирования деятельности компаний на шельфе Гренландии принадлежат одному ведомству — Бюро полезных ископаемых (Bureau of Minerals and Petroleum) [4, Dag J., Holroyd P., с. 34]. Лицензии на разведку выдаются на срок 10 или 16 лет (в зависимости от расположения разведочного района). В случае нахождения компанией коммерческих запасов нефти или газа, лицензия может быть продлена на срок до 30 лет в целях производства работ по добыче. Как правило, заявитель должен представить производственную программу с описанием конкретных работ, проводимых в течение срока действия лицензии. Общий срок действия лицензии при этом делится на три стадии. После каждой из таких стадий держатель лицензии принимает решение либо об отказе от лицензии, либо о продолжении работ. Во втором случае компания должна отказаться от 30%

²⁶ J. Kay, S. Thorup. Oil and Gas in Greenland — Still on Ice? URL: <http://www.mondaq.com/x/366832/Oil+Gas+Electricity/Oil+And+Gas+In+Greenland+Still+On+Ice> (дата обращения: 21.02.2018).

²⁷ Закон Дании о самоуправлении Гренландии URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=300> (дата обращения: 21.02.2018).

²⁸ Greenland Parliament Act of 7 December 2009 on mineral resources and mineral resource activities (the Mineral Resources Act). URL: https://www.govmin.gl/images/stories/faelles/mineral_resources_act_unofficial_translation.pdf (дата обращения: 21.02.2018).

²⁹ Exploration Drilling Guidelines // Greenland Bureau of Minerals and Petroleum. URL: https://www.govmin.gl/images/stories/petroleum/110502_Drilling_Guidelines.pdf (дата обращения: 21.02.2018).

³⁰ Oil and Gas Regulation 2018. Greenland. URL: <https://iclg.com/practice-areas/oil-and-gas-laws-and-regulations/greenland> (дата обращения: 21.02.2018).

площади разведочного района³¹.

Со вступлением в силу новой минерально-сырьевой стратегии на 2014–2018 гг. в введенные выше правила внесён ряд изменений с целью привлечения новых инвестиций в отрасль. Был введён специальный режим лицензирования, при котором от компаний требуется представить программу работ на три года. Лицензионный период в данном случае не делится на стадии, как при стандартной процедуре. В случае, если к концу трёх лет работ компания посчитает разведочный район перспективным, она вправе подать заявку на продление лицензии ещё на три года³².

При таком режиме держатель лицензии имеет большую гибкость в пересмотре своей программы работ. Предполагается, что специальный режим будет применяться к малоизученным районам шельфа. Наибольшие выгоды в данном случае получают небольшие компании, не обладающие значительными финансовыми ресурсами и технологиями, но имеющие опыт проведения исследовательских работ на шельфе на ранних стадиях. Получив информацию о перспективности месторождения, они могут привлечь к разработке более крупные предприятия для проведения более сложных работ. Кроме того, минерально-сырьевая стратегия на 2014–2018 гг. предполагает внесение изменений в налоговое законодательство Гренландии, дающих возможность расширить круг компаний, претендующих на лицензии. В частности, сумма налоговых выплат не должна превышать 52,5%³³. Это ниже процентных ставок в других государствах региона.

Итак, к 2018 г. гренландская законодательная база в нефтегазовой сфере находится в стадии формирования. В отличие от других арктических государств, власти страны проявляют стремление заменить конкретные технологические и административные требования к компаниям ссылкой на наилучшие имеющиеся международные практики.

Низкие цены на нефть и газ, суровые климатические условия Гренландии, а также отсутствие инфраструктуры ставят серьёзные вызовы развитию нефтегазовой отрасли острова. Несмотря на это, власти Гренландии демонстрируют сдержанный оптимизм в данном вопросе, о чём говорят недавние меры по изменению местного законодательства по регулированию деятельности по разработке шельфовых месторождений, нацеленных на привлечение новых инвестиций в отрасль.

Норвегия: саморегулирование как фактор устойчивого развития

На прошедшей в Норвегии в январе 2017 г. конференции «Арктические рубежи» премьер-министр принимающего государства Э. Сольберг выразила уверенность в том, что привлечение экономических преимуществ, которые предоставляет прибрежным странам Арк-

³¹ J. Kay, S. Thorup. Oil and Gas in Greenland — Still on Ice? URL: <http://www.mondaq.com/x/366832/Oil+Gas+Electricity/Oil+And+Gas+In+Greenland+Still+On+Ice> (дата обращения: 21.02.2018).

³² Там же.

³³ Oil and Gas Regulation 2018. Greenland. URL: <https://iclg.com/practice-areas/oil-and-gas-laws-and-regulations/greenland> (дата обращения: 21.02.2018)

тика, не идет в противоречие с тезисом о необходимости защиты уязвимой природы региона³⁴. Норвегия действительно является ярким примером эффективного осуществления деятельности по освоению биологических и минеральных ресурсов северного региона и соблюдения при этом высокого уровня экологических стандартов.

Норвегия за короткий период времени после открытия на её континентальном шельфе запасов углеводородов превратилась в одного из крупнейших экспортеров нефти и газа в мире. Королевство является несомненным лидером в области применения подводных технологий при освоении шельфовых нефтегазовых месторождений. Развитие нефтегазовой промышленности стало мощным импульсом в подъеме экономики страны. Во многом сегодняшнее и будущее экономическое процветание Норвегии базируется на энергоресурсах³⁵. В большой степени этому способствовал проработанный и сбалансированный правовой режим недропользования на норвежском континентальном шельфе.

Основным координатором в области нефтегазовой деятельности на шельфе является Министерство нефти и энергетики. Его структурные подразделения осуществляют общие административные функции в отношении компаний, работающих на шельфе Норвегии, а также принимают подзаконные акты в данной сфере. Надзор за соблюдением операторами правил и требований к работе на шельфе, касающихся защиты жизни и здоровья на производстве, охраны окружающей среды и других аспектов деятельности, начиная со стадии поиска до консервирования буровых скважин, осуществляет Агентство по безопасности нефтегазовой деятельности (Petroleum Safety Authority — PSA), являющееся структурным подразделением Министерства труда Норвегии³⁶. Сбор налогов от нефтегазовой деятельности входит в компетенцию Министерства финансов³⁷.

Помимо этого, в систему органов государственной власти в сфере контроля деятельности по разработке месторождений на шельфе входят Агентство по охране окружающей среды (Norwegian Environment Agency), Управление по безопасности нефтегазовой деятельности (Petroleum Safety Authority Norway) и др.

Основным нормативным правовым актом в области добычи нефти и газа на континентальном шельфе Норвегии является Закон о нефтяной деятельности, принятый в 1996 г.³⁸. Данным законом установлено, что государство имеет право собственности на всех углеводородные залежи в акваториях, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией Норве-

³⁴ Speech by Prime Minister Erna Solberg at the Arctic Frontiers conference, 23 January 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/arctic-frontiers/id2528099/?selectLanguage=no/id4> (дата обращения: 20.02.2018)

³⁵ Рыжова А.В. Норвегия осваивает ресурсы Арктики. URL: <https://riss.ru/analytics/28154> (дата обращения: 21.02.2018).

³⁶ Role and area of responsibility // Petroleum Safety Authority Norway. URL: <http://www.psa.no/role-and-area-of-responsibility/category916.html> (дата обращения: 21.02.2018).

³⁷ State Organisation of Petroleum Activities. URL: <http://www.norskpetroleum.no/en/framework/state-organisation-of-petroleum-activities> (дата обращения: 21.02.2018).

³⁸ Act 29 November 1996 No. 72 relating to petroleum activities // Norwegian Petroleum Directorate. URL: <http://www.npd.no/en/Regulations/Acts/Petroleum-activities-act/> (дата обращения: 20.02.2018).

гии. Весь континентальный шельф Норвегии разделен на географические прямоугольные блоки размером 15 минут долготы и 20 минут широты. Как и в других арктических государствах, для разработки нефтегазовых ресурсов шельфа Норвегии компании получают соответствующую лицензию на разведку или добычу ресурсов. Перед открытием акваторий для лицензирования государством проводится обязательная оценка воздействия нефтегазовой деятельности на окружающую среду, выявляются социально-экономические и другие эффекты от её проведения.

Лицензия на разведку ресурсов шельфа является неисключительной и не предоставляет приоритетного права держателю на получение лицензии на добычу. Срок предоставления лицензии на работы по разведке — не более трёх лет.

Напротив, лицензии на добычу являются исключительными и выдаются государством в ходе лицензионных раундов сроком на 10 лет. Заявки на получение лицензий могут подавать юридические и физические лица как поодиночке, так и группами. После выполнения геологоразведочных работ обладатель лицензии, как правило, имеет право оставить за собой до половины площади лицензионного участка на срок до 30 лет, а в некоторых случаях и до 50 лет (ст. 3-9 Закона 1996 г.) [8, Кокин В.]. При отрицательных результатах лицензия может быть возвращена государству. Держатель лицензии становится собственником добытых им ресурсов.

Согласно закону 1996 г., государство во всех лицензиях имеет долю своего прямого участия. С 1973 по 1991 г. такая доля не могла быть менее 50%, однако в последующих лицензионных раундах она постоянно сокращалась. До недавнего времени от имени государства управление прямым финансовым участием велось через компанию «Статойл». В последние годы государством были учреждены две специализированные компании: «Петоро» (Petro AS) — в целях управления государственным прямым финансовым участием, и «Гаско» (Gassko AS) — для эксплуатации газотранспортной системы³⁹.

К нормативно-правовым актам в сфере разведки и добычи нефти и газа на шельфе также относятся законы об охране жизни и здоровья работников компании-оператора, о безопасности на производстве, о предотвращении вредных выбросов и др.

Норвегия отличается от других арктических государств тем, что подход Королевства к правовому регулированию нефтегазовой деятельности на шельфе основывается на принципе саморегулирования компаний. Роль государства сводится к определению стандартов безопасности, которые должны соблюдаться предприятиями-операторами. Нормы законов закрепляют обязанности компаний по систематическому выявлению рисков, связанных с работой на шельфе, их минимизации и контролю, а также реагированию в нештатных ситуациях. При этом операторам предоставляется право выбора конкретных средств достижения поставленных в законе задач [4, Dagg J., Holroyd P., с. 38]. Так, Агентство по безопасности

³⁹ State Organisation of Petroleum Activities. URL: <http://www.norskpetroleum.no/en/framework/state-organisation-of-petroleum-activities> (дата обращения: 21.02.2018).

нефтегазовой деятельности, контролируя выполнение стандартов в области охраны окружающей среды, рекомендует (не обязывает) операторам определённые практики поведения, однако при этом, как правило, предлагает возможность применения альтернативного способа выполнения задачи. Количество императивных норм и требований по принятию конкретных мер, которые преобладают в законодательстве США и Канады, в правовых актах Норвегии сведено к минимуму. В то же время, такой подход предполагает, что ответственность за безопасность работ по разведке и добыче ресурсов лежит по большей части на компаниях⁴⁰. Кроме того, в Королевстве установлен крайне высокий уровень предельной ставки налога на прибыль — 78% [3, Казначеев П.Ф., Базалева Р.В., с. 123].

Таким образом, по сравнению с правовой базой других арктических государств, норвежская система регулирования нефтегазовой деятельности на шельфе отличается высокой степенью проработанности, имеет более чётко выстроенную иерархию нормативно-правовых актов и предоставляет компаниям значительную гибкость в средствах достижения задачи по обеспечению экологической и производственной безопасности. Вместе с тем, свобода действий налагает на компании повышенную ответственность за конечный результат, в том числе с точки зрения выполнения требований по охране окружающей среды Арктики.

Описанные преимущества норвежской системы представляются одним из ключевых факторов привлекательности Королевства для иностранных инвестиций в нефтегазовую отрасль и сохранения за государством статуса лидера по добычи нефти и газа в Арктике. При этом Норвегия остаётся государством, успешно сочетающим активную экономическую деятельность в регионе и экологоориентированность.

Заключение

В законодательстве зарубежных арктических государств по регулированию нефтегазовой деятельности на континентальном шельфе существуют как определенные сходства, так и отличительные черты. Общность подходов обусловлена, в частности, природно-климатическими вызовами и техническими сложностями, с которыми сопряжены работы по освоению морских месторождений на Крайнем Севере, а также необходимостью государственного контроля. Так, во всех прибрежных странах существует институт лицензирования компаний, желающих проводить разработку месторождений на шельфе, выстроена система государственных органов, осуществляющих формирование норм проведения такой деятельности и надзор за их выполнением. Как правило, перед получением разрешения от государства компании обязаны представить график работ, план реагирования на чрезвычайные ситуации, доказать свою финансовую, административную и техническую состоятельность и т. д.

Вместе с тем, в национальных нормативно-правовых базах существуют и отличительные черты. Система допуска нефтегазовых компаний к континентальному шельфу в США и

⁴⁰ Report OLF/NOFO — Summary of differences between offshore drilling regulations in Norway and U.S. Gulf of Mexico. URL: <https://www.norog.no/contentassets/4ed0dc5bf143402ea7ef4c6fb9953eb2/report-no-2010-1220-summary-of-differences-rev-02-2010-08-27-signed2.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).

Канаде характеризуется высоким уровнем экологических стандартов и требований к безопасности работ. Вместе с тем, учитывая курс Д. Трампа на активное развитие нефтегазовой отрасли в стране, вероятно, США предстоит вносить либеральные изменения в национальное законодательство. В отличие от Соединённых Штатов и Канады в Исландии, Гренландии (Дании) и Норвегии компаниям предоставляется определённая мера свободы в выборе средств достижения поставленных законом целей.

Существуют также отличия в структуре властных органов надзора в сфере нефтегазовой деятельности. В США, Канаде и Норвегии государственные функции по надзору в области безопасности производства и охраны окружающей среды, по управлению процессами лицензирования и сбору доходов от добычи нефти на шельфе распределены между разными органами. В Исландии и Гренландии их осуществляет одно ведомство.

Помимо этого, законодательство арктических государств также различается по степени проработанности. Норвегия имеет наиболее структурированную и проработанную иерархию нормативно-правовых актов, что во многом и предопределяет лидирующие позиции Королевства по добыче нефтегазовых ресурсов не только в Арктике, но и во всем мире.

В США и Канаде действует разветвлённая система законов и подзаконных актов, но каждый из них посвящён только одной из возможных сфер регулирования (например, предотвращение разлива нефти, охрана жизни и здоровья на производстве и т. п.), и они не образуют чёткую единую структуру.

Исландия и Гренландия находятся на начальной стадии формирования правовых основ деятельности по освоению углеводородных ресурсов Арктики. В этих государствах практически все аспекты регулирования работ на шельфе закреплены в одном законе, который содержит минимум конкретных норм и отсылает к наилучшим имеющимся международным практикам и стандартам.

Положительный опыт зарубежных стран по правовому регулированию разведки и добыче нефти и газа в Арктике может быть применим в целях совершенствования отечественного законодательства. Так, следует рассмотреть возможность использования специального режима лицензирования работ по геологическому изучению и разведке, существующего в законодательстве Гренландии. Данный режим предполагает предоставление преимуществ небольшим компаниям, имеющим опыт проведения исследовательских работ на шельфе на ранних стадиях. Завершив работы по разведке, такие предприятия будут продавать результаты своего труда крупным компаниям для проведения добычи. Примером успешного сочетания благоприятных условий для эффективной экономической деятельности в регионе и экологоориентированности является законодательство Норвегии. Предоставляя операторам значительную гибкость в средствах достижения задачи по обеспечению экологической и производственной безопасности, Королевство при этом налагает на компании повышенную ответственность за конечный результат. При должной выстроенной системе государственного контроля такая форма взаимодействия может послужить эффективным ин-

струментом отлаживания взаимовыгодных отношений между государством и нефтегазовыми компаниями в Арктике.

Одним из направлений международного сотрудничества в Арктике является синхронизация национальных подходов к регулированию деятельности по освоению ресурсов региона. В рамках Арктического совета уже предпринимались попытки выработки единых для всех прибрежных государств законодательных требований. Так, в 2009 г. было принято «Руководство по освоению морских месторождений нефти и газа Арктики» (Arctic Council Offshore Oil and Gas Guidelines), нацеленное на обобщение стандартов и практик работ на шельфе и содержащее рекомендации прибрежным государствам по мерам безопасности в ходе проведения поиска, разведки и добычи нефти и газа в Арктике. Однако данный документ не имеет обязывающей юридической силы. Из трёх панарктических обязывающих международных соглашений только одно — по сотрудничеству в ликвидации нефтяных разливов — напрямую относится к деятельности по разведке и добыче углеводородных ресурсов, охватывая лишь часть всевозможных аспектов.

В этих условиях значительным шагом вперед по обеспечению устойчивого развития Арктики было бы установление обязательных для всех государств региона правовых основ освоения углеводородных ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана, обмен информацией и наилучшими практиками, взаимодействие по предотвращению негативного воздействия нефтегазовой деятельности на экосистемы Севера. Такую работу мог бы взять на себя Арктический совет, обладающий опытом в данной сфере.

Литература

1. Паничкин И.В. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики: история освоения и перспективы // Российская Арктика: вызовы и перспективы развития: сб. материалов / Под ред. И. Прокофьева, Д. Лыжина, А. Тодорова. Москва: РИСИ, 2017. С. 163–179.
2. Baker B., Sidortsov R. The Legal and Regulatory Regime for Offshore Hydrocarbon Resources in the U.S. Arctic. URL: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/environment_energy_resources/resources/baker_sidortsov_hydrocabon_Arctic.authcheckdam.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
3. Базалева Р.В., Казначеев П.Ф. Освоение арктического шельфа (регулирование и налогообложение нефтяных компаний в США, России и Норвегии) // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 110–132.
4. Dagg J., Holroyd P., Lemphers N., Lucas R., Thibault B. Comparing the Offshore Drilling Regulatory Regimes of the Canadian Arctic, the U.S., the U.K., Greenland and Norway. Alberta, Canada: the Pembina Institute, 2011. 179 С. URL: <https://www.pembina.org/reports/comparing-offshore-oil-and-gas-regulations.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
5. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / Под ред. И.В. Прокофьева. Москва: РИСИ, 2011. 194 с.
6. Erlendsson G.E. Arctic Offshore Oil and Gas Concerns: Maritime Law, Sustainable Development and Human Rights: a Brief Look at Iceland and Greenland: Master's Degree Thesis. Akureyri, 2010. 96 С. URL: <https://skemman.is/bitstream/1946/5650/1/LLM%20ritger%C3%B0.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
7. Тулупов Д.С. Региональная политика Дании в отношении Гренландии и Фарерских островов на современном этапе // Материалы семинара «Political Aspects of Indigenous Research and

Activity in Russia». Москва, 2008. URL: <http://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=c2c34cdd-9353-408d-8635-18cf7535b4a7> (дата обращения: 21.02.2018).

8. Кокин В. Правовые основы нефтяной деятельности в Норвегии // НефтьГазПраво. 2003. № 5. URL: <http://www.lawtek.ru/analytics/20> (дата обращения 21.08.2017).

References

1. Panichkin I.V. Razrabotka morskikh neftegazovykh resursov Arktiki: istoriya osvoeniya i perspective [Development of offshore oil and gas resources in the Arctic: history of exploration and prospects]. *Rossiiskaya Arktika: vyzovy i perspektivy razvitiya* [The Russian Arctic: challenges and development prospects]. Ed. by I. Prokofiev, D. Lyzhyn, A. Todorov. Moscow, RISS Publ., 2017, pp. 163–179. (In Russ.)
2. Baker B., Sidortsov R. *The Legal and Regulatory Regime for Offshore Hydrocarbon Resources in the U.S. Arctic*. ABA SEER, 2014, 43 p. Available at: http://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/environment_energy_resources/resources/baker_sidortsov_hydrocabon_Arctic.authcheckdam.pdf (accessed 21.02.2018).
3. Kaznacheev P.F., Bazaleva R.V. Osvoenie arkticheskogo shel'fa (Regulirovanie i nalogooblozhenie neftyanykh kompanii v SShA, Rossii i Norvegii) [Arctic offshore exploitation (regulatory and tax regimes for oil companies in the USA, Russia and Norway)]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2015, vol. 10, no. 2, pp. 110–132.
4. Dagg J., Holroyd P., Lemphers N., Lucas R., Thibault B. *Comparing the Offshore Drilling Regulatory Regimes of the Canadian Arctic, the U.S., the U.K., Greenland and Norway*. The Pembina Institute, 2011. 179 p. Available at: <https://www.pembina.org/reports/comparing-offshore-oil-and-gas-regulations.pdf> (accessed 21.02.2018).
5. Konyshov V.N., Sergunin A.A. *Arktika v mezhdunarodnoi politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [Arctic in international politics: cooperation or rivalry?]. Ed. by I.V. Prokofiev. Moscow, RISS Publ., 2011, 194 p. (In Russ.)
6. Erlendsson G.E. *Arctic Offshore Oil and Gas Concerns: Maritime Law, Sustainable Development and Human Rights: A Brief Look at Iceland and Greenland*: Master's Degree Thesis. Akureyri, 2010. 96 p. Available at: http://skemman.is/stream/get/1946/5650/14556/1/LLM_ritgerð.pdf (accessed 21.02.2018).
7. Tulupov D.S. Regional'naya politika Danii v otnoshenii Grenlandii i Farerskikh ostrovov na sovremennom etape [The regional policy of Denmark regarding Greenland and the Faroe Islands at the present stage]. *Materialy seminara «Political Aspects of Indigenous Research and Activity in Russia»* [Proc. seminar "Political Aspects of Indigenous Research and Activity in Russia"]. Moscow, 2008. Available at: <http://www.arcticcentre.org/loader.aspx?id=c2c34cdd-9353-408d-8635-18cf7535b4a7> (accessed 21.02.2018).
8. Kokin V. Pravoviye osnovy neftyanoi deyatel'nosti v Norvegii [Legal foundations of the oil industry in Norway]. *Neft'GazPravo*, 2003, no. 5. Available at: <http://www.lawtek.ru/analytics/20> (accessed 21.08.2017).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

УДК (341.24+342.1+94+39)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв. *

© **ЗАЙКОВ Константин Сергеевич**, кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных исследований по истории российско-норвежского пограничья периода XVI — начала XX вв. Доминирование эмпирического позитивизма и исторического национализма в описании истории разграничения Северного фронта привело к формированию достаточно устойчивых и односторонних интерпретаций процесса делимитации российско-норвежской границы в работах первой половины XX в. Воспринимая государство как априорно объективное явление, историки и правоведы рассматривали под «границей» статичный инструмент политической власти, игнорируя мультипространственность явления и вариативность его субъектов. В скандинавской историографии сложилась историческая традиция восприятия договора о разграничении «общих округов» 1826 г. как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. В рамках этой традиции может показаться, что норвежские территориальные притязания не выглядят экспансивными в отношении России. Однако в среде скандинавских историков долгое время доминировала теория о том, что Российская Империя, движимая идеей перманентных территориальных расширений, создавала угрозу норвежскому Финнмарку, поэтому разграничение Северного фронта явилось дипломатической сделкой, направленной на создание легитимных барьеров дальнейшей русской экспансии через норвежское заполярье в Западную Европу. Таким образом, автор приходит к выводу, что в методологической перспективе тема эволюции российско-норвежского пограничья остается недостаточно разработанной в зарубежной историографии и требует пристального внимания для создания качественной реконструкции этапов развития российско-норвежского пограничья от территории с фронтальной конфигурацией политических рубежей в XIII — начале XIX вв. до пространства с герметичными политическими границами в XX в.

Ключевые слова: история, граница, фронт, историография, российско-норвежские отношения, российско-норвежское пограничье, саамы.

Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries

© **Konstantin S. ZAIKOV**, Cand. Sci (Hist.)

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article presents a review of foreign research on the history of Russian-Norwegian borderland in 16th — early 20th centuries. The dominance of the empirical positivism and historical nationalism in the history of the Northern frontier delimitation led to the formation of a relatively stable and unilateral inter-

* Для цитирования:

Зайков К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв. // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 60–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

For citation:

Zaikov K.S. Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 60–75. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.60

pretations of the Russian-Norwegian border in the first half of the 20th century. The state was perceived as an a priori objective phenomenon. That's why historians and legal scholars understood the "border" as a static instrument of political power, ignoring its multipotential phenomena and variety of its subjects. The Scandinavian historiography has developed a historical tradition of perception of the Treaty 1826 on the delimitation of "common districts" as a fair act of institutionalization of borders over the common possession. As a part of this tradition, it may seem that Norwegian territorial claims did not look expansive in relation to Russia. However, for a long time the Scandinavian historians advocated the theory that the Russian Empire, driven by the idea of permanent territorial extensions, had posed a threat to the Norwegian Finnmark. So, the delineation of the Northern frontier was a diplomatic deal aimed at creating legitimate barriers to further Russian expansion in Western Europe through the Norwegian Arctic. Thus, the author comes to the conclusion that from the methodological perspective, the evolution of the Russian-Norwegian borderlands is still not sufficiently developed in foreign historiography and requires closer attention to create high-quality reconstruction of the Russian-Norwegian borderland evolution from the territory with frontlines configuration of political boundaries in the 13th century — the early 19th century to the space with a sealed political boundaries in the 20th century.

Keywords: *history, border, frontier, historiography, the Russian-Norwegian relations, the Russian-Norwegian borderland, the Saami.*

Введение

Определение, контроль и защита государственной границы являются важнейшими функциями государства, подчёркивающими его суверенитет и демонстрирующими национальную самостоятельность и исключительность. Однако классическое восприятие границы как линии, формирующей пределы территориальности пограничных государств, существовало не во все периоды человеческой истории.

В эпоху античности и средневековья вместо чёткой системы границ на территории Европы существовала линия пограничья «фронта», условно ограничивающая суверенитет каждого королевства по отношению друг к другу, оставляя физические границы государства открытыми для миграции и освоения другими этническими группами и властвующими субъектами [1, Paasi A., с. 19–22].

В 1648 г. по результатам Вестфальского мира, положившего конец череде кровопролитных конфликтов за права наследования территорий и опустошивших Европу, была установлена новая система межгосударственных отношений. Внедрение в международно-правовую практику принципа «государственного суверенитета» внесло принципиально иное содержание в понимание значения и функций границы, завершив средневековую практику существования совместных владений. По итогам соглашения автономность власти каждого европейского государства ограничилась рамками сложившихся природно-географических границ [2, Minghi J., с. 36–37]. Чёткие физические границы служили важным критерием, позволяющим сохранить суверенность государства от внешней угрозы и легитимировать реализацию властных полномочий государства в пределах единой очерченной территории.

Ограничение с XVI в. физико-политического пространства суверенитета привело к переосмыслению отношения власти к собственным полномочиям и последующей консолидации государства, то есть расширению функций властей от простого сбора налогов и организации судопроизводства к более серьёзной экспансии государства в экономическую, соци-

альную и культурную сферы жизни обществ [3, Häkli J., с. 11–12]. Тем не менее институционализация системы европейских границ как чёткой постоянно охраняемой линии завершилась лишь в XIX в.

В XVIII–XIX вв. развитие науки, рационализация управления, рост знаний государства о собственной территории, населении и ресурсах, распространение идей национализма и формирование «народного суверенитета» сыграли ключевую роль в создании новых форм территориальности и критериев демаркации границ [3, Häkli J., с. 12–13].

Так, в период национальной консолидации европейских государств XIX в. возникшее понятие «народного суверенитета» базировалось на аксиоме национальной исключительности нации и праве каждого народа на собственный суверенитет и территорию. Переход от династического к народному суверенитету обозначил существенное расширение акторов, а также критериев разграничения территорий [1, с. 21]. Социокультурное пространство этнических групп, проживающих на соседствующей территории, теперь играло роль определяющего фактора при делимитации физического ландшафта. Это отразилось на общем восприятии границы как исторически сложившейся линии, делящей сформировавшиеся социокультурные границы наций-государств.

Краткий экскурс в историю эволюции восприятия границы и территориальности европейских государств показывает очевидную мультипространственность феномена границы и сложность процесса его формирования. Зачастую в исторической практике межгосударственных отношений проблема очерчивания политических рубежей — главная причина установления первых дипломатических отношений между государствами — играет ключевую роль в развитии их взаимоотношений и выступает мотивом конфликтов и тесного сотрудничества. Не являются исключением из этих правил и российско-норвежские отношения.

Историческое введение в проблему

К XVI в. освоение северных территорий и расширение власти Московского государства и Норвегии в унии с Данией привело к столкновению двух центров консолидации политического пространства и двух социокультурных общностей: западноевропейской, протестантской и русской, православной. Заинтересованность обоих государств в расширении политического пространства и зонах налогообложения послужила поводом к первым контактам и формированию постоянных отношений [4, Johnson O.A., с. 231–236].

К началу XVII в. пределы общего российско-норвежского пограничья — фронта на смежной территории восточного Финнмарка и западной части Кольского полуострова существенно сократились и обрели устойчивые рубежи, в которых он просуществовал до 1826 г. Согласно датским юридическим документам, фронт получил название «общих округов» (*fellesdistrikter*), согласно русским — «двоеданных погостов» — территории трёх погостов / округов между населёнными пунктами саами вдоль рек Нявдема (Нейден), Паз (Пазвиг) и Печенга (Пейсен). Отсутствие единой исторической терминологии в обозначении этого гео-

графического пространства в Норвегии и России обусловило поиск более универсального понятия. С точки зрения расположения общей периферии к национальным центрам можно выделить безусловную «северность» этой территории, поэтому предлагаемое нами понятие «северный фронт» представляется наиболее приемлемым для номинации общего пограничья России — Дании / Норвегии, Швеции / Норвегии в хронологических рамках XVII — начала XIX вв.

Несмотря на определённое раздражение, власти и Норвегии, и России обоюдно признавали общие права на использование ресурсов трёх округов и сбор податей с коренного населения. Однако право на хозяйственное освоение округов не было строго регламентировано, что приводило к локальным конфликтам на почве столкновения хозяйственных интересов русских и норвежских промышленников, а также между пришлыми норвежскими саами и коренными русскими саамами-скольтами.

С изменением в результате эпохи наполеоновских войн (1805–1814 гг.) политической карты Европы на высшем государственном уровне сложились необходимые предпосылки для очерчивания политической границы между Россией и Швецией-Норвегией на Крайнем Севере. В 1814 г. по результатам заключения Шведско-Норвежской унии Норвегия приобрела широкую внутреннюю автономию. Функции норвежских властей по управлению своей территорией значительно расширились, послужив катализатором национальной консолидации и давлению норвежской элиты на шведское руководство в направлении скорейшего разграничения пространства трёх общих округов, наличие которых ограничивало возможности создания эффективных форм контроля, управления и освоения смежной территории. В то же время альянс Российской империи и шведского королевства против наполеоновской Франции сыграл ключевую роль в изменении характера российско-шведских отношений от конфронтации к конструктивному сотрудничеству. Таким образом, положительное отношение правительства России к северному соседу и желание короля Швеции-Норвегии Карла Йохана поскорее решить проблему фронта с Российской империей способствовали успеху дипломатических усилий по проведению совместной делимитации границы и ратификации пограничной конвенции 2 / 14 мая 1826 г.

Граница, установленная в 1826 г., затрагивала экономические интересы жителей Архангельской губернии. После разграничения часть оспариваемых территорий — Нявдемский погост и северо-западная часть Пазрецкого погоста остались за Норвегией. Однако население Архангельской губернии считало все три погоста российской землёй. Они полагали, что российско-норвежская граница уже существовала ранее и проходила намного северозападнее той, что была установлена конвенцией 1826 г. Поэтому фактически сразу после ратификации конвенции появление «новой границы» вызвало её осуждение региональной властью и последующую широкую дискуссию среди политической и научной элиты губернии, активно включившейся в оценку договора и его влияния на дальнейшее развитие приграничного района. В 60-е гг. XIX в. известные исследователи Русского Севера Долинский и

Сидоров подняли вопрос несправедливого разграничения на собрании в Императорском вольном экономическом обществе, положив начало общенациональному обсуждению пограничной проблемы. Участниками этих дискуссий были и архангельские историки-краеведы второй половины XIX — начала XX вв.

Постановка проблемы

Почти всегда скрытое или явное недовольство результатами разграничения постепенно переходит в плоскость последующих научно-исторических и политических дискуссий, сопровождаемых попытками отдельных политических субъектов исправить существующие рубежи. Полемика в оценках разграничения 1826 г. между норвежскими и российскими учёными не прекращается по сей день [5, Zaikov K., с. 1164–1172].

В начале XXI в. усилившийся интерес к теме вызван динамикой российско-норвежских отношений последних трёх десятилетий, которая характеризуется переменным ростом сотрудничества и кооперации, и в то же время соперничества в вопросе о разграничении в Баренцевом Море, в конце концов завершившимся подписанием договора о делимитации морской границы в 2010 г. В связи с этим автор статьи ставит перед собой задачу изучить зарубежную историографию северного фронта в хронологических рамках XVIII — начала XX вв. и определить современное состояние изученности темы.

Дипломатическая и политическая история российско-норвежского пограничья

Наиболее полным трудом по истории северного фронта в хронологических рамках XIV — XIX вв. считается монография норвежского историка О.А. Йонсена «Политическая История Финнмарка», изданная в 1923 г. Основываясь на широком спектре источников из центральных архивов Норвегии, Швеции, Дании и России, автор попытался реконструировать политическую историю пограничного пространства, а также объяснить архитектуру границы 1826 г. [4].

Считая норвежско-новгородский договор 1326 г. отправной точкой для определения политического статуса Финнмарка и Мурманского берега Кольского полуострова, О.А. Йонсен указал на отсутствие политических границ на крайнем севере в XIV — первой половине XVI вв. Вместо политических границ существовали лишь границы зон общей фискальной юрисдикции Норвегии, Швеции и России, и эти зоны были значительно больше территории «общих округов» XVII–XIX вв. Автор полагал, что стремление государств обрести чёткие границы привело к консолидации управления и колонизации, что стало основными факторами постепенного сокращения перекрёстных зон в период с XVI по XVIII вв. О.А. Йонсен относит уже к концу XVI в. появление условных политических и этнокультурных границ Норвегии и России, которые проходили по территории «общих округов» — трёх сиййтов православных саамов (скольтов) — Njåvdån (нор. Нейден, рус. Нявдемский погост), Báhcaveadjí (нор. Пасвиг, рус. Пазрецкий погост), Веаһсап (норв. Пейсен, рус. Печенгский погост) в Южном Варангере [4, с. 84, 195–210].

Норвежский исследователь впервые выявил тенденцию роста промысловой активности норвежских саамов на территории спорных погостов и постепенный их переход от промысловой к поселенческой колонизации, наблюдаемой со второй половины XVIII в. [4, с. 203–215]. Это вызвало недовольство коренного населения — русских саамов и нашло выражение в росте промысловых конфликтов, ускоривших постановку вопроса о разграничении «округов» в начале XIX в. О.А. Йонсен провел довольно точную историческую реконструкцию племенных границ русских саамов-скольтов посредством сопоставления данных протокола майора П. Шнитлера с норвежскими и шведскими картами XVIII — начала XX вв. [4, с. 195–200, 211–215]. Работы по реконструкции границ сиййт впоследствии были существенно дополнены антропологом В. Таннером и российским историком М.Г. Кучинским [6, Tanner V.; 7, Кучинский М.Г.].

О.А. Йонсен заметил, что норвежские региональные власти XVII в. рассматривали русскую промысловую активность на норвежском прибрежном пространстве как возможную угрозу безопасности восточного Финнмарка. Это предопределило устремления финнмаркского чиновничества к делимитации округов и их последующие попытки организовать дипломатические переговоры с Российской Империей в конце столетия [4, с. 217–225]. Идея О.А. Йонсена о влиянии роста поморских промыслов на постановку вопроса о разграничении в дальнейшем была доработана Т. Кристиансеном и нашла отражение в публикациях Й.П. Нильсена и Э. Ниemi [8, Кристиансен, с. 26–52; 9, Niemi, с. 387–415; 10, Nielsen J.P., Zaikov K., с. 67–86].

Несомненная заслуга исследователя — введение в научный оборот большого пласта источников. В первую очередь это документы комиссий стортинга и финансового департамента, которые подготовили разграничительные проекты, а также протоколы делимитационной комиссии Галямина — Спорка 1825 г. и демаркационной комиссии Галямина — Мейландера 1826 г. [4, приложения].

Несмотря на богатый источниковый материал в методологическом плане, труд О.А. Йонсена, написанный в эпоху эмпирического позитивизма, имеет существенные недостатки. Автор воспринимал государство как объективный и статичный в своей идеологии исторический субъект. Главной особенностью его территориальной политики было стремление к территориальным экспансиям и обретению чётких границ суверенитета [4, с. 284–258]. Такой подход в интерпретации интересов государственной политики привел к существенному искажению ролей локально-региональных акторов в процессе пространственной территориализации Норвегии и России и утрированному восприятию пограничной государственной политики. В фактах, связанных с административной и экономической активностью русских подданных и чиновников на территории округов, О.А. Йонсен видит скрытые мотивы русской власти. Так, рост налогообложения, попытки картографирования спорного пространства и расширение промысловой активности поморов исследователь объясняет целенаправленными попытками территориальной экспансии России в северо-западном направлении [4, с.

210–211, 219–222, 231–235]. Поэтому устремления норвежских финнмаркских властей в конце XVIII в. к территориальному межеванию А. Йонсен посчитал ответом на скрытую русскую экспансию с востока [4, с. 233–234]. Такая позиция действительно высказывалась губернаторами Финнмарка Фьелштедтом и Sommerfjeldtom. Однако, игнорируя субъективный характер источников, О.А. Йонсен воспринял суждения губернаторов о России как объективный, достоверный факт и экстраполировал их на объяснение локальных взаимодействий с Россией XVIII — начала XIX вв. [4, с. 221–225, 233–235].

Социально-экономическое и политическое пространство округов О.А. Йонсен реконструирует на основе отчётов губернаторов XVIII в. и протокола П. Шнитлера. Учёный приходит к выводу о том, что в экономическом плане два западных погоста — Нявдемский и Пазрецкий были полностью интегрированы в Восточный Финнмарк [4, с. 214–215, 228–230]. Экономический фактор в труде О.А. Йонсена стал основным стимулом для включения при разграничении части этих погостов в состав Норвегии [4, с. 257]. Такая интерпретация социально-экономических процессов присутствует и в современной норвежской историографии А. Люнда, С. Викана, А. Андресен [11; 12; 13; 14]. В то же время нужно отметить, что О.А. Йонсен, работая над реконструкцией истории пограничья, не имел возможностей провести корреляцию норвежских источников с их российскими аналогами. Поэтому мы предполагаем, что его интерпретация имеет существенные искажения реальной исторической ситуации.

В хронологическом подходе к этапу разграничения исследователь упоминает об отказах России от территориальной делимитации в конце XVIII и начале XIX вв., но не пытается объяснить их причины [4, с. 235–236]. Главным фактором территориального межевания Йонсен считает личностный фактор и изменение геополитической картины Северной Европы по окончании наполеоновских войн.

Стратегическое партнёрство России со Швецией с 1812 г. и крепкая дружба российского императора Александра I с кронпринцем, позже королем Карлом Йоханом, — те две составляющие, которые, как полагал учёный, были главными причинами согласия императора со шведскими предложениями о разграничении округов, несмотря на сопротивление архангельского губернатора С.И. Миницкого [4, с. 236–239, 258]. Эти выводы нашли отражение в работах А. Люнда, С. Викана, А. Андресен, Э. Ниemi, Й.П. Нильсена и М. Лахтеенмаки [11; 12; 13; 9; 15, 10; 16]. К идентичным выводам склоняются российские исследователи В.В. Рогинский, Б.Б. Кристоман и А.С. Касиян [17; 18; 19; 20].

Дипломатическая история российско-норвежского разграничения 1823–1826 гг. частично была изучена в монографии шведского исследователя К.Ф. Пальмшерны, посвящённой предпосылкам ноябрьского трактата 1855 г. Историк попытался проследить влияние проблемы разграничения общих округов на формирование внешнеполитической напряжённости 50-х гг. XIX в. и определить рычаги воздействия большой политики на переговорный процесс. Хотя автор не нашёл фактов, подтверждающих влияние большой политики на дипломатические переговоры или эффект разграничения на большую политику, он впервые

ввёл в оборот широкий ряд дипломатических источников, в первую очередь документов МИД Швеции — Норвегии и часть документов МИД Российской Империи [21, Palmstierna K.F.].

К.Ф. Пальмшерна полагал, что причиной разграничения были конфликты между саамами и стремления Норвегии к установлению границы [21, Palmstierna K.F., с. 223–226]. Анализируя переписку шведских посланников с МИД Королевства, исследователь реконструирует процесс дипломатических переговоров.

Сосредоточившись на центральных исторических персонажах, он существенно сужает влияние региональных и локальных акторов на переговорный процесс, ограничивая его Архангельском — Санкт-Петербургом, с одной стороны, и Христианией — Стокгольмом, с другой стороны [21, Palmstierna K.F., с. 223–235]. Главным противником делимитации границы и инициатором сопротивления норвежско-шведской позиции К.Ф. Пальмшерна считает архангельского губернатора С.И. Миницкого, который в донесениях и личной беседе с главой российского МИД К.В. Нессельроде настаивал на существовании старой границы и систематически отвергал проекты разграничения норвежской стороны [21, Palmstierna K.F., с. 226–228, 230–231].

В отличие от мнения российских историографов К.Ф. Пальмшерна считал, что позиция российских центральных властей в отношении норвежских предложений 1823 и 1824 гг. не была однородной и пронорвежской [21, с. 223–227]. Проанализировав депеши шведских посланников, К.Ф. Пальмшерна заключил, что глава российского МИД К.В. Нессельроде поддерживал инициативы С.И. Миницкого [21, с. 226–227]. Ключевыми факторами продвижения проектов норвежской стороны учёный считал внешнеполитические линии Александра I и Николая I, направленные на поддержание добрососедства с Королевством, а также дипломатический профессионализм посланников Швеции — Норвегии, которые, несмотря на контраргументы российской стороны, умело отстаивали интересы Королевства в переговорный период [21, с. 235]. Историк подчёркивал, что именно шведский дипломат Н.Ф. Пальмшерна в критические моменты летом 1824 г. и весной 1825–26 гг. отстоял норвежские проекты разграничения, когда позиция короля была неустойчивой [21, с. 227–233]¹. Весной 1826 г. Карл Йохан намеривался принять план разграничения Николая I, который существенно сокращал линию границы проекта Галямина — Спорка. Колебания Александра I и Николая I исследователь объяснял скептическим отношением императоров к ценности спорного пространства и арестом подполковника В.Е. Галямина, который с декабря 1825 г. по январь 1826 г. находился под следствием по обвинению в участии в декабристском восстании 1825 г.

Показав противоречия центра и региона Российской Империи в процессе принятия решений, К.Ф. Пальмшерна в то же время не проанализировал и не сопоставил мнения Стокгольма и Христиании. Формируется представление о консолидированной позиции Объеди-

¹ Шведский историк К.Ф. Пальмшерна был дальним потомком шведского поверенного в делах барона Нильса Фредерика Пальмшерны.

ненного Королевства в отстаивании интересов жителей Северной Норвегии. Эта позиция во многом противоречит классической дихотомии центра — периферии и, кроме того, не находит подтверждения при детальном сравнении делимитационных проектов норвежской и шведской сторон.

Отдельно стоит упомянуть вопрос, касающийся обмена территориями, возникший в 40-е гг. XIX в. К.Ф. Пальмшерн считал, что причиной предложений российского императора обменять так называемый «Финский выступ» (Finskekilen) на норвежские земли в Южном Варангере стала попытка императора умиротворить финский парламент, требовавший доступ к морским промыслам для финских лопарей [21, с. 277]. Российские исследователи М. Бородин и В.В. Похлёбкин полагали, что это предложение вызвано реваншизмом Николая I, его осознанием всей несправедливости пограничной конвенции в отношении русских лопарей [22, с. 313–314; 23]. Архангельский историк Б.Б. Кростоман приводит ещё более изощрённую гипотезу, что это предложение — результат расчётливого внешнеполитического манёвра императора, который посредством умиротворения Швеции в 1826 г. хотел добиться расширения границ в 1841 г. [19, Кростоман Б.Б., с. 59–60, с. 98–99]. Источников, доказывающих эти предположения, перечисленные российские исследователи не приводят. Озвученная нами выше интерпретация К.Ф. Пальмшерна остаётся общепринятой в скандинавской историографии версией дипломатической истории российско-норвежского разграничения по мнению А. Лунда, С. Викана, А. Андресен, Э. Ниemi, Л. Ривардена, М. Лахтеенмаки [11; 12; 13; 14; 9; 24; 16].

Последующее обобщение истории пограничья с конструктивистской позиции продолжил профессор из университета Тромсё Э. Ниemi. Используя вторичные источники, исследователь попытался описать эволюции пограничья в контексте истории формирования и развития национальной политики безопасности и с позиции дихотомии центра — периферии [9]. Приложив классическую схему, автор посчитал, что отношение к России на локальном уровне отличалось добрососедством и в то же время ксенофобией в центре (Христиании и Стокгольме).

С одной стороны, устремления финнмаркских властей к разграничению учёный связывал с возросшими хозяйственными интересами норвежских подданных и желанием колонизации южного Варангера, то есть территории общих округов. С другой стороны, устремления к разграничению центральных властей Швеции — Норвегии исследователь связывал с развитием доктрины о русской угрозе. Противоречие побудительных факторов разграничения центра и периферии Швеции — Норвегии, по мнению профессора Э. Ниemi, объясняет противоречивый характер правил, регламентирующих промысловую деятельность приграничного населения Норвегии и России, установленных статьями конвенции 1826 г. [9, с. 69–71].

Изучая консолидацию норвежского государства в пограничном регионе, наблюдаемую во второй половине XIX — начале XX вв., Э. Ниemi пришёл к выводу, что концепция русской угрозы в комплексе с идеологией строительства национального государства подтолкну-

ли к чрезмерной политизации саамских промыслов, которые стали ассоциироваться с частью русских экспансионистских планов. Этот страх, подтверждаемый, как тогда казалось норвежским чиновникам, фактом доминирования в этнокультурном ландшафте норвежского приграничья иммигрантского ненорвежского этнического элемента (финнов, финских и русских саамов), во многом предопределил стремление региональных и центральных властей королевства к реализации со второй половины XIX в. активной политики норвегизации и колонизации Южного Варангера. Такая политика подразумевала широкий комплекс мер, направленных на ассимиляцию саамского населения, изоляцию финского иммигрантского большинства и снижение внешних миграционных потоков [25, Eriksen K.E., Niemi E., с. 28–95]. Дальнейшие попытки властей ограничить поморские и лопарские промыслы в начале XX в. исследователь считал норвежской реакцией на ревизионистские настроения русской общественности, желавшей пересмотреть конвенцию 1826 г. [25, с. 104–105]. Отметим, что, выстраивая свою концепцию, Э. Ниemi ориентировался на документы о спорах с финскими лопарями, но в его монографии «Финская Угроза» политизация промыслов русских лопарей к середине XIX в. аргументирована недостаточно. Это упущение было подмечено А. Андресен, которая, опираясь на норвежские документы, показала, что политизация промыслов русских лопарей в норвежской прессе и процессе администрирования пограничьем наблюдалась значительно позднее политизации вопроса о промыслах финских лопарей [13, с. 70–73]. Она же утверждала, что на практике политизация промыслов русских лопарей существенно отличалась от идентичного процесса в отношении финских лопарей [14, с. 210–211; 13, с. 73–75, с. 83–84].

Одним из элементов норвежской пограничной политики второй половины XIX — начала XX вв. Э. Ниemi считает целенаправленное формирование культурных границ Норвегии путем строительства церковных объектов в приграничной территории. Исследователь полагал, что использование культурно-религиозного пространства в целях обеспечения безопасности и упреждения территориальной экспансии было влиянием России, которая «традиционно» использовала объекты религиозного культа для расширения своих политических пределов [26, с. 153–155].

Исследователи Й.П. Нильсен и Т. Кристиансен продолжили разработку темы русской угрозы в истории российско-норвежского пограничья. Профессор Й.П. Нильсен пришёл к выводу о том, что русская угроза не касалась реальной российской политики в отношении Норвегии. Эта доктрина была лишь ассиметричным восприятием российской политики в норвежской интерпретации, т. е. мифом, системой убеждений и верований, которые нужны Норвегии для ускорения собственной консолидации. В то же время этот миф оказался выгодным Швеции и Великобритании, реализующим свои политические интересы [27, Nielsen, с. 75–94; 15, с. 13–14]. Наибольшее значение для разработки темы истории пограничья имеет предположение учёного о возможной причине долгого отстранения России от пограничного вопроса — отличных представлениях элит обеих стран о собственной территориально-

сти. Существенной характеристикой этих отличий исследователь называет либеральное отношение российской власти к открытым фронтирным зонам, неприемлемое для малого национального государства, которое стремилось к ясным и герметичным рубежам [28, Nielsen J.P., с. 241–246; 15, с. 10–13].

Профессор Т. Кристиансен, изучив материалы докладов профессора Эриксона в 1772 г., губернаторов Фьелдштедта в 1776 г., Соммерфьелда в 1789 г. и журналы военно-морских экспедиций норвежского флота 1816–1818, пришёл к выводу, что русская угроза как система убеждений была распространена не только среди элиты объединённого государства, но и среди населения восточного Финнмарка [8]. Исследователь настаивает, что этот миф считался не просто идеологической конструкцией элит, а порождением опыта ежедневной практики промысловых взаимоотношений между пограничным населением Норвегии и России. Именно рост русской промысловой экспансии второй половины XVIII в., полагает Т. Кристиансен, подтолкнул норвежских чиновников к консолидации на севере [8, с. 29, 36–37]. В отличие от О.А. Йонсена, современный исследователь подчёркивает, что промысловая экспансия поморов являлась стихийным нерегулируемым процессом, не связанным с целенаправленной политикой российских властей [8, с. 44].

Саамы в истории российско-норвежского пограничья

Отдельно необходимо отметить работы, посвящённые локальному пространству пограничья и его коренному населению. Данная тема получила проработку в рамках скандинавской историографии. Главными вопросами, на которых сосредоточилось внимание исследователей, стали правовой статус сийтов скольтов, характер государственной политики в отношении коренного населения, влияние пограничной конвенции и российско-норвежских отношений на саамские трансграничные промыслы.

В отношении правового статуса сийтов историк права С. Тённесен, антрополог В. Таннер, историки А. Андресен и С. Викан сходятся во мнении, что саамские коллективы скольтов считали кровные земли и их ресурсы своей частной собственностью [6; 29; 14; 12]. В этом контексте С. Тённесен и А. Андресен провели сравнение политики Норвегии и России в отношении коллективов. Они пришли к заключению, что Россия признавала монопольное право скольтов на промысловые ресурсы сийтов, в то время как Норвегия стремилась к территориальному расширению без интеграции традиционных прав саамов в правовую систему Норвегии [29, с. 114–122; 14, с. 28–31]. Это, подчёркивала А. Андресен, стало главной отличительной чертой территориальных политик Норвегии и России, которые влияли на делимитационный процесс [14, с. 49–50]. Авторы полагали, что Россия признавала территорию погостов частной собственностью скольтов. Без документального подтверждения Андресен предположила, что это могло исходить из правовой практики России, которая включала в правовое поле государства традиционные нормы народов, входящих в состав империи [14, с. 41]. Подобные размышления выглядят умозрительными. Тем не менее, вывод автора о

значимости территориально-правовой практики России и Норвегии в отношении скольтов для их политической самоидентификации, на наш взгляд, очевиден.

Важнейшим последствием разграничения для коллективов А. Андресен считала постепенную деформацию Нявдемского и Пазрецкого сиййтов [13, с. 44–45, 165–169]. Негативный результат разграничения для скольтов, по мнению автора, стал последствием неудачной попытки Александра I, с одной стороны, балансировать между интересами поморов и коренного населения пограничья, а с другой — поддерживать дружбу с Карлом Йоханом [13, с. 32–33, с. 44]. В то же время она отмечала, что в длительной исторической перспективе саамы не ощущали действия рестриктивных мер конвенции. Изучив промысловые конфликты 50–90-х годов XIX в. и сопоставив их с концепцией Э. Ниemi, исследовательница определила связь с реализуемой политикой безопасности. Страх возможной русской экспансии подталкивал центральные и региональные власти к политике толерантности в отношении промыслов русских лопарей [13, с. 60–87].

В оценках характера административной юрисдикции Норвегии и России над спорным пространством в современной норвежской историографии существует некоторая неясность. Ссылаясь на идентичные документы промысловых споров XVIII в., исследователи А. Андресен и С. Викан приходят к противоположенным выводам. А. Андресен утверждает, что сиййты находились под двойной административной юрисдикцией, в то время как финнмаркский историк-краевед С. Викан полагает, что административная юрисдикция над сиййтами была исключительно у России, а Норвегия лишь пыталась расширить свою судебную юрисдикцию с целью усиления своих территориальных притязаний в регионе [14; 12, с. 39].

Главным недостатком исследований о локальном пространстве стало чрезмерное увлечение анализом деятельности центрально-государственных исторических субъектов процесса территориализации пограничного пространства. Коренное население в работах В. Таннера, А. Андресен, С. Викана выглядит историческим объектом и жертвой государственной политики. Сосредоточившись на анализе социально-экономических эффектов конвенции, учёные оставили за рамками исследований вопросы о влиянии саамов на процесс территориализации пограничного пространства и формирование пространственных образов. Мы полагаем, что ответы на них могли бы качественно улучшить существующие интерпретации территориальных политик, проводимых Норвегией и Россией в пограничном пространстве.

В этом контексте интересна проблемная статья японско-британского историка Марии Ишизуки с акцентом на анализ ролей различных акторов в процессе российско-норвежских и финско-норвежских переговоров 1825–1852 гг. [30, Ishizuka M.]. Исследовательница отметила, что акторы регионального пространства занимали центральное место в конструировании пограничных образов и формулировании практической политики [30, с. 95–96], что расходится с общепринятой в историографии нисходящей моделью отношений центра и региона.

Заключение

Подводя итог обзору зарубежной научной литературы по истории Северного фронта, мы можем отметить, что в норвежской историографии повсеместно нивелируется регионально-государственная дихотомия в восприятии пограничного пространства и коренного населения. Имеющее место экстраполирование классической схемы «центр — периферия» выглядит синтетическим на фоне явного противоречия схемы и фактов, на которые указывал Т. Кристиансен. В контексте реконструкции социально-экономической системы сийтов-скольтов как в скандинавской, так и в российской историографии доминирует источниковая односторонность и пространственная фрагментарность. Обе работы С. Викана и А. Андресен посвящены двум из трёх сийт-спорных территорий. Система их взаимосвязей с Норвегией и Россией проанализирована на основе лишь норвежского пласта источников. Это существенно снижает историческую достоверность производимых авторами реконструкций, а также выносит на повестку современной исторической нордистики вопрос о необходимости создания качественной реконструкции истории Северного фронта с привлечением источников из архивов всех заинтересованных сторон, принимавших участие в процессе формирования политических и социокультурных границ Крайнего Севера Европы (Норвегии, Швеции, Дании, Финляндии и России).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10198 «Политические и этнокультурные границы Российской Арктики: от концептуализации к реконструкции процесса пространственной социализации»).

Литература

1. Paasi A. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contests // *B/ordering Space* / Ed.: H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot: Ashgate, 2005. P. 19–22.
2. Minghi J. Changing Geographies of Scale and Hierarchy in European Borderlands // *Boundaries and Place: European Borderlands in Geographical Context* / Ed.: D.H. Kaplan, J. Häkli. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 36–37.
3. Häkli J. Borders in the Political Geography of Knowledge // *The Dividing Line: Borders and National Peripheries* / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. Helsinki: Renvall Institute Publ., 1997. P. 11–12.
4. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktmæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*. Kristiania: Jacob Debwad Publ., 1922.
5. Zaikov K. The History of the Northern Frontier Delimitation (1822–1826) in the Light of the Russian and European Historiography: the Interpretation and Perceptual Problems // *Bylye Gody*. 2016. № 42(4). P. 1164–1172.
6. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skoltlapparna // *Fennia*, 1929. № 49(4). 518 s.
7. Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII веках. Модель социальной структуры. Альта: Dieđut, 2008.
8. Кристиансен Т. «Русские губят нас; Они лишают нас средств к пропитанию»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 г. // *Русский сборник: Исследования по истории России* / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М. Йованович, М.А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти, Москва. 2010. С. 26–52.

9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Red. S. Imsen. Oslo, 2005. S. 387–415.
10. Nielsen J.P., Zaikov K. Norway's Hard and Soft Borders towards Russia // *Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands* / Ed.: K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster: LIT Verlag, 2012. P. 67–86.
11. Lunde A. Sør-Varangers Historie. Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren. Vadsø: Sør-Varanger kommune, 1979. 887 s.
12. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
13. Andresen A. Sii'daen som forsvant: østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes: Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
14. Andresen A. Russiske østsamers rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk // *Hovedoppgave i Historie*. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 1983.
15. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Borders in General // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–16.
16. Lähteenmäki M. The Peoples of Lapland. Boundary Demarcations and Interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2006.
17. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. P. 162–168.
18. Рогинский В.В. Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией как дипломатическая проблема // *Вестник «Баренц-Центра» МГПУ*. 2008. № 7. С. 25–30.
19. Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения Европейского Севера в контексте политических интересов Российской Империи в XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. 199 с.
20. Касиян А.С. Лапландский вопрос в российско-норвежских отношениях: разграничение 1826 г. и его последствия в начале XX в. // *Международные отношения на Севере Европы и Баренцев регион: история и историография: сборник научных статей* / Отв. ред. Ю.П. Бардилова. Мурманск, 2008. С. 141–149.
21. Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Kring Novembertraktatens Förutsättningar. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1932. 408 s.
22. Бородин М. История Финляндии. Время Императора Николая I. Петроград, 1915. 716 с.
23. Похлёбкин В. Россия первой признала норвежскую независимость // *Международная жизнь*. 1997. № 5. С. 48–61.
24. Ryvarden L., Lauritsen P.R. Norges grense: fra Grisebåen til Barentshavet. Oslo: Cappelen Damm, 2005. 255 s.
25. Eriksen K.E., Niemi E. Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940. Oslo: Universitetsforlaget, 1983. 470 s.
26. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940 // *Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007* / Ed.: R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. P. 153–166.
27. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. «The Russian Danger» Revisited // *Acta Borealia*. 2002. Vol. 19. № 1. P. 75–94.
28. Nielsen J.P. Norwegian Images of Russia and the Russians Before 1917 // *Россия и Запад. Исторический опыт XIX–XX веков* / Под ред. М.А. Липкин. Москва: ИВИ РАН, 2008. С. 241–246.
29. Tønnesen S. Retten til jorden i Finnmark: rettsreglene om den såkaldte «statens umatrikulerte grunn»: en undersøkelse med særlig sikt på samenes rettigheter. Oslo: Universitetsforlaget, 1979. 414 s.
30. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826–1852 // *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Москва: Языки славянской культуры, 2005. P. 95–104.

References

1. Paasi A. Mapping the Backgrounds, Contexts and Contests. *B/ordering Space*. Ed. by H. Van Houtum, O. Kramsch, W. Zierhofer. Aldershot, 2005, pp. 19–22.
2. Minghi J. Changing Geographies of Scale and Hierarchy in European Borderlands. *Boundaries and Place, European Borderlands in Geographical Context*. Ed. by D.H. Kaplan, J. Häkli. Oxford, 2002, pp. 36–37.
3. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge. *The Dividing line: borders and national peripheries*. Ed. by L-F. Landgren, M. Häyrynen. Helsinki, 1997, pp. 11–12.
4. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie, aktnæssing fremstillet. *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. Klasse*. Kristiania, Jacob Debwad Publ., 1922. 357 s.
5. Zaikov K. The history of the Northern frontier delimitation (1822–1826) in the light of the Russian and European historiography: the interpretation and perceptual problems. *Bylye Gody*, 2016, no. 42(4), pp. 1164–1172.
6. Tanner V. *Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. I. Skolt-Lapparna*. Helsingfors, 1929. 518 s.
7. Kuchinskii M.G. *Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVIII vekakh. Model' sotsial'noi struktury* [The Saami of the Kola district in the XVI–XVII centuries. Model of social structure]. Alta, 2008. 294 p. (In Russ.)
8. Kristiansen T. «Russkie gubiat nas; Oni lishayut nas sredstv k propitaniyu...»: Russko-norvezhskie otnosheniya na Krainem Severe do 1820 [“The Russians are ruining us; They deprive us of the means to subsistence ...”: Russian-Norwegian relations before 1820]. *Russkii sbornik* [Russian Anthology]. Ed. by O.R. Airapetov, M. Iovanovich, M.A. Kolerov, B. Menning, P. Cheisti. Moscow, 2010, pp. 26–52. (In Russ.)
9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid. *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Red. S. Imsen. Oslo, 2005, ss. 387–415.
10. Nielsen J.P., Zaikov K. Norway's Hard and Soft Borders towards Russia. *Imagined, Negotiated, Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. Ed. by K. Katajala, M. Lähteenmäki. Münster, 2012, pp. 67–86.
11. Lunde A. *Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren*. Vadsø, Sør-Varanger kommune, 1979. 887 s.
12. Wikan S. *Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene*. Svanvik, 1995. 473 s.
13. Andresen A. *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, Sør-Varanger Museum, 1989. 192 s.
14. Andresen A. Russiske Østsamers Rettigheter i Norge 1826–1925. Myndighetspolitikk og Rettighetsproblematikk. *Hovedoppgave i Historie*. Tromsø, 1983. 150 s.
15. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General. *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 7–16.
16. Lähteenmäki M. *The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889*. Helsinki, 2006. 335 p.
17. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: A Diplomatic Challenge. *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 162–168.
18. Roginskiy V.V. Konventsia 1826 g. o razgranichenii mezhdu Norvegiy i Rossiey kak diplomaticheskaya problema [1826 Convention on Border Delimitation Between Norway and Russia as a Diplomatic issue]. *Vestnik “Barents-tsentra” MGPU*, 2008, no. 7, pp. 25–30.
19. Kristoman B.B. *Istoriya nauchno-promyslovogo osvoeniya Evropeiskogo Severa v kontekste politicheskikh interesov Rossiiskoi Imperii v XIX — nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of scientific and commercial development of the European North in the context of political interests of the Russian Empire in the XIX — early XX centuries: Cand. Sci. (Hist.) diss.]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2003.
20. Kasiyan A.S. Laplandskii vopros v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh: razgranichenie 1826 g. i ego posledstviya v nachale XX v. [The Lapland issue in Russian-Norwegian relations: the demarcation of

- 1826 and its consequences at the beginning of the 20th century]. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy i Barentsev region: istoriya i istoriografiya: sbornik nauchnykh statei* [International relations in the North of Europe and the Barents Region: history and historical literature]. Ed. by Yu.P. Bardileva. Murmansk, 2008, pp. 141–149. (In Russ.)
21. Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England 1833–1855. Krig November traktaens Förutsättningar*. Stockholm, 1932. 408 s.
 22. Borodkin M. *Istoriya Finlyandii. Vremya Imperatora Nikolaya I* [History of Finland. Time of the Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg, 1915. 716 p. (In Russ.)
 23. Pokhlebkina V. Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' [Russia was the first to recognize Norwegian independence]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International affairs], 1997, no. 5, pp. 48–61.
 24. Ryvarden L., Lauritsen P.R. *Norges grense: fra Grisebåen til Barentshavet*. Oslo, Cappelen, 2005. 255 s.
 25. Eriksen K.E., Niemi E. *Den finske fare: Sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940*. Oslo, 1983. 470 s.
 26. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark 1850–1940. *Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nord-norske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007*. Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008, pp. 153–166.
 27. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited. *Acta Borealia*, 2002, no. 1, pp. 75–92.
 28. Nielsen J.P. Norwegian Images of Russia and the Russians. *Rossiia i Zapad. Istoricheskii opyt XIX–XX vekov* [Russia and the West. Historical experience of the XIX–XX centuries]. Ed. by M.A. Lipkin. Moscow, 2008, pp. 241–246.
 29. Tønnesen S. *Retten til jorden i Finnmark: rettsreglene om den såkaldte «statens umatrikkulerte grunn»: en undersøkelse med særlig sikt på samenes rettigheter*. Oslo, Universitetsforlaget, 1979. 414 s.
 30. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826–1852. *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Ed. by T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005, pp. 95–104.

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ: ETHNIC DIVERSITY OF THE RUSSIAN ARCTIC

УДК [316.7:39](470.1/.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76

Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения *

© **ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович**, кандидат педагогических наук, доцент

Тел.: 8 (495) 692-04-86. E-mail: zhvalery@mail.ru

Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. В статье раскрывается положение коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации, обращается внимание на нерешённые вопросы обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов в законодательном порядке определения их национальной принадлежности, области здравоохранения, оленеводства, регулирования процессов промышленного освоения территорий, образования, языка коренных малочисленных народов. Отмечается активность в деятельности Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на существующие недоработки в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики в Российской Арктике, постепенно складывается работающая система, обеспечивающая соблюдение прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, арктические аборигены, традиционный образ жизни, виды традиционной хозяйственной деятельности, российское законодательство, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.*

Rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic: problems and solutions

© **Valeriy P. ZHURAVEL**, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor

Tel.: +7 (495) 692-04-86. E-mail: zhvalery@mail.ru

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article reveals the situation of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Russian Federation; it draws attention to the unresolved issues of the collective rights of the indigenous peoples, legal aspects of their ethnicity, public health, reindeer husbandry, industrial development of the territories, education and language. The author has noted activities of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. In conclusion, the author states that despite the existing shortcomings because of the self-sufficient public-state and ethnic policy, in the Russian Arctic, there is an ongoing system of ensuring rights of indigenous small-numbered peoples, their traditional way of life and economic activities.

Keywords: *indigenous small-numbered people, the Arctic natives, traditional way of life, traditional economics, Russian legislation, Russian Association of the Indigenous Small-numbered Peoples of the North, Siberia and Far East.*

* Для цитирования:

Журавель В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 76–95. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76

For citation:

Zhuravel V.P. Rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic: problems and solutions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 76–95. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.76

Введение

Поводом для написания данной статьи стала недавняя публикация Максима Задорина и Олега Минчука в № 29 журнала «Арктика и Север» за 2017 год [1], где обстоятельно, конструктивно, с позиций юридической науки анализируются самые разные, в том числе острые проблемы малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. К ним относятся этносы, численность которых составляет менее 50 тыс. человек. Их общая численность составляет 247 тыс. человек, они представляют 42 этноса [2, Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А.; 3, Гарипов Ш.; 4, Горбунов С.Н., Задорин М.Ю.]. Непосредственно из 2 млн. 502 тыс. человек, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ)¹, представителей коренных малочисленных народов насчитывается 82,5 тыс. человек². Они проживают в семи субъектах АЗРФ в экстремальных природно-климатических условиях, осознают себя самостоятельными этническими общностями. Для них характерен традиционный, в том числе кочевой, образ жизни и традиционное хозяйствование, которое регулируется полностью или частично их собственными обычаями, традициями, а также специальным законодательством.

Выступая 30 марта 2017 г. в Архангельске на IV Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога», Президент России В.В. Путин заявил: «Наша цель — обеспечить устойчивое развитие Арктики, а это создание современной инфраструктуры, освоение ресурсов, развитие промышленной базы, повышение качества жизни коренных народов Севера, сохранение их самобытной культуры, их традиций, бережное к этому отношение со стороны государства»³.

Российская правовая база прав коренных малочисленных народов

Действующее законодательство, Конституция Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации гарантируют особые права коренных малочисленных народов, поддержку их традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Коренные малочисленные народы не единственные коренные народы России, но их низкая численность и уязвимость традиционного образа жизни с точки зрения урбанистического и промышленного развития территорий требуют особого внимания государства. Поэтому федеральными органами государственной власти, органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными организациями ко-

¹ Лукин Ю.Ф. Арктическая энциклопедия: население Арктики. URL: http://narfu.ru/aan/Encyclopedia_Arctic/Encyclopedia_Population.pdf (дата обращения: 27.02.2017).

² Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А., Степанов В.В. Коренные народы российской Арктики: история, современный статус, перспективы. URL: <http://docplayer.ru/26670607-Korennyye-narody-rossiyskoy-arktiki-istoriya-sovremennyy-status-perspektivy-1.html> (дата обращения: 14.03.2018).

³ Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на пленарном заседании IV Международного арктического форума «Арктика — территория диалога» 30 марта 2017 г. в Архангельске. URL: <https://www.arctic.gov.ru/FilePreview/6bf7cc0d-2c6d-e711-80d2-00155d006312?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23> (дата обращения: 11.01.2018).

ренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации уделяется особое внимание проблемам коренных малочисленных народов, предпринимаются соответствующие меры по улучшению условий их социально-экономического и национально-культурного развития.

Законодательство Российской Федерации направлено на сохранение самобытного традиционного образа жизни, который ведут эти народы, с одной стороны, и обеспечение их устойчивого развития — с другой.

Среди основных векторов реализации государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера выделяют ключевые направления:

- сохранение традиционного образа жизни, поддержка и поощрение разнообразия культурных традиций и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера;
- повышение доступности образовательных услуг для коренных малочисленных народов, в том числе с учётом необходимости использования родного языка в образовательном процессе;
- модернизация системы здравоохранения и медицины в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера;
- содействие повышению занятости коренных малочисленных народов Севера, развитие их традиционной хозяйственной деятельности;
- развитие институтов гражданского общества в среде коренных малочисленных народов Севера, различных форм самоуправления.

В Российской Федерации обеспечение коллективных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первую очередь связано с защитой исконной среды обитания и традиционного образа жизни, основанного на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований.

Правовую основу обеспечения гарантий коренных малочисленных народов по сохранению традиционного образа жизни, помимо Конституции Российской Федерации, составляют следующие федеральные законы: Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»⁴, Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»⁵, Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Рос-

⁴ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732262/> (дата обращения: 12.01.2018).

⁵ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/182356> (дата обращения: 12.01.2018).

сийской Федерации»⁶, а также Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации⁷.

Важно отметить, что существует пласт региональных законов и подзаконных актов, которые на уровне субъекта Российской Федерации позволяют детализировать то, что не разъяснено в федеральных актах.

Из общего массива основных видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов к занятиям лиц, проживающих непосредственно в условиях Арктического региона, относятся:

- животноводство, в том числе кочевое (оленоводство);
- традиционное рыболовство, в том числе морской зверобойный промысел;
- промысловая охота;
- собирательство (заготовка, первичная переработка пищевых лесных ресурсов, сбор лекарственных растений) [5, Журавель В.П., с. 130].

Проблемы в обеспечении прав и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов российской Арктики

Вместе с тем в поддержке проживающих на арктических территориях России представителей коренных народов накопилось немало проблем, которые необходимо решать в ближайшее время. Назрела острая необходимость разработки новых нормативных актов, а также внесения изменений в действующее законодательство в области обеспечения прав коренных народов для ведения традиционного природопользования и привычного образа жизни.

Определение национальной принадлежности коренных малочисленных народов. Этот вопрос в настоящее время является самым острым. По мнению участников заседания президиума Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ, состоявшегося 26 февраля 2014 г., для того «чтобы воспользоваться большинством прав и преференций, гарантированных коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, необходимо документально подтвердить свою национальную принадлежность к ним. При этом действующим законодательством такой порядок не установлен. Это серьёзно препятствует реализации специфических прав, гарантированных коренным малочисленным народам, при традиционном природопользовании, ведении традиционного образа жизни» [6, Иванов Г.В.]. Об этом шла речь и на VIII съезде Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (АКМНСС и ДВ РФ) в Салехарде в марте 2017 г. После изменения паспортной системы и отмены статьи об обязательном указании национальности нет документа, который подтвер-

⁶ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (ред. от 31.12.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901786770/> (дата обращения: 06.07.2017).

⁷ Об утверждении Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 4 февраля 2009 года № 132-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902142304> (дата обращения: 06.07.2017).

ждает статус малочисленных народов в государстве и их специальные права. Уже несколько лет дебатировались вопросы о введении реестра коренных малочисленных народов, критериях, на основании которых граждане могут приобретать статус коренных малочисленных народов. По мнению президента АКМНСС и ДВ РФ, депутата Государственной Думы Г.П. Ледкова, а также его коллег по ассоциации А.В. Пермякова и В.С. Истомина, необходима унификация терминологии, используемой в нормативных правовых актах применительно к регулирующим отношениям с участием коренных малочисленных народов [7].

Вопросы здравоохранения. В области здравоохранения при всех положительных результатах, как показывают результаты многочисленных исследований НИИ арктической медицины Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск), в районах проживания коренных малочисленных народов не хватает врачей и среднего медицинского персонала, сокращается число больничных и амбулаторно-поликлинических учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов, женских и детских консультаций. Значительная часть помещений учреждений медицинского обслуживания требует капитального ремонта, оснащения современным медицинским оборудованием. Для небольших арктических населенных пунктов затруднена транспортная доступность квалифицированной медицинской помощи [8, Горбатова Л.Н., Дегтева Г.Н., Зубов Л.А.], высок уровень материнской смертности, продолжительность жизни народов значительно ниже, чем в среднем по стране. В связи с этим необходимо кардинально менять подходы к медобслуживанию, улучшать подготовку медицинских кадров и условия труда в местах проживания коренных малочисленных народов Севера, кратно увеличить количество оснащённых передвижных врачебных амбулаторий, а также фельдшерско-акушерских пунктов.

Одна из серьёзных социальных проблем «аборигенов» — крайне высокий уровень смертности вследствие алкоголизации, инфекционных и онкозаболеваний и суицидов. Высокий уровень потребления спиртных напитков в северных регионах России значительно усугубляется спецификой структуры и форм потребления: преобладание крепких спиртных напитков, «ударные дозы», низкое качество алкогольной продукции, значительные объёмы фальсификатов, недостаточное питание и т.д. Под влиянием указанных обстоятельств и в силу крайне неблагоприятных социально-экономических условий, особенно характерных для северных регионов, а также биологических особенностей северных этносов, последствия умеренного потребления алкоголя для аборигенных народов оказываются более тяжёлыми, а интенсивность их проявлений — более высокой [9, Мельников А.В.]. По мнению Н.Г. Хайруллиной, приводимые статистические данные не могут быть объективным показателем уровня распространённости пьянства и алкоголизма, поскольку основная часть страдающих этой болезнью не фиксируется никакими службами. Между тем на основании количества официально регистрируемых и находящихся под диспансерным наблюдением алкоголиков и наркоманов можно сделать вывод, что распространение алкоголизма продолжается [10, Хайруллина Н.Г.]. Эта проблема порой в СМИ и общественном мнении преувеличивается или

занижается, исходя из обстановки или партийных предпочтений. Минздрав России и региональные власти пытаются решить эту проблему, снизить её злободневность.

Назревшие проблемы оленеводства. В настоящее время главными проблемами оленеводства являются истощение кормовой базы оленьих пастбищ в тундровой природной зоне; повышение оленепоголовья над допустимой оленеёмкостью пастбищ; интенсивный рост численности домашних оленей, как в частных, так и коллективных хозяйствах; отрицательное влияние промышленного освоения региона на сокращение оленьих пастбищ (изъятие земель около магистральных трубопроводов, несанкционированные промышленные свалки, дороги, земли, попавшие в центр промышленных и инфраструктурных объектов); гибель домашних оленей; передача пастбищ в аренду крупным оленеводческим предприятиям на длительный срок, что в условиях ограниченности кормовых ресурсов приводит к нарушению пастбищеоборота; нехватка пастбищ приводит к бытовым и юридическим спорам между оленеводами.

В этих условиях государству важно максимально понять все проблемы оленеводства, справедливо распределить пригодные олени пастбища между оленеводами частных хозяйств и оленеводческими предприятиями в строгой зависимости от оленеёмкости пастбищ и численности оленеводов, занятых в отрасли, вести контроль по использованию оленьих пастбищ, развивать таёжное оленеводство путём государственной поддержки аборигенного населения, прежде всего в части строительства изгородей. Следует отметить, что ряд субъектов Российской Федерации совершенствуют собственную региональную нормативную правовую базу в отношении прав «аборигенов», в том числе по вопросам оленеводства. Наиболее передовой и целесообразной, с точки зрения устойчивого развития коренного населения, является деятельность, которая проводится органами власти и хозяйствующими субъектами в Ямало-Ненецком автономном округе, Ненецком автономном округе, Республике Саха (Якутия).

Оленеводство представляет сегодня и образ жизни, и форму самоорганизации, и сферу сохранения языков, и область предпринимательства. По представлениям ненцев, олень всегда принадлежит конкретному человеку, но пастбища, без которых его содержание и размножение невозможны, – это область коллективного права.

Трудные вопросы взаимодействия с промышленными предприятиями. Следует отметить, что в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов ведётся активное промышленное освоение территорий, которое вытеснит малочисленные народы со своих исконных земель, ограничивает, а иногда делает невозможным осуществление привычного и традиционного образа жизни [8, Горбатова Л.Н., Дегтева Г.Н., Зубов Л.А.; 11, Коломиец О.П.; 12, Кряжков В.А.; 13, Никитина Е.Е.; 14; 15, Потравный И.М., Мельникова Д.М., Попова И.М.; 16, Сморгчова В.И.]. Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ О.Н. Епифанова в декабре 2017 г. в ходе семинара-совещания Комитета по делам национальностей отметила,

что у коренных малочисленных народов особая миссия. «Именно эти народы, — отметила она, — сегодня являются последним барьером на пути ресурсодобывающих компаний, которые безжалостно эксплуатируют природу. Эти народы — напоминание о связи человека и окружающей среды»⁸. Её позицию поддерживает и учёный А. Зенкина, которая отмечает, что «промышленное освоение земель в большинстве случаев приводит к невозможности их последующего использования как для проживания коренных малочисленных народов, так и для ведения ими традиционного образа жизни» [17, Зенкина А.Б., с. 15]. Все эти вопросы часто являются причиной конфликтов и судебных разбирательств.

В этих условиях федеральным и региональным органам власти и управления, общественным организациям необходимо постоянно проводить мониторинг положения коренных народов Севера в районах промышленного освоения на основании ряда определённых индикаторов и своевременно принимать решения по исправлению ситуации в лучшую сторону.

До начала ведения хозяйственной и иной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации промышленным компаниям в обязательном порядке необходимо проводить оценку прямого или косвенного ущерба исконной среде обитания и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов и осуществлять расчёт возмещения убытков в результате такой деятельности. При этом, по мнению участников «круглого стола» в Государственной Думе, «Законодательное обеспечение прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в области земельных отношений и допуска к возобновляемым природным ресурсам», состоявшегося 28 апреля 2017 г., необходимо применять «Методику исчисления размера убытков, причинённых объединениям коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в результате хозяйственной и иной деятельности организаций всех форм собственности и физических лиц в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», утверждённую Приказом от 09.12.2009 г. № 565 Министерства регионального развития Российской Федерации. Также важно заключать с организациями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и лицами, относящимися к коренным малочисленным народам, договоры о соблюдении условий ведения хозяйственной деятельности и компенсационных выплатах⁹.

Органам власти и управления важно активнее привлекать промышленные корпорации в качестве источника финансовых вложений в социально-экономическое развитие рай-

⁸ Епифанова напомнила об особой миссии коренных малочисленных народов России. URL: <https://www.pnp.ru/politics/epifanova-napomnila-ob-osoboy-missii-korennykh-malochislennykh-narodov-rossii.html> (дата обращения: 16.01.2018).

⁹ См: Тищенко М. Советы местных: добычу ресурсов в России предлагают согласовывать с коренными народами // Сайт телевизионной сети RT, 12 февраля 2017 г. URL: <https://russian.rt.com> (дата обращения: 17.03.2017).

онов традиционного проживания и хозяйственной деятельности северных аборигенов, направляя усилия на возрождение малых поселений и создавая условия для самоорганизации коренных малочисленных народов Севера, способствовать принятию ими планов и программ содействия развитию коренных народов.

Нефтегазовые компании «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.», ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл» в своей деятельности демонстрируют внимание к культуре и традициям коренных народов, их национальными профессиональным праздникам, мотивации молодых людей на получение профессии. Для них характерно своевременное перечисление налогов, решение накопившихся вопросов в социальной сфере, возрождение малых поселений, своевременная реакция на конфликты интересов. В ходе своей деятельности они организуют борьбу с пожарами, загрязнением леса и тундры промышленными отходами, стремятся не допускать разрушения тяжёлой техникой тундровых и таёжных ландшафтов.

В рамках Плана содействия промышленными компаниями выделяются гранты и микрокредиты для закупки техники, транспорта, обустройства пунктов переработки продукции. Выделяемые средства расходуются также на приобретение автономных энергоустановок, информационно-коммуникативных технологий, электроприборов, которые могут применяться для их коммерческой деятельности. Так, в 2017 г. компанией «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани Лтд.» в рамках Плана содействия был поддержан проект по участию мастеров из представителей коренных малочисленных народов в Европейской выставке народных промыслов в Будапеште, на которой большой популярностью пользовались мастер-классы сахалинских мастеров по выделке рыбьей кожи, бересты, традиционным вышивкам.

Одной из основных составляющих дискриминации коренных народов является стереотипное мнение о том, что они представляют собой препятствие на пути развития или что их экономическая деятельность не вносит вклад в экономику стран, где они проживают. Экономические модели коренных народов часто воспринимаются как расточительные с точки зрения ресурсов. Эти предвзятые взгляды зиждутся на системах понятий, которые использовались и продолжают использоваться для оправдания практики изъятия земель и экономической маргинализации.

Назрела необходимость инвентаризации Перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации¹⁰ в соответствии с исконной средой проживания коренных малочисленных народов, в том числе включая межселенные территории.

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 01.03.2017). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902156317> (дата обращения: 17.10.2017).

Мы согласны с доктором исторических наук сотрудником Института этнологии и антропологии Российской академии наук Н.И. Новиковой, которая подчёркивает, что в данном вопросе «государственная политика должна строиться на активном сотрудничестве с коренными народами, контролем над тем, как корпорации выполняют свои социальные и экологические обязательства. Политика промышленных компаний на Севере России в последние годы также постепенно меняется, приходит осознание того, что они не являются первооткрывателями северных и арктических территорий, что их деятельность должна включаться не только в правовое поле в первую очередь экологическое, но и соответствовать моральным нормам» [18, Новикова Н.И., с. 135].

Как показывает анализ, исторически традиционное природопользование являлось комплексным, не требовало специальных разрешений и не подвергалось жёсткому нормированию [19, Минченко Н.В., с. 21]. Действующее же природоресурсное законодательство, хоть и содержит общие положения о традиционном использовании природных ресурсов коренными малочисленными народами, тем не менее требует получения специальных разрешений, лицензирования (в том числе и нормирования), причём в отношении каждого из видов природных ресурсов. Следует поддержать имеющиеся в литературе положения об упрощении порядка лицензирования традиционного природопользования или о полной его отмене [20, Соколова И.Б., с. 46].

Непростые вопросы образования и сохранения языка аборигенов. Несмотря на то, что по данным Всероссийской переписи 2010 г. 98% представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации старше 15 лет охвачены системой общего образования, из них 40% имеют соответствующее средне-профессиональное, а 12% высшее образование. Вместе с тем, на наш взгляд, надо признать, что качество, уровень этого образования при столь высоких количественных показателях, желает быть лучшим.

Проблема образования коренных народов, её положительные и проблемные вопросы, в последнее время находятся в центре изучения ряда исследователей [21, Малышева Е.В., Набок И.Л.; 22, Терехина А.Н.; 23, Егоров В.Н.; 24, Малиновская С.М.; 25, Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н.; 26, Фрумак И.В.], органов исполнительной и законодательной власти. Некоторые учёные (Н. Неустроев и А. Неустроева) необходимость улучшения образования и воспитания коренных малочисленных народов обосновывают тем, что для некоторой части населения характерны «утрата этнокультурного своеобразия, размывание этнического самосознания, породившие маргинальные настроения и разнообразные формы девиантного поведения (от бродяжничества и алкоголизма, нежелания работать до суицида и преступности) [25, Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н.].

Обобщая суждения, оценки и предложения авторов по проблеме образования, следует отметить, что они обращают внимание на необходимость разработки особых образовательных стандартов, специальных программ, учитывающих инклюзивный характер обучения коренных малочисленных народов Арктики [21, Малышева Е.В., Набок И.Л.], изучение и рас-

пространение передового опыта работы и функционирования малокомплектных кочевых и общинных школ-садов, подготовку учителей родного языка, поддержку специалистов образования, работающих в отдалённых местностях [22, Терехина А.Н.; 23, Егоров В.Н.; 26, Фрумак И.В.]. Особо отмечается важность этнокультурного образования коренных малочисленных народов, сохранения и передачи их традиций, культуры и обычаев из поколения в поколение [26, Фрумак И.В.], выработки умений и навыков, необходимых для ведения традиционной хозяйственной деятельности.

Органы власти проводят мероприятия, направленные на внедрение информационных технологий в образовательный процесс, в том числе при дистанционном обучении. Педагогический состав нацеливается на планомерную работу по подготовке учащихся для учёбы в вузе в городских условиях.

По мнению учёных из Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), «одна из центральных проблем образования коренного населения Арктики связана с решением главной дилеммы: *либо* образование ориентировано на традиционные занятия народов и готовит молодёжь к традиционной производственной деятельности (оленоводство, охота, рыбная ловля, различные промыслы); *либо* оно ориентировано прежде всего на получение современных профессий, на адаптацию к современной постиндустриальной цивилизации» [21, Малышева Е.В., Набок И.Л., с. 141].

Главной культурной ценностью для коренных народов, по мнению депутата Госдумы Г.П. Ледкова, являются их традиционные знания, объединяющие широкий спектр представлений о взаимодействии с природой и месте человека в природном и общественном окружении, навыков повседневной жизни. Их прочные связи с природной средой позволяют умело распознавать угрозы, вызванные потеплением климата и другими экологическими изменениями. К сожалению, в практике многих государств, в том числе России, этот вклад остается невидимым. А в общественном мнении коллективная ответственность коренных народов воспринимается часто как проявление их консервативных и иждивенческих настроений, а значение их традиционных знаний не учитывается.

С учётом потребностей ведения традиционного образа жизни более всего коренным народам требуется подготовка учителей родного языка, специалисты в области оленеводства (зоотехники), рыболовства (переработчики рыбной промышленности). Нужны врачи, фельдшеры, квалифицированные специалисты в сфере обеспечения деятельности территорий традиционного природопользования, рабочие, мастера и инженеры в нефтегазовой сфере.

В современных условиях становления аборигенного предпринимательства высвечивается его новый ракурс: оно выступает новой формой социальной организации. Хозяйственная деятельность на предприятиях коренных народов строится на семейных и родственных связях, ориентирована на традиционное природопользование, знания и культуру народов Севера. В обществе их право на самобытное развитие не воспринимается как культурная ценность, как средство обеспечения благосостояния, что ведет к неизбежным много-

численным конфликтам, затрагивающим культурные и экономические права, и является препятствием к обретению ими статуса полноправных граждан страны.

Важно готовить юристов из числа коренных народов для ведения переговоров с представителями добывающих компаний и защиты прав аборигенов в судах. Эта необходимость вызвана тем, что ситуация с защитой традиционного образа жизни отягощается правоприменительной практикой судов. В частности, как свидетельствует анализ выносимых решений, суды нередко отказывают представителям коренных малочисленных народов и их общинам в праве на создание территорий традиционного природопользования федерального значения, ограничивают общины в осуществлении видов предпринимательской деятельности. Суды порой квалифицируют традиционные охоту и рыболовство как браконьерство; исключают возможность осуществления традиционного рыболовства и традиционной охоты уполномоченным лицом в пользу тех, кто их уполномочил — общин или членов семьи, родственников. Они проявляют непоследовательность в трактовке традиционности, когда в одних случаях требуют использования современных орудий лова вместо применения разрешённых законом традиционных методов добычи объектов животного мира, а в других — признают несовместимым с традиционным образом жизни использование технических средств. При рассмотрении дел суды не опираются на нормы международного права о коренных народах, не принимают во внимание их обычаи и традиции [27, Кряжков В.А., с. 52].

Следует отметить, что совершенствование системы образования коренных малочисленных народов решает и проблему их языков. Существует потенциальная угроза исчезновения языков коренных малочисленных народов. Так, в Атлас языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения, включены все языки коренных малочисленных народов Севера — эвенский, эвенкийский, долганский, чукотский, юкагирский (тундренный юкагирский, колымский юкагирский) — официальные языки, а также якутский язык, являющийся государственным языком Республики Саха (Якутия) [28, Борисова У.С., с. 102].

Наиболее успешно вопросы образования, культуры коренных народов решаются исполнительными и законодательными органами Ямало-Ненецкого автономного округа.

Позиция Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

Много внимания уделяется развитию институтов гражданского общества в среде коренных малочисленных народов Севера. В последние годы в субъектах Российской Федерации развивается институт уполномоченных (омбудсменов) по правам коренных народов, активно функционируют консультативные советы при полномочных представителях Президента РФ в Северо-Западном, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Представители объединений коренных народов входят в состав международных организаций, имеют статус постоянных участников и наблюдателей в ряде межправительственных органов.

Важным событием в жизни коренных малочисленных народов стал международный форум «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», который

состоялся в г. Салехард 23–25 марта 2017 г. В рамках Форума был организован VIII съезд Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, на котором единогласно на второй срок президентом был избран Григорий Ледков, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого и седьмого созывов. До избрания в Госдуму работал председателем сельскохозяйственного производственного кооператива «Тазовский» в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Сейчас он возглавляет подкомитет по законодательному обеспечению защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ Комитета Государственной Думы по делам национальностей, входит в состав Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики.

Сегодня АКМНСС и ДВ РФ:

- имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН (ECOSOC), является активным участником сессий Рабочих групп ООН по вопросам коренных народов и проекту Декларации по правам коренных народов, а также сессий Комиссии по правам человека и Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов;
- является Постоянным участником Арктического совета, чьи эксперты занимаются в различных рабочих группах и программах;
- имеет статус наблюдателя в Управляющем Совете Программы ООН по окружающей среде;
- имеет статус наблюдателя при Комитете интеллектуальной собственности и генетических ресурсов, традиционных знаний и культуры Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Ассоциация в последние годы значительно активизировала свою общественную деятельность, повысив авторитет и влияние в рамках деятельности Арктического совета, занимает принципиальную позицию по защите законных интересов и прав коренных малочисленных народов. Г.П. Ледков на совещании представителей органов власти всех уровней, представителей научного и экспертного сообщества в своём выступлении на тему «О представительстве коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в структурах федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и их роли в реализации государственной национальной политики в отношении малочисленных народов» в 2017 г. отмечал, что «в последние годы жизненно важные вопросы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на государственном уровне двигались очень сложно, законодательство о гарантиях прав на федеральном уровне получило тенденцию к ухудшению, новые поправки в законодательство, направленные на изменения сложившейся ситуации не принимались». При этом он отметил, что создание в 2015 г. Федерального агентства по делам национальностей и Государственной комиссии по вопросам развития Арктики несколько улучшило уровень взаимодействия и понимания проблемных

вопросов с государством, но эффективность их деятельности, на его взгляд, не отвечает в полной мере реальному положению дел в этом вопросе.

В экспертном сообществе АКМНСС и ДВ РФ имеется перечень решений, которые надо в ближайшее время принять на федеральном и региональном уровнях. О них на научной конференции «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности» в Институте Европы РАН 22 ноября 2017 г. говорил в своем выступлении советник президента АКМНСС и ДВ РФ В. Истомин.

Наиболее актуальными, на взгляд Координационного совета АКМНСС и ДВ РФ, являются следующие вопросы:

- отсутствие порядка определения национальной принадлежности: необходимо документально подтвердить свою национальную принадлежность к коренным малочисленным народам для получения большинства гарантированных прав, но действующим законодательством такой порядок не установлен;
- проблемы в традиционном рыболовстве в части приоритетного доступа к рыбопромысловым участкам, расширения субъектов традиционной хозяйственной деятельности, видов и объёмов квот;
- проработка правовых механизмов, обеспечивающих создание и функционирование территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов;
- создание действенного механизма учёта мнения коренных народов при принятии решений о промышленном освоении территорий, которые являются территориями традиционного проживания. На сегодняшний день коренные народы в большинстве своём исключены из процессов принятия решений;
- оценка воздействия проектов промышленной деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни малочисленных народов и порядок возмещения убытков, причинённых в результате хозяйственной деятельности промышленных компаний;
- увеличение объёмов финансирования, направленных на поддержку коренных народов, с проработкой механизма системы общественного контроля за поступающими денежными средствами;
- восстановление регулярного статистического наблюдения социально-демографического и экономического положения коренных малочисленных народов. Речь идёт о наблюдении за демографической ситуацией, состоянием здоровья, образовательным уровнем, занятостью, доходами и иными направлениями, характеризующими качество жизни коренных малочисленных народов;
- реализация законного права на получение досрочной пенсии представителями коренных малочисленных народов.

Исследуя проблему коренных малочисленных народов, следует отметить, что для Арктического региона России характерны значительный отток населения [29, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 46; 30, Соколова Ф.Х., с. 154–155; 31, Фаузер В.В., с. 25], высокая степень износа основных фондов, неразвитость инфраструктуры. При этом применительно к вопросу прав коренных малочисленных народов отмечается недостаточно проработанная нормативно-правовая база на региональном уровне [32, Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.].

Коренные малочисленные народы в Ямало-Ненецком автономном округе

Проблемы коренных малочисленных народов в субъектах Арктической зоны РФ решаются по-разному с учётом их численности, установившейся практики и наличия денежных средств. Наиболее успешно эта деятельность, на наш взгляд, организована в Ямало-Ненецком автономном округе. Ямал — древняя и удивительная земля коренных малочисленных народов Севера — хантов, ненцев, селькупов. Численность исторически местного населения за последние 10 лет выросла на 11% и составляет 42 тыс. человек. Это 20% всех коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации. При этом 14 тыс. тундровиков ведут традиционный кочевой образ жизни, выпасая самое большое в мире стадо северных оленей [33, Кобылкин Д.Н.]. Основными видами их деятельности также являются рыболовство, охота, сбор дикоросов и традиционные промыслы. На сохранение традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера и защиту их исконной среды обитания на Ямале ориентированы 14 государственных программ; сформирована региональная законодательная база: действует более 40 законов, более 300 подзаконных нормативных правовых актов по разным направлениям: развитие доступной и эффективной медицины, образование, предоставление жилья, поддержка агропромышленного комплекса и др. [20, Соколова И.Б.].

В 2016 г. приняты законы «Об оленеводстве» и «О рыболовстве», создаётся Стратегия развития коренных малочисленных народов Севера до 2022 г., при главах муниципальных образований созданы советы уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера. Все новые законы, как и ключевые индустриальные проекты, в округе проходят процедуру публичных слушаний с участием представителей тундрового населения.

В автономном округе разработан стандарт минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в автономном округе. В него вошли необходимые для кочевников вещи: чум и комплектующие к нему, печи, брезент, сукно, рыболовные сети, медицинские аптечки и многое другое. Кочующее население ежемесячно получает социальную выплату за счёт бюджета автономного округа. На эти цели ежегодно выделяется более 330 млн рублей. Кроме того, применяются меры поддержки для граждан из числа коренных малочисленных народов Севера, относящихся к льготным категориям; действует программа по обеспечению жителей тундры средствами связи: за счёт бюджета автономного округа приобретаются спутниковые телефоны и пакеты услуг связи. Только за последние четыре года закуплено около 730 таких комплектов на общую сумму свыше 94 млн рублей.

На Ямале сохраняется государственная поддержка оленеводства как одного из важнейших условий благополучия коренных жителей. Организациям агропромышленного комплекса, задействованным в сфере оленеводства, включая общины коренных малочисленных народов Севера, предоставляются меры государственной поддержки в виде субсидий и грантов. Ежегодно на эти цели выделяется свыше 1,5 млрд рублей. Представители округа в

2017 г. приняли участие в VI конгрессе оленеводов в г. Йоккмокк (Швеция), в рамках которого заместитель Председателя Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа С.Н. Харючи был избран президентом Ассоциации «Оленеводы мира».

Особое внимание на Ямале уделяется вопросам сохранения культуры коренных малочисленных народов Севера. На национальных языках северных народов издаются словари и учебники, проводятся межрегиональные олимпиады по краеведению и родным языкам среди школьников и студентов. В целях реализации прав коренных малочисленных народов Севера на сохранение культурной самобытности в автономном округе приняты программы развития школ-интернатов на 2013–2020 гг. с максимальным учётом социокультурных особенностей раскрытия талантов и способностей детей, проживающих с родителями в тундре. Итогом реализации программ станет преобразование школ-интернатов в своеобразные центры этнокультурного образования, охватывающие все территории традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера.

В автономном округе успешно реализуется региональный проект «Кочевая школа», направленный на повышение доступности и качества образования детей из числа коренных малочисленных народов Севера. Ежегодно примерно для 180 молодых людей выделяются средства на оплату первого высшего образования по заочной форме в высших учебных заведениях страны. Округ обеспечивает оплату дополнительных социальных стипендий студентам из малообеспеченных семей коренных малочисленных народов Севера и возмещает расходы по проживанию. Эту помощь получают около 40–60 человек ежегодно.

Руководство Ямало-Ненецкого автономного округа в своей деятельности стремится сохранить самобытную культуру коренных народов Севера и их многовековые традиции для следующих поколений ямальцев.

Заключение

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к настоящему времени сумели сохранить свою уникальную самобытность, культуру, язык, ремесла и промыслы, приверженность к традиционному образу жизни. Традиционный уклад жизни практически не изменился за века.

К сожалению, далеко не все смогли сохранить свой традиционный образ жизни, равно как и свою идентичность. Например, такие коренные малочисленные народы как «кереки» и «юги» являются на 2018 г. фактически вымершими этническими группами, хотя первые до сих пор числятся в официальном правительственном перечне как существующая этническая общность.

Следует отметить, что в условиях активной промышленной деятельности исконная среда обитания коренных малочисленных народов подвергается негативным воздействиям, что в ряде случаев ведёт к полной утрате территорий и акваторий, на которых осуществляются традиционные виды хозяйственной деятельности. Изымаются значительные площади

оленьих пастбищ и охотничьих угодий, часть используемых прежде промысловых рек и водоёмов теряет своё рыбохозяйственное значение.

Оптимистический сценарий развития коренных малочисленных народов наблюдается лишь в таких субъектах, как Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия) и Ханты-Мансийский автономный округ. Успех достигается ассигнованиями за счёт добычи энергоресурсов крупными компаниями в этих регионах.

Несмотря на существующие недоработки, в Российской Арктике в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики постепенно складывается работающая система, обеспечивающая соблюдение прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности. Необходимо указать, что *законодательное обеспечение само по себе никак не решит проблем аборигенов без принятия соответствующих программ развития, подкреплённых реальным финансированием.*

В связи с этим важно изучать опыт решения подобных проблем в странах Арктического совета, в деятельности которого статус «постоянного участника»¹¹ наряду с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации предоставлен ещё пяти организациям коренных народов: Циркумполярной конференции инуитов, Международной ассоциации алеутов, Совету саамов, Арктическому совету атабасков и Международному совету гвичинов. Кроме этого, существуют Международная рабочая группа по делам коренных народов, Арктический циркумполярный маршрут, Всемирная ассоциация пастухов северного оленя. К примеру, Международная рабочая группа по делам коренных народов стимулирует усилия по привлечению представителей коренных северных народов к демократическому участию в работе ответственных органов арктических государств. Эти организации, представляющие тысячи людей, принадлежащих к коренным народам Арктики, занимаются вопросами прав человека, защиты окружающей среды, сохранения традиционного образа жизни, социального и экономического развития и образования, исходя из особенностей государств, где они живут. Арктический совет в рамках деятельности рабочих групп реализует План действий по укреплению общности коренного населения. Данный опыт нашел своё отражение в недавно изданной в Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова книге «Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы» [34], которая получила высокую оценку экспертов и практических работников.

Важно совершенствовать правоприменительную практику в области обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов, обеспечивать им возможности для традиционного природопользования и ведения привычного образа жизни, учитывать их интересы при принятии управленческих решений по освоению арктических территорий, а так-

¹¹ Данный статус даёт право на участие в обсуждении всех вопросов в Арктическом совете, но не предоставляет «право голоса».

же разрабатывать и вводить в действие механизмы компенсации нанесённого ущерба, развивать международное сотрудничество, которое, к сожалению, в последнее время резко ограничено.

Важно наращивать совместные усилия всех ветвей органов исполнительной власти, законодателей для решения вопросов, которые являются **необходимым минимумом для устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации**. Они относятся к особым этническим группам, чьи права и законные интересы подлежат особой защите со стороны государства.

Литература

1. Задорин М.Ю., Минчук О.В. Этнополитика России в Арктической зоне: интеграция, региональная мультикультуральность, традиция // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 4–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.4
2. Тишков В.А., Новикова Н.И., Пивнева Е.А. Коренные народы российской Арктики // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 5-6. С. 491–500. DOI: 10.7868/S0869587315060328
3. Гарипов Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве // Международное право и международные организации. 2013. № 3. С. 408–420. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362
4. Горбунов С.Н., Задорин М.Ю. Коренные народы и устойчивое развитие: моногр. Архангельск: САФУ, 2014. 357 с.
5. Журавель В.П. Проблемы обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю.В. Попков, И.С. Тарбастаева; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Манускрипт, 2017. С. 128–136.
6. Иванов Г.В. Проблемы малочисленных народов Севера и пути их решения // Арктические ведомости. 2014. № 1. С. 126–136.
7. Ледков Г.П., Пермьяков А.В., Истомин В.С. Сборник нормативно-правовых актов, регулирующих отношения с участием коренных малочисленных народов. М., 2017. 237 с.
8. Горбатова Л.Н., Дегтева Г.Н., Зубов Л.А. Арктическая медицина: проблемы и перспективы // Арктические ведомости. 2015. № 3. С. 74–79.
9. Мельников А.В. Медико-демографические вопросы коренного населения западных территорий ХМАО-Югры // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / Отв. ред. А.И. Кузьмин. Т. 2. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 429–433.
10. Хайруллина Н.Г. Проблема алкоголизма в среде коренных малочисленных народов севера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=19337>.
11. Коломиец О.П. Взаимоотношения коренных народов Чукотки и добывающих компаний на современном этапе // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 24–33. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.4.24
12. Кряжков В.А. Правовое регулирование отношений между коренными малочисленными народами Севера и недропользователями в Российской Федерации // Государство и право. 2014. № 7. С. 27–39.
13. Никитина Е.Е. Защита прав коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения Арктики // Аграрное и земельное право. 2015. № 4. С. 48–51.
14. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение: моногр. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2016. 271 с.

15. Потравный И.М., Мельникова Д.М., Попова И.М. Исследование природной и этнологической составляющей при обосновании проектов промышленного освоения территорий традиционного природопользования // Горизонты экономики. 2016. Т. 2. № 6 (33). С. 25–30.
16. Сморгочкова В.И. Практика взаимодействия коренного населения и промышленных компаний в Арктике // Государственная служба. 2015. № 4. С. 63–67.
17. Зенкина А.Б. Промышленное освоение земель коренных малочисленных народов в Российской Федерации: гарантии конституционных прав // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 35–39.
18. Новикова Н.И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 124–137.
19. Минченко Н.В. Правовое регулирование традиционного природопользования коренных малочисленных народов в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.
20. Соколова И.Б. Реализация региональной политики по защите прав и интересов коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Аналитический вестник. 2017. № 30 (686). С. 11–15.
21. Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и их перспективы развития // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 139–144.
22. Терехина А.Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 137–153.
23. Егоров В.Н. Социально-педагогические особенности организации учебно-воспитательного процесса в школах коренных народов Крайнего Севера // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. Т. 10. № 3. С. 103–106.
24. Малиновская С.М. Состояние и перспективы развития образования коренных малочисленных народов Томского Севера // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 2. С. 104–111.
25. Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Образование на Севере как фактор развития коренных малочисленных народов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 253–254.
26. Фрумак И.В. Тенденции государственного управления в сфере образования коренных малочисленных народов Дальнего Востока: историографический аспект. Петропавловск-Камчатский: Камч. гос. техн. ун-т, 2012. 149 с.
27. Кряжков В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44–55.
28. Борисова У.С. Штрихи к портрету жителя арктической зоны Якутии // Арктика и Север. 2014. № 14. С. 98–107.
29. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в российской Арктике: состояние и перспективы // Аналитический вестник. 2016. № 5. С. 46–51.
30. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.151
31. Фаузер В.В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 19–47.
32. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. № 1(7). P. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
33. Кобылкин Д.Н. Ямал сегодня — сила и мощь Российской Арктики // Аналитический вестник. 2017. № 30(686). С. 4–6.
34. Верещагин И.Ф., Зайков К.С., Тамицкий А.М., Трошина Т.И., Соколова Ф.Х., Харлампьева Н.К. и др. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: моногр. / Под общ. ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.

References

1. Zadorin M.Yu., Minchuk O.V. Etnopolitika Rossii v Arkticheskoi zone: integratsiya, regional'naya mul'tikul'tural'nost', traditsiya [The ethnopolitics of Russia in the Arctic zone: integration, regional multiculturalism, and tradition]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 29, pp. 4–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.4

2. Tishkov V.A., Novikova N.I., Pivneva E.A. Korennye narody rossiiskoi Arktiki [Indigenous peoples of the Russian Arctic]. *Vestnik RAN*, 2015, vol. 85, no. 5-6, pp. 491–500. DOI: 10.7868/S0869587315060328
3. Garipov Sh. Ponyatie «korennoi narod» i ikh status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [The term “indigenous people” and status of indigenous people in international and domestic law]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii* [International law and international organizations], 2013, no. 3, pp. 408–420. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362
4. Gorbunov S.N., Zadorin M.Yu. *Korennye narody i ustoichivoe razvitie: monografiya* [Indigenous peoples and sustainable development]. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2014, 357 p. (In Russ.)
5. Zhuravel V.P. Problemy obespecheniya kollektivnykh prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Problems of ensuring the collective rights of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. *Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: problemy teorii i praktiki: sb. nauch. trudov*. [Group rights of ethnic communities: problems of theory and practice]. Ed. by Yu.V. Popkov, I.S. Tarbastaeva; IFPR SO RAN. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2017, pp. 128–136. (In Russ.)
6. Ivanov G.V. Problemy malochislennykh narodov Severa i puti ikh reshenii [Problems of small peoples of the Far North and ways of their solution]. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2014, no. 1, pp. 132–133.
7. Ledkov G.P., Permyakov A.V., Istomin V.S. *Sbornik normativno-pravovykh aktov, reguliruyushchikh otnosheniya s uchastiem korennykh malochislennykh narodov* [Collection of normative and legal acts regulating relations with participation of indigenous small peoples]. Moscow, 2017, 237 p. (In Russ.)
8. Gorbatova L.N., Degteva G.N., Zubov L.A. Arkticheskaya meditsina: problemy i perspektivy [Arctic medicine: challenges and prospects]. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2015, no. 3, pp. 74–79.
9. Melnikov A.V. Mediko-demograficheskie voprosy korennoho naseleniya zapadnykh territorii KhMAO-Yugry [Medico-demographic questions of the indigenous population of the western territories of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra]. *Demograficheskii potentsial stran EAES: sb. st. VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma* [Demographic potential of the EEU countries: proc. 8th Ural Demographic Forum]. Vol. 2. Ed. by A.I. Kuzmin. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, 2017, pp. 429–433. (In Russ.)
10. Khairullina N.G. Problema alkogolizma v srede korennykh malochislennykh narodov severa [The problem of alcoholism among indigenous peoples of the North]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1. Available at: <https://science-education.ru/pdf/2015/1/507.pdf>
11. Kolomiets O.P. Vzaimootnosheniya korennykh narodov Chukotki i dobyvayushchikh kompanii na sovremennom etape [Current relationships between the indigenous peoples of the Chukchi peninsula and extractive companies]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 4, pp. 24–33. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.4.24
12. Kryazhkov V.A. Pravovoe regulirovanie otnoshenii mezhdru korennymi malochislennymi narodami Severa i nedropol'zovateli v Rossiiskoi Federatsii [Legal regulation of relations between indigenous minorities of the North and subsoil users in the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2014, no. 7, pp. 27–39.
13. Nikitina E.E. Zashchita prav korennykh malochislennykh narodov v usloviyakh promyshlennogo osvoeniya Arktiki [Protection of the rights of indigenous native minorities under conditions of industrialization of the Arctic region]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo* [Agrarian and land law], 2015, no. 4, pp. 48–51.
14. Tishkov V.A., Kolomiets O.P., Martynova E.P., Novikova N.I., Pivneva E.A., Terekhina A.N. *Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie: monografiya* [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Moscow, Institute for Ethnology and Anthropology of the RAS Publ., 2016, 271 p. (In Russ.)
15. Potravnyi I.M., Mel'nikova D.M., Popova I.M. Issledovanie prirodnoi i etnologicheskoi sostavlyayushchei pri obosnovanii proektov promyshlennogo osvoeniya territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya [A study of natural and ethnological component in the justification of projects of

- industrial development of territories of traditional nature use]. *Gorizonty ekonomiki*, 2016, vol. 2, no. 6(33), pp. 25–30.
16. Smorchkova V.I. Praktika vzaimodeistviya korennykh naseleniya i promyshlennykh kompanii v Arktike (na primere Yamal'skogo raiona Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [Practice of interaction between indigenous peoples and industrial companies in the Arctic (on the example Yamal district of the the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public administration], 2015, no. 4, pp. 63–67.
 17. Zenkina A.B. Promyshlennoe osvoenie zemel' korennykh malochislennykh narodov v Rossiiskoi Federatsii: garantii konstitutsionnykh prav [Industrial development of small native peoples' lands in the Russian Federation: guarantees of constitutional rights]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2016, no. 4, pp. 35–39.
 18. Novikova N.I. Neft', gaz, korennye narody: kto napishet pravila? [Oil, gas, and indigenous peoples: who will write rules?]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2016, no. 3, pp. 124–137.
 19. Minchenko N.V. *Pravovoe regulirovanie traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov v RF*: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of traditional nature management of indigenous small peoples in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Diss. Abs.]. Moscow, 2007, 30 p.
 20. Sokolova I.B. Realizatsiya regional'noi politiki po zashchite prav i interesov korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Analiticheskoe upravlenie apparata Soveta Federatsii [Realization of a regional policy for the protection of the rights and interests of indigenous minorities of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous District. Current state and prospects of social and economic development of the Yamal-Nenets Autonomous District. Analytical Department of the Council of Federation staff]. *Analiticheskii vestnik*, 2017, no. 30(686), pp. 11–15.
 21. Malysheva E.V., Nabok I.L. Obrazovanie korennykh malochislennykh narodov Arktiki: problemy i ikh perspektivy razvitiya [Education of indigenous minorities of the Arctic: problems and their prospects for development]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2015, no. 1, pp. 139–144.
 22. Teryokhina A.N. Kochevye shkoly: ogranicheniia ili vozmozhnosti? [Nomadic schools: limitations or opportunities?]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 2017, no. 2, pp. 137–153.
 23. Egorov V.N. Sotsial'no-pedagogicheskie osobennosti organizatsii uchebno-vospitatel'nogo protsessa v shkolakh korennykh narodov Krainego Severa [Social-pedagogical peculiarities of educational process organization at schools of indigenous peoples of the North]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* [Vestnik of North-Eastern Federal University], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 103–106.
 24. Malinovskaya S.M. Sostoyanie i perspektivy razvitiya obrazovaniya korennykh malochislennykh narodov Tomskogo Severa [The state and prospects of the development of the education of the indigenous small-numbered peoples of the Tomsk North]. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2014, no. 2, pp. 104–111.
 25. Neustroyev N.D., Neustroyeva A.N. Obrazovanie na Severe kak faktor razvitiya korennykh malochislennykh narodov [Education in the North as a factor in the development of the small-numbered indigenous peoples]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no. 5.
 26. Frumak I.V. *Tendentsii gosudarstvennogo upravleniya v sfere obrazovaniya korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka: istoriograficheskii aspekt* [Trends in public administration in the sphere of education of the indigenous peoples of the Far East: the historiographical aspect]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatskiy State Technical University Publ., 2012, 149 p. (In Russ.)
 27. Kryazhkov V.A. Traditsionnyi obraz zhizni korennykh malochislennykh narodov v konstitutsionno-pravovom izmerenii [The traditional way of life of indigenous peoples in the constitutional-legal dimension]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, no. 12, pp. 44–55.
 28. Borisova U.S. Shtrikhi k portretu zhitelya arkticheskoi zony Yakutii [Strokes to the portrait of a resident of the Arctic zone of Yakutia]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2014, no. 14, pp. 98–107.

29. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Mezhnatsional'nye otnosheniya v rossiiskoi Arktike: sostoyanie i perspektivy [Interethnic relations in the Russian Arctic: state and prospects]. *Analiticheskii vestnik*, 2016, no. 5, pp. 46–51.
30. Sokolova F.Kh. Etnodemograficheskie protsessy v Rossiiskoi Arktike [Ethnic and demographic processes in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 151–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2015.21.151
31. Fauzer V.V. Demograficheskii potentsial severnykh regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo osvoeniya Arktiki [The demographic potential of Russia's northern regions as a factor of the economic development of the Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 10, pp. 19–47.
32. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*, 2017, no. 1(7), pp. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
33. Kobylkin D.N. Yamal segodnya — sila i moshch' Rossiiskoi Arktiki. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Yamal today is the strength and power of the Russian Arctic. Current state and prospects of social and economic development of the Yamal-Nenets Autonomous District]. *Analiticheskii vestnik*, 2017, no. 30(686), pp. 4–6.
34. Vereshchagin I.F., Zaikov K.S., Tamitskii A.M., Troshina T.I., Sokolova F.Kh., Kharlampieva N.K. et al. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy: monografiya* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Ed. by N.K. Kharlampieva. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2017, 325 p. (In Russ.)

УДК [323.1:316.4](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики *

© **МАКСИМОВ Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия

© **ВЕРЕЩАГИН Илья Фёдорович**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: zapgu@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ЗАДОРИН Максим Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются методические аспекты эмпирического изучения этнополитических и этносоциальных процессов в регионах современной России. Продемонстрировано, что инструментарий количественных социологических исследований межнациональных и межконфессиональных отношений следует адаптировать для отдельных крупных культурно-исторических групп регионов. Так, например, в случае с Российской Арктикой важным субъектом этнонациональной политики являются коренные малочисленные народы, в связи с чем требуется введение дополнительных индикаторов, отражающих их культурное развитие и участие в этнополитических отношениях. Инструментарий эмпирических кроссрегиональных исследований обычно предполагает измерение отдельных переменных. В статье представлена более комплексная и системная методика, основанная на идее построения интегральных индексов, агрегирующих значения множества взаимосвязанных индикаторов. В целях анализа динамики этнических компонентов социальной системы региона предложен набор категорий, посредством которых возможно описание конфигурации основных этнических акторов и характеристика состояния политических и культурных институтов. Данные категории были операционализированы для политической, социетальной и социокультурной подсистем региона, результатом чего стала система индикаторов мониторинга этнополитических и этносоциальных процессов. В статье продемонстрирован пример процедуры построения интегрального индекса качества национальной политики (nationalities policy index) на основе совокупности индикаторов, введённых авторами для измерения этнополитических процессов в регионе. В заключение работы поставлены проблемы унификации процедур измерения данных, полученных посредством разных методов из качественно различающихся источников.

Ключевые слова: этнополитические процессы, этносоциальные процессы, интегральные индексы в социологии, этнокультурное разнообразие, межэтническая консолидация, национальная политика, Арктическая зона РФ.

* Для цитирования:

Максимов А.М., Верещагин И.Ф., Задорин М.Ю. Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 97–119. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

For citation:

Maksimov A.M., Vereschagin I.F., Zadorin M.Yu. Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 97–119. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.97

Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic

© Anton M. MAKSIMOV, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

© Ilya F. VERESCHAGIN, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: zapgu@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Maksim Yu. ZADORIN, Cand. Sci. (Law), Associate Professor

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article considers the methodic aspects of empirical ethnopolitical and ethno-social research in the regions of the modern Russia. It is demonstrated that the tools for quantitative sociological research of interethnic and interdenominational relations should be adapted for large-scale cultural-historical groups of the regions. E.g., in the case of the Russian Arctic, the indigenous small-numbered peoples are an important subject of the ethnic policy, which requires the use of additional indicators that represent their cultural development and participation in ethnopolitical relations. The toolkit of empirical cross-regional studies usually includes the measurement of individual variables. The article proposes a more complex and systematic methodology based on the idea of constructing integral indices, aggregating the values of a set of related indicators. To analyze the dynamics of the ethnic components of the region's social system, a set of categories is proposed, through which it is possible to describe the configuration of the main ethnic actors and the state of political and cultural institutions. The categories were operationalized for the political, societal and socio-cultural subsystems of the region, resulting in a system of indicators for monitoring ethnopolitical and ethno-social processes. The article shows an example of the procedure for constructing an integral index of the ethnic policy' quality (nationalities policy index) based on indicators proposed by the authors for measuring ethnopolitical processes in the region. In the end of the paper, the major issues for the measuring the data unification got with the use of different methods from qualitatively different sources is set.

Keywords: *ethnopolitical processes, ethno-social processes, integral indices in sociology, ethnocultural diversity, interethnic consolidation, ethnic policy, the Russian Arctic.*

Введение

Вопросы этнополитического регулирования традиционно являются одними из самых сложных в любом современном государстве, которое по определению является полиэтническим, а значит, и поликультурным. В рамках политических и научных доктрин, комплексных исследований [1, Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A.; 2, Зайков К.С., Задорин М.Ю., Тамицкий А.М.; 3, Карелин В.А., Зайков К.С.; 4, Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.; 5, Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.; 6, Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.] делаются попытки по выработке «моделей», позволяющих «автоматизировать» процесс принятия управленческих решений для поддержания баланса системы. Вне всякого сомнения, одним из важнейших инструментов в этом спектре этносоциальных процессов выступает мониторинг.

К настоящему времени эмпирические исследования социально-политических процессов в российских регионах стали стандартным инструментом научного обеспечения деятельности органов власти по управлению общественными настроениями и социальными отношениями, а также прогнозирования и предупреждения рисков конфликтного

взаимодействия. При этом география исследований отечественных социологов простирается от Северного Кавказа до Поволжья и Сибири, а тематика — от собственно оценки межнациональных отношений до более широкого круга вопросов, связанных с динамикой социальной напряжённости [7, Аствацатурова М.А.; 8, Богатова О.А., Карьгин А.И.; 9, Поддубиков В.В.; 10, Степанов Е.И., Аксентьев В.А., Головин Ю.А., Куконков П.И.].

Применительно к сфере этнополитических и этносоциальных процессов (включая компоненты, отражающие содержание государственной политики) экспертами Федерального агентства по делам национальностей специально разработан методический инструментальный мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений, состоящий из трёх модулей [11, Хайкин С.Р., Бережкова С.Б., с. 98]:

- массовые репрезентативные опросы во всех субъектах Российской Федерации на основе единой системы индикаторов;
- монографические исследования в «регионах риска»;
- панельные опросы экспертов.

Такого рода единая общероссийская система мониторинга, безусловно, стала важным шагом в деле координации экспертных усилий по кроссрегиональному сравнению динамики процессов межэтнического взаимодействия. Вместе с тем, как отмечают специалисты, используемая совокупность индикаторов нуждается в дополнении, в том числе с учётом контекстуальных параметров, отражающих специфику различных регионов [12, Дробизева Л.М.]. Данное замечание соответствует реалиям, в которых развивается российский социум, а именно значительной географической, демографической, социально-экономической и этнокультурной неоднородности страны при более или менее выраженных тенденциях к унификации системы государственного управления и регионального законодательства.

Таким образом, представляется, что единая общероссийская система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений нуждается в дополнительных методических разработках, позволяющих учесть специфику отдельных групп регионов России как своеобразной культурно-исторической целостности. К числу таких групп регионов принадлежат и субъекты РФ, составляющие вместе российскую Арктику. Задача настоящей статьи — предложить ряд методических решений и разработок для повышения аналитического потенциала эмпирических исследований в сфере межнациональных отношений.

Теоретические основания дескриптивного моделирования этнополитических и этносоциальных процессов на территориях Арктической зоны РФ

К настоящему времени имеется достаточное количество как региональных, так и обобщающих исследований социальных процессов на территориях Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ), в рамках которых было зафиксировано состояние межэтнических отношений, включая такие их составляющие, как уровни межэтнической

напряженности и взаимной толерантности этнического большинства и меньшинств, старожильского населения и иммигрантов [13, Змеева О.В., Разумова И.А.; 14, Змеева О.В.; 15, Маклашова Е.Г., Осипова О.В.; 16, Максимов А.М., Тамицкий А.М.; 17, Опарин Д.А.; 18, Тишков В.А.; 19, Новикова Н.И.; 20, Харлампыева Н.К.].

В части, где эти исследования затрагивают этносоциальную и тесно связанную с ней этнополитическую проблематику, можно обнаружить как качественное описание ситуации, так и количественные измерения общественных настроений и оценок. Однако в последнем случае все эти работы роднит использование в основном лишь отдельных индикаторов. Именно поэтому представляется необходимым обращение к построению интегральных индексов, которые бы агрегировали значения комплекса связанных переменных и таким образом в более обобщённой форме выражали бы состояние тех или иных сторон жизни регионального сообщества. Использование интегральных индексов более удобно с точки зрения дальнейших аналитических процедур в ходе эмпирического исследования, а также концептуального осмысления его результатов. Единство же принципов построения интегральных индексов для группы регионов, принадлежащих к одной культурно-исторической целостности, даёт надёжный инструментарий для кроссрегиональных сравнений.

Описанию процедур разработки системы индикаторов и расчёта на их основе агрегированных показателей с необходимостью должно предшествовать теоретическое рассуждение о том, что стоит за понятиями этнополитических и этносоциальных процессов и отношений, формируемых ходом этих процессов. Авторы исходят из представлений о том, что указанные процессы следует интерпретировать как функции от динамики структурных сдвигов в социальной системе региона. Последняя дифференцирована на функционально взаимозависимые подсистемы, выделяемые на основе классических моделей структурного функционализма Т. Парсонса: социетальной — воспроизводства образца («социокультурная подсистема», примеч. авторов), экономической и политической [21, Парсонс Т., с. 23–32]. Типологически единые совокупности элементов этих подсистем, наиболее значимые для их воспроизводства и функционирования, выделены на основе разработок неинституционального подхода [22, Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б., с. 56–63]. В их числе особого внимания заслуживают три типа таких элементов: ресурсы, акторы и институты.

На рис. 1 в общем виде отражена дескриптивная модель, отражающая общую структуру и связи между элементами / подсистемами социальной системы региона. Социетальная подсистема — это совокупность устойчивых ассоциаций между индивидами (социальные группы) и структуру отношений между ними. *Социокультурная подсистема* представлена общезначимыми ценностями и нормативными паттернами поведения, а также обеспечивающими их воспроизводство культурными институтами. *Политическая подсистема* состоит из институтов, обеспечивающих целеполагание и целедостижение для социальной системы в целом, а также её адаптацию к меняющимся условиям среды.

Наконец, *экономическая подсистема* включает в себя институализированные практики по производству и распределению благ — товаров и услуг, а также механизмы контроля (регуляции) этих практик [23, Парсонс Т., с. 45–54].

Под «*ресурсами*» понимаются различные по форме и происхождению (и при этом, как правило, взаимно конвертируемые) виды капитала, то есть средства, величина которых определяет шансы на выигрыш в конкурентной борьбе за власть (в широком смысле слова) в той или иной сфере человеческих взаимоотношений [24, Бурдые П., с. 15–17].

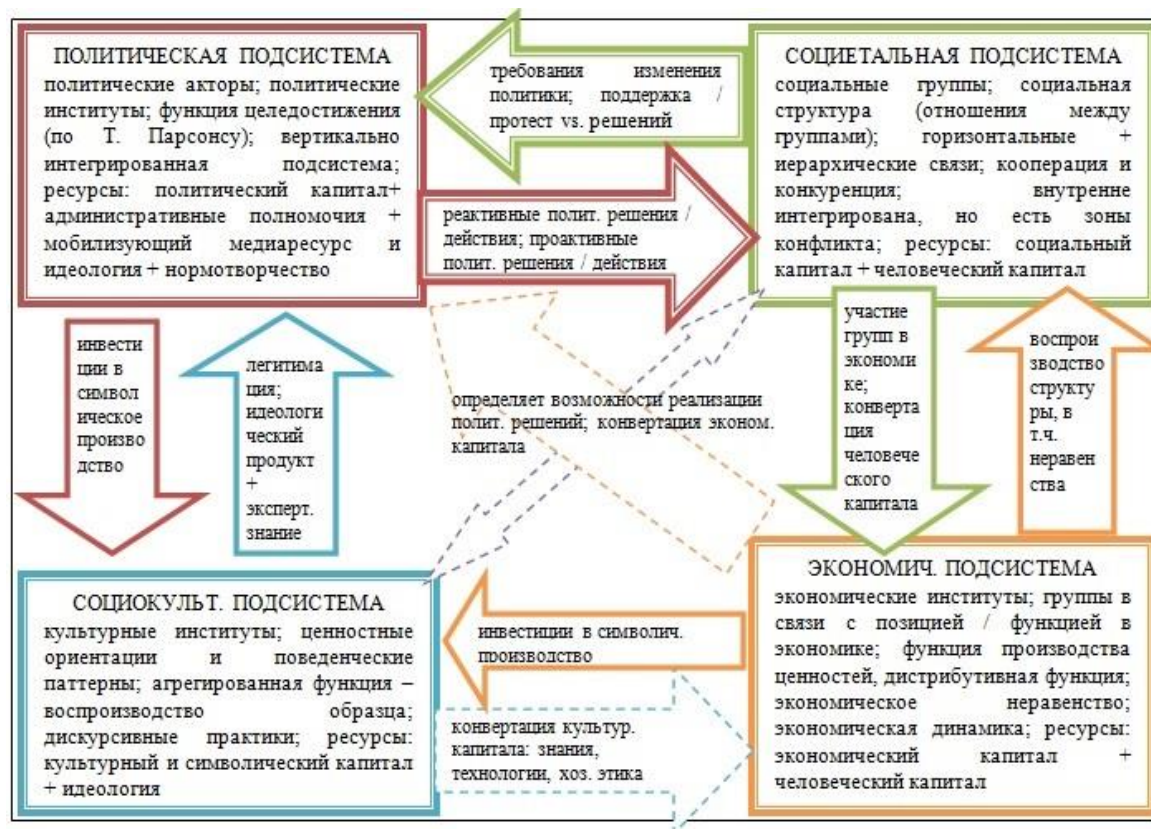

Рис. 1. Блок-схема дескриптивной модели социальной системы региона

«*Институты*» рассматриваются в данном случае в общепринятом значении указанного термина как стандартизированные процедуры социальных интеракций, обеспечивающие стабильный и предсказуемый характер воспроизводства процессов распределения различных видов капитала (ресурсов).

Под «*акторами*» подразумеваются индивиды, социальные группы или организации, способные мобилизовать ресурсы на решение задач по достижению или удержанию доминантных позиций в том или ином поле специфических социальных отношений (экономических, культурного производства, политических в узком смысле слова). Иными словами, акторы осуществляют целенаправленную деятельность, в процессе которой достигают преимуществ контроля (власти) в какой-либо подсистеме за счёт конвертации одного вида капитала в другой (например, обмен экономических ресурсов, культурного или символического капитала на политическое влияние).

При всей важности анализа экономической подсистемы региона в контексте роста / снижения межэтнической напряжённости в полиэтнической среде [25, Уолцер М., с. 71–74, 132; 26, Мукомель В.И., с. 40], с нашей точки зрения, анализ динамики межэтнических отношений, культурного развития этнических общностей и эффективности государственной национальной политики требует лишь общей экономической характеристики изучаемого региона или территории. Эта позиция объясняется тем, что нам не удалось обнаружить в научной литературе [27, Дробижева Л.М.; 28, Бредникова О., Паченков О.; 29, Кузнецов И., Мукомель В.; 30, Рязанцев С.В.; 31, Фирсов Е.Ю.], посвящённой экономическому положению народов России, эмпирических исследований, которые бы надёжно фиксировали корреляцию между этнической принадлежностью (а точнее, этнической самоидентификацией) и материальным положением. То есть границы внутри регионального сообщества, конституируемые стратификацией по признакам неравенства в уровне дохода и объёме собственности, не совпадают с этническими границами (разделением населения на группы с различной этнической идентичностью). Резонно предположить, что общие экономические условия, сложившиеся в конкретном регионе, будут формировать более или менее сходную структуру экономического неравенства для всех этнических общностей, проживающих на территории этого региона¹. Редкие исключения могут быть связаны либо с исторически обусловленным фактом компактного проживания определенной этнической группы на территории, неблагоприятной для хозяйственной деятельности или находящейся в состоянии экономической стагнации, либо с предпочтениями значительной части этнической общности заниматься традиционными (менее продуктивными и прибыльными) формами хозяйствования [32, Бугулов М.; 33, Лашов Б.В.; 34, Сирина А.А.], либо с особым культурно-бытовым укладом, какой мы можем наблюдать у некоторых групп цыган.

В связи с вышесказанным мы полагаем, что характеристики экономической подсистемы субъекта Российской Федерации выступают в качестве «фоновых факторов», который может заметно влиять на общую социальную напряженность в регионе, но при сохранении относительного постоянства экономических характеристик (стабильной «депрессивности» или, наоборот, устойчивого роста экономики) динамика межэтнических отношений и этнокультурного развития в гораздо большей степени зависит от параметров других подсистем. В случае если же в конкретном регионе этническое предпринимательство или традиционное природопользование играют значимую роль в жизни местного сообщества, то к настоящему времени разработаны методики, позволяющие измерять отдельные характеристики этих феноменов в их связи с этносоциальной ситуацией в регионе [35, Садовой А.Н., Белозёрова М.В.]. Применительно к регионам АЗРФ такая ситуация может

¹ Речь, разумеется, не идёт о трудовых мигрантах, занимающих определённые ниши в структуре регионального рынка труда, поскольку в большинстве случаев они не интегрированы в социальную систему региона. Равно принимаются во внимание и факты этнически окрашенной отраслевой специализации в сфере малого и среднего бизнеса, поскольку страта предпринимателей из числа этнических меньшинств никоим образом не репрезентирует социально-экономическое положение соответствующей этнической общности в целом.

быть полезна в случае исследования мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Что же касается урбанизированных территорий Российской Арктики, где проживает основная масса населения арктических регионов, то различные этнические меньшинства здесь представляют собой либо часть старожильческого населения, либо сезонных трудовых мигрантов. Последние слабо интегрированы в жизнь местных сообществ, а их социальные взаимодействия со старожильческим населением, как правило, ограничены сферой трудовых отношений. В связи с этим этнические группы трудовых мигрантов на арктических территориях вряд ли можно обоснованно рассматривать как коллективных акторов, влияющих на основные параметры социальной системы региона (несмотря на то, что они, конечно же, могут выступать существенным косвенным фактором межэтнической напряжённости).

Таким образом, будет рассмотрен вопрос о методических аспектах построения интегральных индексов, отражающих состояние социетальной, социокультурной и политической подсистем арктических регионов.

Интерпретация и операционализация основных категорий описания этнополитических и этносоциальных процессов

В предыдущем разделе дана интерпретация ключевых типов элементов, обеспечивающих функционирование каждой из подсистем социальной системы региона. В этом разделе конкретизируются содержательные различия между отдельными видами акторов, капиталов и институтов в рамках трёх обозначенных выше подсистем, а также предполагается вариант операционализации используемых понятий посредством введения ряда латентных переменных и соответствующих им индикаторов.

Начнём с конкретизации основных категорий в контексте функционирования политической подсистемы региона. Мы интерпретируем *политического актора* как конкретное лицо или организацию, обладающее возможностями легитимного воздействия на процесс принятия и осуществления общезначимых решений в публичной сфере. К числу политических акторов, участвующих в принятии и реализации решений по регулированию межэтнических отношений в субъекте Российской Федерации (иными словами, непосредственно участвующих в осуществлении региональной национальной политики) следует, в первую очередь, отнести региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица системы государственного и муниципального управления, совещательные и консультативные органы, политические партии и общественно-политические движения. Конкретный состав и число акторов, соотношение объёмов их политического капитала определяют значение переменной, которую условно можно обозначить как уровень плюралистичности национальной политики. При этом величина *политического капитала* каждого актора (точнее, его средний располагаемый объём на определённом интервале времени) определяется, прежде всего, официальным

статусом данного актора, совокупностью его официальных полномочий, текущим уровнем легитимности и возможностями мобилизации публичной поддержки. *Политические институты* как нормативно закреплённые, организационно оформленные и регулярно воспроизводимые способы управления социальными процессами [36, Абрамов А., с. 55] предлагается операционализировать посредством двух переменных — степенью формализации процедур управления социальными процессами² и степенью публичности организационных форм (мероприятий), опосредующих управленческий процесс. Первая переменная может быть зафиксирована через оценку качества нормативно-правового обеспечения управленческой деятельности, а вторая — через общее количество мероприятий за определённый период времени и среднюю численность их участников.

В рамках социетальной подсистемы региона, если ограничить предмет исследовательского интереса только этносоциальными процессами, действуют весьма специфические виды акторов, имеющие общее свойство — этническую идентичность как основу конструирования группы, но различающиеся численностью, развитостью социальных сетей, статусом (как интересубъективным представлением о месте в иерархии, так и официальным в некоторых случаях), представленностью интересов во властных структурах и по другим параметрам. Авторы предлагают выделять три основных вида таких акторов — доминантный этнос, этническое меньшинство, коренной малочисленный народ (в случае российской Арктики — КМНС).

Доминантный этнос — понятие, используемое как аналог вышедшего из употребления термина «титутельная нация». Под доминантным понимается такой этнос, который преобладает в рамках конкретного региона над другими этническими общностями по объёму политического и культурного капитала [37, Тишков В.А., Шабаетов Ю.П., с. 144–145]. При этом численное превосходство представителей той или иной этнической общности, разумеется, не гарантирует ни политического, ни культурного доминирования. Доминантный этнос весьма часто манифестирует свое политическое доминирование символически через использование этнонима в качестве официального наименования региона (страны), а культурное — через присвоение национальному языку статуса государственного (то есть основного либо единственного языка образования, делопроизводства и государственных массмедиа).

Вслед за Дополнительным протоколом о правах меньшинств к Европейской конвенции о правах человека *этническое меньшинство* авторами понимается как этнически гомогенная группа, политически, культурно и, как правило, численно не доминирующая на территории своего проживания, самоорганизующаяся в целях защиты своей языковой, культурной и религиозной идентичности и передачи их будущим поколениям. Этническое меньшинство может являться как автохтонным (индигенным), так и пришлым населением. При этом оно стремится сохранить специфические особенности

² В данном случае — управления межэтническими отношениями.

группы, так как они позволяют поддерживать относительную автономию от государства за счёт определённого культурного изоляционизма, а также решать локальные вопросы в рамках сообщества на основе общих ценностей и интересов³.

Как актор этническое меньшинство организационно может быть оформлено разнообразными способами: через формирование формальных структур представительства этнических интересов (национально-культурная автономия, землячество и т.п.) или поддержание неформальных сетей социальных контактов и взаимной поддержки (диаспора).

Коренные малочисленные народы в контексте изучения динамики этнополитических и этносоциальных процессов в АЗРФ в силу особенностей российского законодательства следует выделить в особую категорию акторов. Под «коренными малочисленными народами» Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации понимаются народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями⁴.

Как и в случае с этническими меньшинствами, КМНС как коллективные акторы организационно действуют посредством различного рода объединений — ассоциаций и общин.

Основным ресурсом, используемым для воспроизводства единства вышеперечисленных акторов и обеспечения солидарности и взаимной поддержки внутри этнических общностей, выступает так называемый *социальный капитал*. Он представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институализированных отношений взаимного знакомства и признания [38, Bourdieu P., с. 247]. Иными словами, социальный капитал — это категория, описывающая вовлеченность индивида в те или иные социально-коммуникативные сети, обладание и использование им своих социальных связей. Индикаторами располагаемого объёма социального капитала могут служить уровень социального доверия и социальная дистанция. Кроме того, важным фактором повышения объёма социального капитала в полиэтнической среде выступают коммуникативные компетенции индивидов — практические навыки владения языком как доминантного этноса, так и (если речь идет об этническом меньшинстве или коренном малочисленном народе) своей собственной этнической общности. В случае свободного владения несколькими

³ Recommendation 1201 (1993), Additional protocol on the rights of minorities to the European Convention on Human Rights. URL: <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15235&lang=en> (дата обращения: 28.12.2017).

⁴ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901765288> (дата обращения: 28.12.2017).

языками сеть социальных контактов, очевидно, расширяется, что даже при выраженной неоднородности этнического состава населения региона повышает интегрированность социетальной подсистемы и уровень межэтнической консолидации. В случае массового владения преимущественно языком своей этнической общности при плохом знании языка доминантного этноса (в том числе и государственного языка) будет наблюдаться сохранение некоторого уровня её коммуникативной изоляции.

Этническая (не)однородность, уровень самоорганизации отдельных этнических групп, социального доверия и социальная дистанция между основными этническими группами, уровень языковых компетенций, а также интерсубъективные оценки межэтнической напряжённости позволяют дать комплексную характеристику этносоциальных компонентов социетальной подсистемы региона.

Что касается социокультурной подсистемы, то в части состава акторов в её рамках наблюдаются существенные пересечения с социетальной подсистемой: те же самые общественные объединения, артикулирующие в публичном пространстве интересы и мнения отдельных этнических общностей, выступают в качестве ключевых акторов в поле культурной деятельности. Наряду с ними в качестве акторов действуют специализированные учреждения (образовательные, культурно-досуговые, музейные и другие организации). Институциональный компонент представлен не только нормативно-правовой базой культурной политики, но также культурно-массовыми мероприятиями, в том числе национальными праздниками и религиозными ритуалами.

В связи с последним необходимо выделить особую разновидность акторов, которую можно обозначить термином «*конфессиональная общность*». Под «конфессиональной общностью» мы понимаем организованную группу верующих, объединённых приверженностью особой доктрине в рамках определенной религиозной традиции. При этом этнические и конфессиональные границы не всегда совпадают, а внутри самой конфессиональной общности может иметь место смешанный этнический состав. В то же время нельзя не учитывать роль активности конфессиональных объединений в деле конструирования, поддержания и мобилизации этнической идентичности, что в контексте предмета заявленного исследовательского интереса делает значимым конфессиональный состав населения региона.

В социокультурной подсистеме доминирование тех или иных акторов обеспечивается за счет приращения *культурного капитала*. Согласно П. Бурдьё, он существует в трёх формах: инкорпорированной (the embodied state), объективированной и институализированной. В первом случае речь идёт о приобретённых «длительных диспозициях ума и тела», своеобразных культурных привычках, сигнализирующих об особенностях раннего этапа социализации индивидов. В конкретном культурном контексте эти особенности интерпретируются как признак статуса семьи, в которой происходила социализация индивида, поскольку они свидетельствуют о качестве, «правильности»

воспитания. *Объективированная форма* капитала представляет собой совокупность культурных благ (книг, произведений искусства, доступа к услугам культурных учреждений), которыми обладает индивид. Их объём и качественный состав свидетельствуют не только о степени готовности человека конвертировать экономические блага в культурные, но и о наличии навыков престижного культурного потребления. Наконец, в своей институализированной форме культурный капитал представлен официальными документами об академических квалификациях (сертификаты, фиксирующие уровень образования, наличие учёных степеней и учёных званий и т. п.) [38, Bourdieu P., с. 243–247].

Применительно к межэтническим отношениям неравномерное распределение культурного капитала фиксирует реальное неравенство возможностей представителей разных этнических общностей в освоении норм доминирующей культуры, приобретении навыков престижного культурного потребления (и общей склонности к такому потреблению), получении образования и профессиональных компетенций. Сами эти ограничения возможностей в настоящее время институционально не закреплёны. Однако этнокультурная специфика традиций воспитания, различное отношение у разных народов к ценности образования и карьеры, различия в языковых компетенциях в условиях, когда престижное образование требует владения неродным языком — все это создает предпосылки к сохранению тенденции к неравномерному распределению культурного капитала между отдельными этническими группами. В этих условиях интерес представляет анализ деятельности интеллектуалов из среды этнических меньшинств и активистов этнокультурных организаций по переопределению статуса недоминирующих этнических культур — деятельности, которую П. Бурдьё описывает в категориях борьбы за символическое господство [24, Бурдьё П., с. 78–81]. Результатом такой деятельности может стать увеличение числа учебных заведений, где преподаются языки некоторых этнических меньшинств (например, коренных народов) или же преподавание осуществляется на этих языках наряду с государственным; расширение поддержки со стороны региональных и местных учреждений культуры в деле сохранения национальных культурных традиций; появление средств массовой информации, включая финансируемые за счет средств бюджета, на языках крупнейших этнических групп, проживающих в том или ином субъекте РФ. Все перечисленное может быть использовано в качестве индикаторов состояния этнического компонента социокультурной подсистемы региона.

Подводя итог настоящему разделу, логично представить операционализацию основных категорий анализа этнополитических и этносоциальных процессов в регионах АЗРФ в виде сводной таблицы.

Таблица 1

Операционализация категорий анализа этнополитических и этносоциальных процессов в регионах АЗРФ

Категория анализа	Латентная переменная	Индикатор
Политический актор	Уровень плюралистичности национальной политики	наличие / отсутствие профильных органов исполнительной власти

		наличие / отсутствие профильных комитетов в законодательном собрании субъекта РФ
		наличие / отсутствие профильных функций у ведомств в местных администрациях
		наличие / отсутствие партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика
		наличие / отсутствие общественно-политических движений этнокультурной направленности
Политический институт	Уровень публичности национальной политики	количество публичных акций этнической тематики и среднее число их участников: а) протестных, б) провластных
		наличие / отсутствие совещательных и консультативных органов по вопросам национальной политики
		доля материалов СМИ, посвященных этнополитической тематике
	Уровень формализации национальной политики	качество нормативно-правовой базы национальной политики
Политический капитал	Концентрация политического капитала	объем закрепленных в законодательстве прав и полномочий (по каждому типу акторов)
		величина кадровых ресурсов региональных органов власти и органов местного самоуправления
		число активных членов партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика
		число активных участников общественно-политических движений этнокультурной направленности
Доминантный этнос	Уровень организованности доминантного этноса ⁵	количество общественных объединений доминантного этноса
		уровень представительства доминантного этноса в органах законодательной власти и местном самоуправлении
Этническое меньшинство	Уровень организованности этнических меньшинств	число и состав общественных объединений этнических меньшинств
		уровень представительства этнических меньшинств в органах законодательной власти и местном самоуправлении
		наличие / отсутствие региональных центров межкультурной коммуникации ⁶
КМНС	Уровень организованности КМНС	число и состав общественных объединений коренных малочисленных народов
		уровень представительства КМНС в органах законодательной власти и местном самоуправлении
Социальный капитал	Плотность социальных сетей	уровень межличностного доверия
		социальная дистанция
Конфессиональная общность	Уровень организованности конфессиональных групп	число и состав религиозных объединений на территории региона

⁵ Особый интерес измерение данной переменной представляет в таких субъектах федерации как республики, где доминантные этносы представлены нерусскими народами. Это обстоятельство порождает специфические различия между содержанием культурной политики (включая языковую политику и государственно-конфессиональные отношения) на федеральном и республиканском уровнях.

⁶ Например, клубов «интернациональной дружбы» и т. п.

Культурный капитал	Уровень этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере	наличие / отсутствие школ с преподаванием на языке доминантного этноса ⁷
		доля школ с преподаванием языка этнических меньшинств
		доля школ с преподаванием языков коренных малочисленных народов
		степень разнообразия ⁸ этнических / конфессиональных праздников, отмечаемых в регионе публично
		степень разнообразия культурно-массовых мероприятий этнической / конфессиональной тематики, организуемых совместно с органами власти

Методические проблемы мониторинговых социологических исследований состояния сферы межэтнических отношений

Основные методические трудности, возникающие при разработке инструментария мониторинга этнополитических и этносоциальных процессов в регионе, можно разделить на два вида. Первые связаны собственно с методикой построения интегральных индексов, вторые — с поиском релевантных источников данных, методами их сбора и количественной обработки.

Обращаясь к проблеме построения интегральных индексов, важно отметить, во-первых, необходимость решения задачи определения границ предметной области, которую каждый конкретный индекс был бы способен охарактеризовать. Следуя вышеописанной логике теоретического анализа, предполагается конструировать отдельный индекс для оценки состояния каждой из трёх рассмотренных в предыдущем разделе подсистем социальной системы региона. Так, для мониторинга динамики этнополитического компонента политической подсистемы может быть предложен индекс качества национальной политики (nationalities policy index, или p-index); этнические аспекты функционирования социетальной подсистемы предлагается характеризовать посредством индекса межэтнической консолидации (ethnic consolidation index, или c-index); социокультурная сфера может быть отражена путем построения индекса этнокультурного разнообразия (ethnic cultural diversity index, или d-index).

Каждый индекс для своего построения требует оптимального набора переменных и соответствующих им индикаторов: он должен позволить наиболее полно и комплексно фиксировать интересующие нас параметры каждой из трёх подсистем социальной системы региона, но при этом не содержать избыточных индикаторов, то есть измерению должны подлежать только ключевые факторы изучаемых процессов.

⁷ В том случае, если доминантный этнос представлен не русскими, и, как следствие, его язык не является общегосударственным.

⁸ Значение показателя определяется путем экспертных оценок. Высоким значение показателя будет в том случае, если все наиболее многочисленные этнические и конфессиональные группы имеют возможность регулярно отмечать свои национальные и религиозные праздники.

Представленная выше операционализация основных понятий теоретического анализа в основном позволяет выделить ключевые переменные. Вместе с тем для достижения более комплексного результата может потребоваться введение дополнительных индикаторов или модификации ранее предложенных. Так, для расчёта индекса межэтнической консолидации помимо индикаторов, выделенных для измерения уровня организованности различных видов акторов и плотности социальных сетей, безусловно, необходимо учесть уровень неоднородности этноконфессионального состава⁹, а также уровень языковых компетенций членов полиэтнического сообщества, отражающего степень языковой ассимиляции¹⁰. При расчете индекса качества национальной политики наряду с индикаторами уровня этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере следует ввести индикатор наличия / отсутствия регионального законодательства в сфере поддержки этнокультурного и конфессионального разнообразия, а также индикатор уровня отражения в массмедиа событий и явлений этнокультурного характера.

Гораздо большую сложность по сравнению с формированием системы индикаторов представляет решение задачи по приведению их к единой системе измерения. Обеспечение единства измерительных процедур облегчает расчёт значений интегральных индексов, так как в этом случае они могут рассчитываться как сумма средневзвешенных значений всех используемых индикаторов. Кроме того, это обеспечит и валидность инструментария при кроссрегиональных сравнениях, поскольку в единой системе измерения могут быть квантифицированы качественные различия регионов. Вместе с тем очевидные различия в характере источников первичных данных¹¹ и соответствующих методах их сбора вызывают известные трудности при решении этой задачи.

Обратимся к рассмотрению предлагаемых нами методических процедур расчёта вышеуказанных интегральных индексов.

Индекс качества национальной политики (p-index). В число индикаторов сознательно не были включены те, посредством которых измеряется уровень концентрации политического капитала. Во-первых, данная переменная для большинства акторов, за исключением органов власти и должностных лиц, отражает в большей мере их ситуативные, а не структурные характеристики. Во-вторых, в случае органов власти представляется трудноразрешимой проблема несводимости политического капитала профильных в сфере национальной политики ведомств к их штатному расписанию и официальным полномочиям в связи с их включенностью в межведомственное взаимодействие и курирование со стороны вышестоящих должностных лиц.

⁹ Значение рассчитывается как произведение коэффициентов вариации по двум индикаторам — этнической неоднородности (на основе данных всероссийских переписей) и конфессиональной неоднородности (на основе данных репрезентативных опросов с учётом ошибки выборки).

¹⁰ Отношение доли владеющих государственным языком или языком доминантного этноса к доле владеющих языком своей этнической группы — этнического меньшинства или КМНС.

¹¹ Государственная статистика, контент-анализ СМИ, массовые опросы, экспертные оценки и т. д.

Таблица 2

Система индикаторов для расчета интегрального индекса качества национальной политики
(*p-index*)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Уровень плюралистичности национальной политики	наличие / отсутствие профильных органов исполнительной власти (p1)	информ. ресурсы органов власти и местного самоуправления; правовые документы	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	наличие / отсутствие профильных комитетов в законодательном собрании субъекта РФ (p2)		
	наличие / отсутствие профильных функций у ведомств в местных администрациях (p3)		
	наличие / отсутствие партийных организаций, в программах которых заявлена этнокультурная проблематика (p4.1-4.4 ¹²)	данные Минюста, программы партий	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	оценка политической роли общественных движений этнокультурной направленности (p5)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая ¹³
Уровень публичности национальной политики	количество публичных акций этнической тематики и среднее число их участников: - протестных (p6.1), - провластных (p6.2)	контент-анализ СМИ	метрическая (в натуральных единицах, за период T)
	наличие / отсутствие совещательных и консультативных органов по вопросам национальной политики (p7)	информ. ресурсы органов власти и местного самоуправления; правовые документы	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
	доля материалов СМИ, посвящённых этнополит. тематике (p8)	контент-анализ СМИ	доля в общем массиве политических материалов СМИ (за период T, в интервале 0; 1)
Уровень формализации национальной политики	качество нормативно-правовой базы национальной политики (p9)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая

Расчёт индекса производится по формуле:

$$p\text{-index} = \sum_{i=p1}^{p3} i + \sum_{i=p4.1}^{p4.4} i + k_{p5} * p5 / N + \frac{p6.2 - p6.1}{p6.1 + p6.2} + k_{p7} * p7 + k_{p8} * p8 + k_{p9} * p9 / N,$$

где k_{pn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов, N — число опрошенных экспертов; $\frac{p6.2 - p6.1}{p6.1 + p6.2}$ — формула расчёта вектора общественно-политической активности¹⁴.

¹² Предлагается рассчитывать значения отдельно для партий, представляющих интересы разностатусных этнических общностей: p4.1 — русского народа (национально-патриотические), p4.2 — доминантных этносов (для республик), p4.3 — этнических меньшинств, p4.4 — коренных малочисленных народов.

¹³ В случае отсутствия в регионе акторов данного вида индикатору присваивается значение «0».

Индекс межэтнической консолидации (c-index). Данный индекс интегрирует значения переменных, отражающих этноконфессиональную неоднородность населения, распределение социального капитала внутри этнически структурированного пространства социальной коммуникации и степень зависимости общего уровня социальной напряженности от напряжённости в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. В табл. 3 представлена детальная операционализация выделенных переменных.

Таблица 3

Система индикаторов для расчета интегрального индекса межэтнической консолидации (c-index)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Степень однородности населения региона	этнический состав (с1)	данные государственной статистики	расчёт значений индикаторов производится на основе вычисления коэффициентов вариации
	конфессиональный состав (с2)	репрезентативные массовые опросы	
Равномерность распределения социального капитала (в этническом разрезе)	социальная дистанция между основными этническими группами (с3)	репрезентативные массовые опросы	Шкала Э. Богардуса
	уровень межличностного доверия (с4)		порядковая, 5-ти ранговая
Этнокультурный компонент социальной напряженности	отношение оценки уровня межэтнической напряжённости (с5.1) к общему уровню социальной напряженности (с5.2)	репрезентативные массовые опросы / экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая
	отношение оценки уровня межконфессиональной напряжённости (с6.1) к общему уровню социальной напряженности (с5.2)		

Расчёт индекса производится по формуле:

$$c\text{-index} = (v_1 c1 * v_2 c2) + k_{c1} * (c3 + c4) - k_{c2} * \left(\frac{c5.1}{c5.2} + \frac{c6.1}{c5.2} \right),$$

где v_1 и v_2 — коэффициенты вариации, k_{cn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов.

Индекс этнокультурного разнообразия (d-index). Данный индекс отражает в первую очередь степень институализации и публичной артикуляции этнокультурных различий, устойчивость этнических идентичностей и жесткость демаркации воображаемых этнических границ. Важнейшие индикаторы — уровни организационной оформленности акторов, выступающих референтами этнокультурных общностей региона. Для измерения этих уровней можно рассмотреть два пути. Первый из них (самый очевидный) — фиксация количества формальных общественных объединений того или иного типа акторов, представляющих доминантный этнос, этнические меньшинства и коренные малочисленные

¹⁴ В диапазоне от –1 до 1. Чем выше значение показателя, тем выше уровень одобрения национальной политики.

народы соответственно, а также списочной численности их членов. Однако следуя этим путем, мы сталкиваемся с рядом методологических и практических трудностей: во-первых, вышеуказанные количественные показатели без учёта объёма организационных, финансовых и информационных ресурсов, имеющихся у каждого общественного объединения рассматриваемого типа, не выражают в полной мере важнейшие параметры их практического влияния на этнополитические процессы и этнокультурный ландшафт: по ним нельзя судить ни о реальных мобилизационных возможностях организации в отношении той этнической общности, на артикуляцию интересов которой эта организация претендует, ни об её фактической известности среди населения, ни о масштабах и регулярности проводимых ею публичных мероприятий, масштабах развёртывания её уставной деятельности; во-вторых, решение задачи аккумуляции данных по этим параметрам ограничивается труднопреодолимыми барьерами, связанными с закрытостью части информации (прежде всего, о финансовых возможностях общественных объединений), её неполнотой в открытых источниках. В свете этих обстоятельств мы полагаем, что более продуктивным было бы следование по другому пути: выявление реального влияния на этнокультурную ситуацию в регионе со стороны тех или иных групп общественных объединений на основе экспертных оценок. В связи с этим мы предлагаем, заменить индикаторы количества этнически ориентированных НКО и численности их состава на индикатор организационно-мобилизационного потенциала этих НКО, значение которого выводилось бы на основе экспертных опросов.

Таблица 4

Система индикаторов для расчета интегрального индекса этнокультурного разнообразия (d-index)

Латентная переменная	Индикатор	Источник данных	Шкала / единицы измерения
Уровень организованности доминантного этноса	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений доминантного этноса (d1)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]
	уровень представительства доминантного этноса в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d5)		
Уровень организованности этнических меньшинств	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений этнических меньшинств (d2)		
	уровень представительства этнических меньшинств в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d6)		
Уровень организованности КМНС	организационно-мобилизационный потенциал общественных объединений коренных малочисленных народов (d3)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]

	уровень представительства КМНС в органах законодательной власти и местном самоуправлении (d7)		
Уровень организованности конфессиональных групп	организационно-мобилизационный потенциал религиозных объединений на территории региона (d4)		
Уровень этноконфессиональной диверсификации в образовании и культурной сфере	Языковая диверсификация в образовательной сфере ¹⁵ (d8)	данные государственных органов субъекта РФ в сфере образования	метрическая, [0; 1]
	степень разнообразия этнических / конфессиональных праздников, отмечаемых в регионе публично (d9)	экспертный опрос	порядковая, 5-ти ранговая [0; 5]
	степень разнообразия культурно-массовых мероприятий этнической / конфессиональной тематики, организуемых совместно с органами власти (d10)		
Уровень правового обеспечения этноконфессиональной диверсификации	наличие регионального законодательства в сфере поддержки этнокультурного и конфессионального разнообразия (d11)	данные справочно-правовых баз регионального законодательства	порядковая, 2-х ранговая (да = 1, нет = 0)
Уровень информационного обеспечения этноконфессиональной диверсификации	доля материалов СМИ, посвященных этнокультурной и конфессиональной тематике (d12)	контент-анализ СМИ	доля в общем массиве материалов СМИ, посвященных культурной жизни (за период T, в интервале 0; 1)

Расчет индекса производится по формуле:

$$d\text{-index} = k_{d1} * \sum_{i=d1}^{d4} i/N + k_{d2} * \sum_{i=d5}^{d7} i/N + k_{d3} * d8 + k_{d4} * (d9 + d10)/N + k_{d5} * d11 + k_{d6} * d12,$$

где k_{dn} — весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов, N — число опрошенных экспертов.

Как несложно заметить, расчёт значений индикаторов предполагает неунифицированную процедуру, обращение к различным шкалам и единицам измерения. Мы предлагаем возможным путём некоторых преобразований привести данные, полученные на основе применения различных измерительных инструментов, к единой метрике (как это показано в формуле); а вычисление весовых коэффициентов позволяет скорректировать значения отдельных индикаторов. В то же время мы сталкиваемся с рядом методических тонкостей проведения экспертных опросов, включая использование метода

¹⁵ Рассчитывается как сумма долей в общей численности средних учебных заведений региона школ с преподаванием на языке доминантного этноса, школ с преподаванием языка этнических меньшинств, школ с преподаванием языков коренных малочисленных народов (при наличии последних в обследуемом субъекте РФ).

анализа иерархий для определения весовых коэффициентов [39, Коробов В.Б., Тutyгин А.Г.]. К настоящему времени существует целый арсенал методических приемов, позволяющих повысить точность и надёжность усреднённых экспертных оценок [40, Коробов В.Б.], но их обсуждение выходит за рамки темы настоящей статьи.

В заключении отметим, что предлагаемая в настоящей статье методика расчёта интегральных индексов для измерения этнополитических и этносоциальных процессов открыта для корректировки с учётом конкретных особенностей региона АЗРФ. Вместе с тем методологические принципы, положенные в основание нашего подхода, позволяют повысить как эвристический потенциал количественных социологических исследований в рассматриваемой области, так и сопоставимость данных в рамках кроссрегиональных сравнительных исследований межнациональных и межконфессиональных отношений.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Литература

1. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. Vol. 7. № 1. P. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
2. Зайков К.С., Тамицкий А.М., Задорин М.Ю. Основы этнонациональной политики государства на примере Российской Федерации // Федерализм. 2016. № 3(83). С. 145–158.
3. Карелин В.А., Зайков К.С. Проблема саамских сервитутных прав в пограничных отношениях России и Норвегии в начале XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1. С. 32–41.
4. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. В одной лодке: «Ассиметричное соседство: Россия и Норвегия» за два века // Новый исторический вестник. 2015. № 45. С. 172–182.
5. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855 // Bylye Gody. 2016. Vol. 41. № 3. P. 629–641.
6. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 // Bylye Gody. 2017. Vol. 45. № 3. P. 915–927. EID: 2-s2.0-85028932118.
7. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. М.: Московское бюро по правам человека, 2011. 192 с.
8. Богатова О.А., Карьгин А.И. Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 78–88.
9. Поддубиков В.В. Многонациональный Кузбасс: региональная модель этнологического мониторинга как инструмент национальной политики XXI века // Социогуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 61–66.
10. Степанов Е.И., Аксентьев В.А., Головин Ю.А., Куконков П.И. Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России (на примере Нижнего Новгорода и Ярославля) // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 235–253.
11. Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5(135). С. 96–109.

12. Дробижева Л.М. Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник Российской нации. 2017. №4(56). С. 107–127.
13. Змеева О.В., Разумова И.А. «Я решил жить здесь...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5(142). С. 13–17.
14. Змеева О.В. Отношение жителей малого промышленного города к мигрантам // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6(25). С. 87–97.
15. Маклашова Е.Г., Осипова О.В. Государственная национальная политика в условиях российского этнофедерализма: социологический срез (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 28–34.
16. Максимов А.М., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Архангельской области и Ненецком автономном округе в представлениях населения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15
17. Опарин Д.А. «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 108–130. DOI 10.17223/2312461X/14/6
18. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
19. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.
20. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / Под ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
21. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
22. Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
23. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. С. 38–71.
24. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
25. Уолцер М. О терпимости / Пер. с англ. И. Мюрнберг. М.: Идея-Пресс, 2000. 160 с.
26. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 32–57.
27. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
28. Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81.
29. Кузнецов И., Мукомель В. Формирование этнических ниш в российской экономике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2007. № 1. С. 175–184.
30. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.
31. Фирсов Е.Ю. Социальная стратификация, этничность и этнические экономики (на примере России) // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 66–77.
32. Бугулов М. Малые народы и этносы Российского Севера: совершенствование системы гос. регулирования социально-экономического развития коренных народов Севера. Магадан: МАОБ-ТИ, 2002. 170 с.
33. Лашов Б.В. Условия предпринимательства в традиционном хозяйстве коренных малочисленных народов Севера (КМНС) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. № 1. С. 25–43.
34. Сирина А.А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: ИЭА РАН, 2010. 185 с.

35. Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2(50). С. 296–312.
36. Абрамов А.В. Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
37. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2011. 376 с.
38. Bourdieu P. The Forms of Capital // J. Richardson, ed. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York, Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
39. Коробов В.Б., Тутыгин А.Г. Проблемы использования метода анализа иерархий и пути их решения // Экономика и управление. 2016. № 8(130). С. 60–65.
40. Коробов В.Б. Сравнительный анализ методов определения весовых коэффициентов «влияющих факторов» // Социология: Методология, методы, математическое моделирование. 2005. № 20. С. 54–73.

References

1. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 125–142. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1327748
2. Zaikov K.S., Zadorin M.Y., Tamitskiy A.M. Osnovy etnonatsional'noy politiki gosudarstva na primere Rossiyskoy Federatsii [The basic of ethno-national policy on the example of the Russian Federation]. *Federalizm* [Federalism], 2016, no. 3(83), pp. 145–158.
3. Karelin V.A., Zaikov K.S. Problema saamskikh servitutnykh prav v pogranichnykh otnosheniyakh Rossii i Norvegii v nachale XX veka [Sami easements in the history of Russian-Norwegian border relations in the early 20th century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 1, pp. 32–41.
4. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. V odnoy lodke: «Assimetrichnoe sosiedstvo: Rossiya i Norvegiya» za dva veka [In a Common Boat: “Asymmetric Neighborhood: Russia and Norway” over Two Centuries]. *Novyi Istoricheskii Vestnik* [The New Historical Bulletin], 2015, iss. 45, pp. 172–182.
5. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye Gody*, 2016, vol. 41, iss. 3, pp. 629–641.
6. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*, 2017, vol. 44, iss. 3, pp. 915–927.
7. Astvatsaturova M.A. *Severnyi Kavkaz: perspektivy i riski. Transformatsiya regional'nogo etnopoliticheskogo prostranstva* [North Caucasus: prospects and risks. Transformation of the regional ethno-political space]. Moscow, 2011, 192 p. (In Russ.)
8. Bogatova O.A., Kargin A.I. Monitoring mezhetnicheskikh i mezhekfessional'nykh otnoshenii v Respublike Mordoviya [Monitoring of ethnic and interconfessional relations in the Republic of Mordovia]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2010, no. 1, pp. 78–88.
9. Poddubikov V.V. Mnogonatsional'nyi Kuzbass: regional'naya model' etnologicheskogo monitoringa kak instrument natsional'noi politiki XXI veka [Multinational Kuzbass: regional model of ethnological monitoring as an instrument of national policy of the 21st century]. *Sotsiogumanitarnyi vestnik*, 2011, no. 2, pp. 61–66.
10. Stepanov E.I., Aksent'ev V.A., Golovin Yu.A., Kukonkov P.I. Monitoring sotsial'nykh napryazhenii i konfliktov v krupnykh regional'nykh tsentrakh Rossii (na primere Nizhnego Novgoroda i Yaroslavl'ya) [Monitoring of social tensions and conflicts in large regional centers of Russia (on the example of Nizhny Novgorod and Yaroslavl)]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia in reform: Year-book], 2007, no. 6, pp. 235–253.
11. Khaikin S.R., Berezhkova S.B. Sotsiologicheskii monitoring mezhnatsional'nykh i mezhekfessional'nykh otnoshenii Federal'nogo agentstva po delam natsional'nostei [Sociological monitoring of inter-ethnic and inter-confessional relations of the Federal Agency for Ethnic Affairs]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of

- public opinion: economic and social changes journal], 2016, no. 5, pp. 97–110. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.07
12. Drobizheva L.M. Mezhnatsional'nye (mezhetnicheskie) otnosheniya v Rossii v zerkale monitoringovykh oprosov FADN i regional'nykh issledovaniy [Interethnic (interethnic) relations in Russia in the mirror of monitoring surveys of FADN and regional studies]. *Vestnik Rossiiskoi natsii* [Bulletin of Russian nation], 2017, no. 4(56), pp. 107–127.
 13. Zmeyerova O.V., Razumova I.A. «Ya reshil zhit' zdes'...»: adaptatsiya azerbaidzhantsev v zapolyarnom gorode v 2010-e gody ["I have decided to live here...": adaptation of Azerbaijani in northern town in 2010s]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2014, no. 5(142), pp. 13–17.
 14. Zmeyerova O.V. Otnoshenie zhitelei malogo promyshlennogo goroda k migrantam [Attitude to migrants of the inhabitants of a small industrial city]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Science Centre RAS], 2014, no. 6(25), pp. 87–97.
 15. Maklashova E.G., Osipova O.V. Gosudarstvennaya natsional'naya politika v usloviyakh rossiiskogo etnofederalizma: sotsiologicheskii srez (na materialakh Respubliki Sakha (Yakutiya)) [State national policy in conditions of Russian ethnic federalism: sociological cross-section (case study of the Republic of Sakha (Yakutia))]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2015, no. 12, pp. 28–34.
 16. Maksimov A.M., Tamitskii A.M. Mezhnatsional'nye otnosheniya v Arkhangel'skoi oblasti i Nenetskom avtonomnom okruge v predstavleniyakh naseleniya [Interethnic relations in the Arkhangelsk region and Nenets Autonomous Area in the eyes of their inhabitants]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no. 6, pp. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15
 17. Oparin D.A. «Mestnye» i «priezzhie» na Yamale: sotsial'nye granitsy i variativnost' migratsionnogo opyta ["Locals" and "newcomers" in Yamal: social boundaries and variations of migration experience]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2016, no. 4, pp. 120–126. DOI: 10.17223/2312461X/14/6
 18. *Rossiiskaya Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow, Saint Petersburg, 2016, 272 p. (In Russ.)
 19. *Sever i severyane. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. The current situation of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]. Ed. by N.I. Novikova, D.A. Funk. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2012, 288 p. (In Russ.)
 20. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy: monografiya* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Ed. by N.K. Kharlampyeva. Arkhangelsk, NArFU Publ., 2017, 325 p. (In Russ.)
 21. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Transl. L.A. Sedova i A.D. Kovaleva, ed. M.S. Kovaleva. Moscow, Aspekt Press Publ., 1998, 270 p.
 22. North D.C., Walliss J., Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history]. Transl. by D. Uzlaner et al. Moscow, Gaidar Insitute Publ., 2011, 480 p.
 23. Parsons T. Sotsial'nye sistemy [Social systems]. *Voprosy sotsial'noi teorii*, 2008, vol. II, iss. 1(2), pp. 38–71.
 24. Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Transl., ed. N.A. Shmatko. Moscow, Insitute for Experimental Sociology Publ.; Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 288 p.
 25. Walzer M. *O terpimosti* [On toleration], Moscow, Ideya-Press Publ., 2000, 159 p.
 26. Mukomel' V.I. Ksenofoby i ikh antipody: kto oni? [Xenophobes and their opposites: who are they?]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2017, vol. 26, no. 1, pp. 32–57.
 27. Drobizheva L.M. (Ed.). *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social inequality of ethnic groups: representations and reality]. Moscow, 2002, 480 p. (In Russ.)

28. Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost' «etnicheskoi ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov [Ethnicity of the "ethnic economy" and social networks of migrants]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of economic sociology], 2002, vol. 3, no. 2, pp. 74–81.
29. Kuznetsov I., Mukomel' V. Formirovanie etnicheskikh nish v rossiiskoi ekonomike [Formation of ethnic niches in the Russian economy]. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates on politics and culture], 2007, no. 1, pp. 175–184.
30. Ryazantsev S.V. Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov [Ethnic entrepreneurship as a form of adaptation of migrants]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 2000, no. 5, pp. 73–86.
31. Firsov E.Yu. Sotsial'naya stratifikatsiya, etnichnost' i etnicheskie ekonomiki (na primere Rossii) [Social stratification, ethnicity and ethnic economies (on the example of Russia)]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of economic sociology], 2004, vol. 5, no. 3, pp. 66–77.
32. Bugulov M. *Malye narody i etnosy Rossiiskogo Severa: sovershenstvovanie sistemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya korennykh narodov Severa* [Small peoples and ethnic groups of the Russian North: improving the system of socio-economic development of the indigenous peoples of the North]. Magadan, 2002, 170 p. (In Russ.)
33. Lashov B.V. Usloviya predprinimatel'stva v traditsionnom khozyaistve korennykh malochislennykh narodov Severa (KMNS) [The business conditions in the traditional economy of smaller peoples of the North]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2011, vol. 6, no. 1, pp. 25–43.
34. Sirina A.A. *Ot sovkhoza k rodovoi obshchine: sotsial'no-ekonomicheskie transformatsii u narodov Severa v kontse XX veka* [From the state farm to the clan community: socio-economic transformations among the peoples of the North at the end of the 20th century]. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2010. 185 p. (In Russ.)
35. Sadovoi A.N., Belozerova M.V. Indikatory monitoringa realizatsii strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespecheniya i etnicheskoe predprinimatel'stvo [Indicators for monitoring the realization of strategy of Russian Federation state national policy: models of traditional life-support and ethnic entrepreneurship]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 2(50), pp. 296–312.
36. Abramov A. Politicheskii institut i politicheskaya institutsionalizatsiya: opredelenie ponyatii [Political institute and political institutionalization: definition of concepts]. *Vlast'* [Power], 2010, no. 5, pp. 53–55.
37. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow, Moscow State University Publ., 2011, 376 p. (In Russ.)
38. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York, Greenwood Publ., 1986, pp. 241–258.
39. Korobov V.B., Tutygin A.G. Problemy ispol'zovaniya metoda analiza ierarkhii i puti ikh resheniya [Problems of the analytic hierarchy process and some solutions]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and management], 2016, no. 8(130), pp. 60–65.
40. Korobov V.B. Sravnitel'nyi analiz metodov opredeleniya vesovykh koeffitsientov «vliyayushchikh faktorov» [Comparative analysis of methods for determining the weight coefficients of "influencing factors"]. *Sotsiologiya 4M: Metodologiya, metody, matematicheskie modeli* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 2005, no. 20, pp. 54–73.

УДК [338.45:39](470.1/.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120

К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры *

© ХАКНАЗАРОВ Саид Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук

Тел.: 8 912 418-06-75. E-mail: s_haknaz@mail.ru

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация. В данной работе обобщаются и анализируются результаты социологического исследования по проблемам социально-экономического развития территорий традиционного природопользования (ТТП) коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Цель и задачи исследования заключались в получении информации о социально-экономическом положении территорий традиционного природопользования и состоянии промыслов коренных малочисленных народов Севера. Результаты социологического исследования показывают, что основным мотивом, побуждающим к занятиям традиционными видами хозяйственной деятельности, у представителей коренных народов Севера является сохранение образа жизни. Большинство опрошенных полагает, что взаимоотношения между владельцами территории традиционного природопользования и пользователями недр должны строиться только на договорной основе (имеется в виду заключение экономических соглашений). Более половины респондентов полагает, что экономические соглашения, заключаемые между пользователями недр и владельцами ТТП, могут частично компенсировать их затраты и обеспечить общины. С другой стороны, незначительная часть опрошенных демонстрирует недоверие к данной форме отношений, считая экономическое соглашение пустой формальностью для отвода глаз. Лишь незначительная часть респондентов отметила, что их отношения с пользователями недр бывают конфликтными.

Ключевые слова: территория традиционного природопользования, народы Севера, респонденты, опрос, недропользователи, взаимоотношения, экономические соглашения, выплаты.

On the interaction of indigenous peoples of the North and industrial companies: the case of Yugra

© Said Kh. KHAKNAZAROV, Cand. Sci. (Geol.-Min.)

Tel.: +7 912 418-06-75. E-mail: s_haknaz@mail.ru

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Developments, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. In this work the author generalized and analyzed the results of a sociological study on problems of social and economic development of the territories of the traditional environmental management (TTEM) of the indigenous ethnic groups of the North (IEGN). The purpose and research problems are consisted in obtaining information on economic and social conditions of territories of traditional environmental management and a condition of the IEGN's crafts. The results of a sociological research show, the main motive for traditional economic activity among the IEGN is preservation of the traditional lifestyle. Most of respondents believe that relationship between of the TTEM owners and subsoil users must be based only on a contractual basis (economic agreements). More than a half of respondents believe that the economic agreements concluded between subsoil users and the TTEM owners can partially compensate their expenses and provide communities. On the other hand, an insignificant part of respondents shows mistrust to

* Для цитирования:

Хакназаров С.Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 120–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120

For citation:

Khaknazarov S.Kh. On the interaction of indigenous peoples of the North and industrial companies: the case of Yugra. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 120–133. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.120

this form of the relations, saying that the economic agreement is just a formality. Only an insignificant part of respondents noted that their relations with subsoil users were conflict.

Keywords: *territory of the traditional environmental management, peoples of the North, respondents, poll, subsoil users, relationship, economic agreements, payments.*

Введение

Территория традиционного природопользования (ТПП) коренных малочисленных народов Севера (КМНС), согласно Федеральному закону от 7 мая 2001 г. [1], — особо охраняемые территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Традиционное природопользование КМНС — исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами.

Традиционное природопользование обычно противопоставляется индустриальному как образец бережного отношения к природе.

Сохранение окружающей природной среды и социально-экономическое развитие коренных народов Севера в современных условиях являются важной проблемой для государства и общества в целом. Без её решения переход Ханты-Мансийского автономного округа на рельсы устойчивого экономического развития невозможен. Одной из приоритетных задач при этом является сохранение статуса территории традиционного природопользования коренных народов Севера. По мнению К.Б. Клокова, это обусловливается четырьмя причинами [2]:

- 1) традиционное природопользование является основой жизнедеятельности коренных народов Севера, необходимой для их существования, то есть если не сохранится традиционное природопользование — исчезнут и коренные народы;
- 2) теряется и уникальный исторический опыт экологической культуры, составляющий богатство не только коренных народов, но и всего человечества;
- 3) что особенно важно для России, сохранение территории традиционного природопользования следует рассматривать как один из аспектов другой актуальной сейчас проблемы — попытки найти альтернативу западной модели общественного развития;
- 4) это одно из базовых направлений глобальной проблемы поиска путей устойчивого развития человечества в целом.

Острой остаётся проблема взаимодействия коренных малочисленных народов и промышленных компаний. С начала 1990-х гг. прошлого века принимаются различные нормативные акты на уровне субъектов Федерации, а затем и на федеральном уровне, но до сих пор нет ни федерального закона (либо иного правового акта о чётких параметрах такого взаимодействия), ни единых стандартов деятельности компаний. Организации коренных народов заявляют о необходимости принятия документов, обеспечивающих защиту прав коренных народов на традиционное природопользование, справедливую компенсацию и их свободное, предварительное и осознанное согласие в связи с планируемой промышленной де-

тельностью, о чём Российская Федерация заявляет на международном уровне. Проводимые по всему Северу полевые исследования показывают, что промышленное освоение не только не обеспечивает роста уровня и качества жизни коренных народов, но подчас приводит к ухудшению их положения [3, с. 5].

Цель выделения ТТП (родовых угодий, общин)¹ — сохранение среды обитания, а также правовая и социально-экономическая защита коренного населения округа. Общая площадь территорий составила 12,6 млн га. Средняя площадь одного родового угодья по округу — 26,6 тыс. га.

Затрагивая вопрос о проблемах взаимоотношений между владельцами ТТП и пользователями недр, отметим, что данная проблема была и является одной из актуальнейших при промышленном освоении северных территорий в современных условиях.

Как известно, практически все месторождения углеводородного сырья на территории Югры в основном находятся в пределах территорий традиционного природопользования (родовых угодий и общин) КМНС.

Согласно данным В.Г. Логинова [4], более 40% ТТП передано (в той или иной степени) в долгосрочную аренду нефтяным компаниям. Столкновение интересов недропользователей и владельцев ТТП приводило и приводит к различным видам конфликтов. Выходом из сложившегося положения послужили экономические соглашения между владельцами ТТП и хозяйствующими субъектами, эксплуатирующими месторождения. В них, помимо компенсаций владельцам родовых угодий и общинам, предусматриваются требования органов местного самоуправления по социально-экономическому развитию территорий компактного проживания КНС, обустройству населённых пунктов. Нефтяные компании неохотно идут на заключение соглашений с родовыми национальными общинами, т. к. по организованности общины стоят на ступень выше отдельно взятого владельца родового угодья, с которым недропользователю проще договориться с меньшими для себя затратами.

Касаясь вопроса экономических соглашений (договоров), заключаемых в настоящее время между пользователями недр и владельцами ТТП на территории ХМАО — Югры, Н.И. Новикова отмечает, что проблема договоров остаётся нерешённой, хотя в округе накопился большой опыт их использования. В современных условиях они не направлены на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера. Во многих районах (в первую очередь — Сургутском), где находится наибольшее число родовых угодий, и в основном и работают нефтяники, ситуация сложнее. Главным недостатком экономических соглашений является то, что они не дают возможностей для развития коренных народов, а подчас способствуют росту иждивенческих настроений. В лучшем случае они помогают семьям аборигенов выжи-

¹ Согласно Постановлению Правительства ХМАО «О территориях традиционного природопользования» от 10.04.2002 г., родовые угодья отнесены к территориям традиционного природопользования регионального значения, границы которых утверждены в границах ранее образованных родовых угодий и территорий традиционного (приоритетного) природопользования.

вать и сохранять традиционный образ жизни. Проблемой является также недостаточный государственный и муниципальный контроль над их исполнением [5].

В современных условиях изучение взаимодействия коренных народов Севера и промышленных компаний составляет важнейшую часть исследовательского поля современного положения этих народов. В своей работе Н.И. Новикова [6] находит доминанту конфликтных отношений между коренными жителями региона и нефтедобывающими компаниями — это отношение к окружающему миру. Практически все вопросы социально-культурной антропологии аборигенов связаны с промышленным развитием регионов их расселения. Промышленное освоение углеводородного сырья и его последствия являются важной частью конструируемого социального знания. В настоящее время оно всё более активно используется в политической борьбе коренных народов за свои права. Н.И. Новикова обращает внимание на то, что сегодня эта борьба отражает конфликт между традиционным и промышленным природопользованием, народными представлениями и навыками, научными и утилитарно-коммерческими знаниями и подходами к окружающей среде и её ресурсам. Правовые и обыденные конфликты в этой сфере приводят к негативным последствиям: разрушению окружающей среды, безработице, алкоголизму, утрате традиционных ценностей и языков коренных народов, недостаточному развитию образования и здравоохранения, низкому уровню жизни и т.п.

В монографии Н.И. Новиковой приводятся примеры разных путей выхода из сложившейся ситуации [7, с. 185]. Например, основанные на совершенствовании законодательства и достижении свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов, на получении ими компенсаций и справедливого распределения прибыли от использования природных ресурсов. Существует и иное видение этих проблем, которое характерно для части политической и бизнес элиты — переселение аборигенов с их земель, постройка домов в посёлках и городах, выплата компенсаций. Правда, в последнем случае оценка финансовых затрат на такие программы бывает заниженной, а социально-экономические, культурные и психологические последствия вообще не просчитываются.

Как отмечают В.Г. Логинов, А. В. Мельников, развитие горнодобывающей и лесной отраслей промышленного производства оказало негативное воздействие на традиционное хозяйство и жизнедеятельность коренных малочисленных народов Севера, в частности на:

- социально-экономическое развитие КМНС;
- воспроизводство возобновляемых ресурсов, которые являются материальной базой традиционного хозяйствования и основой сохранения коренных этносов;
- экологическое состояние территории [8, с. 96].

Касаясь рассматриваемого вопроса, немаловажно отметить, что в регионах Севера предлагаются разные формы взаимодействия между промышленными компаниями и коренными народами, в первую очередь — правовые. Как показывает практика, остаётся много нерешённых проблем, которые приводят к открытому противостоянию. Для смягчения

последствий промышленного освоения и / или предотвращения конфликтов могут быть использованы стандарты, политики и регламенты промышленных компаний, сложившиеся в международном бизнес-сообществе и отдельных компаниях, то есть своеобразные нормы обычного права бизнеса, с одной стороны, и нормы обычного права и другие механизмы установления диалога, выработанные аборигенами, с другой. На основании изучения этих норм могут быть выработаны общие стандарты социальной и экологической политики деятельности промышленных компаний в регионах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера [9, с. 134].

Касаясь зарубежного опыта по рассматриваемому вопросу, следует отметить достаточно успешный опыт США и Канады в решении социально-экономических, экологических и этнокультурных проблем коренного населения. Экономика северных территорий этих стран характеризуется двойственностью. С одной стороны, идет активная разработка и добыча природных ресурсов, с другой — проводится всесторонняя государственная политика по поддержке и сохранению культуры и быта коренного населения, а также традиционного природопользования. В связи с этим система социально-экономических отношений в последние десятилетия претерпевает значительную трансформацию за счёт включения в её структуру таких субъектов как корпораций коренных жителей, действующих на основе договоров землепользования, защиты окружающей среды, социально-экономического развития и т. д. В начале 1970-х гг. Конгресс США принял Закон об удовлетворении земельных исков жителей Аляски, который предполагал образование корпораций коренного населения для получения компенсаций за пользование государством землями традиционного природопользования. Такие корпорации в настоящее время являются самостоятельными субъектами, не только представляющими интересы местного населения, но и поддерживающими его экономическую состоятельность². В канадской провинции Квебек значительной экономической силой является корпорация «Макивик» («The Makivik Corporation») — этническая корпорация, чьи инвестиционные интересы представлены в таких областях, как нефте- и газодобыча, транспорт, природоохранная деятельность и пр. В 2002 г. было подписано трёхстороннее соглашение на 25 лет о партнёрстве в области социально-экономического развития присоединённой в 1999 г. к Канаде территории Нунавик (Nunavik) — места компактного проживания коренного населения инуитов (эскимосов). Сторонами подписания выступили правительство провинции Квебек, региональные органы власти (The Kativik Regional Government) и корпорация «Макивик». Согласно этому соглашению, основными объектами совместного инвестирования являются горнодобывающая отрасль, туризм, транспортная и социальная инфраструктура, строительство гидроэлектростанций, охрана природы [10, с. 58].

² Jones R.S. Alaska native claims settlement Act of 1971 (Public law 92-203): Report No. 81-127 GOV. June 1, 1981. URL: http://www.alaskool.org/projects/ancsa/reports/rsjones1981/ancsa_history71.htm (дата обращения: 16.01.2018)

Далее переходим к обобщению и анализу результатов социологического опроса, проведённого в 2016 г. по выбранной тематике исследования.

Материалы и методы исследования

Опрос проведён в Сургутском, Нижневартовском, Нефтеюганском, Белоярском и Кондинском районах ХМАО — Югры — на территориях, где происходит активное взаимодействие представителей КМНС и нефтяных компаний.

Основной метод исследований — анкетирование. Опросы проведены посредством анкетного опроса с выездом непосредственно на место проживания респондентов. Сроки: май — август 2016 г. Объём выборки 375 респондентов. Доверительная вероятность 95%. Тип выборки: квотная с репрезентацией по возрасту, национальности и району проживания. Руководитель исследований — Хакназаров С.Х. Эмпирический опрос на местах провели Дядюн С.Д., Ибраева Р.А., Гаврильчик Р.М., Ганина К.А. Обработку результатов в программе для обработки социологической информации «Vortex» провела научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок Ткачук Н.В.

В исследовании приняли участие 375 респондентов, из них представителей коренных этносов — 346 человек (92,3%), других — 29 (7,7%). Из числа опрошенных 191 (51,0%) — мужчины, 184 (49,0%) — женщины (КМНС). Возраст респондентов от 17 лет до 60 лет и старше. Основными сферами деятельности коренных народов Севера являются традиционное хозяйство (50,7%), сфера образования и науки (7,2%), сфера культуры (6,1%).

Результаты и их обсуждение

В результате проведённого исследования выявлены актуальные социально-экономические проблемы территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, выяснилось, что абсолютное большинство респондентов (76,5%) является владельцами ТТП (родовых угодий, общин). 22,9% респондентов отметили, что не имеют ТТП, но хотят их иметь.

У большинства респондентов (62,7%) ТТП официально зарегистрированы, не сделано этого у 22,7% респондентов). Относительное большинство респондентов (42,6%) отмечает, что при оформлении ТТП им требуется юридическое содействие, в первую очередь помогать им должны Комитеты Севера (районные) и местные администрации.

Основными видами традиционной хозяйственной деятельности являются рыболовство (89,7%), собирательство дикоросов (78,7%), охота (70,7%) и оленеводство (43,2%). От занятий традиционными видами хозяйственной деятельности респонденты получают в основном: ягоды (86,1%), рыбу (82,1%), мясо (63,7%) и мех (33,1%).

Основным мотивом, побуждающим к занятиям традиционными видами хозяйственной деятельности, у представителей КМНС является сохранение образа жизни (74,1%). Од-

нако, как считают 37,1% респондентов (табл. 1), ТТП не могут решить многих социально-экономических проблем.

Таблица 1

Основной мотив занятий традиционными видами хозяйственной деятельности у представителей КМНС

<i>Варианты ответов</i>	<i>Число ответивших</i>	<i>% от числа опрошенных</i>
Образ жизни	278	74,1
Получение удовольствия	136	36,3
Основной источник существования	71	18,9
Не смог жить в современном мире и выбрал образ жизни своих предков	71	18,9
Получение дополнительного дохода	60	16,0
Получение прибыли	39	10,4
Не смог адаптироваться к условиям жизни и нетрадиционной среде	18	4,8
Другое	8	2,1
Затрудняюсь ответить	9	2,4
Итого	375	100,0

Процесс освоения и развития северных районов связан с решением ряда важнейших проблем, в частности с созданием условий для сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера и принятием необходимых мер по созданию условий проживания и повышению жизненного уровня населения (коренного и пришлого) этих районов. Согласно проведённым опросам, на вопрос: «Как, по Вашему мнению, строятся взаимоотношения промышленников с владельцами родовых угодий и общинами малочисленных народов Севера?» были получены следующие ответы (табл. 2):

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, должны строиться взаимоотношения недропользователей с владельцами родовых угодий КМНС?»

<i>Варианты ответов</i>	<i>Число ответивших</i>	<i>% от числа ответивших</i>	<i>% от числа опрошенных*</i>
На основе заключения экономических соглашений	230	63,7	61,3
На арендной основе, путём заключения договора аренды	96	26,6	25,6
Другое	16	4,4	4,3
Затрудняюсь ответить	59	12,5	15,7
Итого	375		100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Как видно из табл. 2, значительное большинство опрошенных (61,3%) высказало мнение о том, что взаимоотношения между владельцами ТТП и недропользователями должны строиться только на договорной основе (имеется в виду заключение экономических соглашений), 25,6% опрошенных считают, что взаимоотношения должны строиться на арендной основе, путём заключения договора аренды между Администрацией округа (или представителями местных администраций), недропользователями и владельцами родовых угодий.

Кроме того, незначительное количество респондентов в графе «Другое» дали ответы следующего содержания: не признаю родовые угодья (общины); я противник родовых угодий (общин); не в курсе; их у нас нет; не знаем, это бесполезно и т. п.; 15,7% респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Как было отмечено выше, большинство нефтяных и газовых компаний, работающих на территории ХМАО — Югры, практикуют заключение экономических соглашений (договоров) с коренным населением о компенсациях за использование участков территорий традиционного природопользования. Ежегодно в рамках экономических соглашений КМНС, являющимся субъектами права территорий традиционного природопользования, выделяется более 500 млн руб., при этом около 80% выплат производится проживающим на территории Сургутского района. Главную роль в структуре выделенных денежных средств в пользу КМНС играют компенсационные выплаты, снабжение материально-техническими средствами (снегоходами, строительными материалами, лодочными моторами, спецодеждой и др.) и оказание транспортных услуг (вертолёт, автотранспорт).

В процессе исследований нами ставилась задача выяснить мнение респондентов о том, могут ли экономические соглашения, заключаемые между недропользователями и владельцами ТТП, обеспечить общины и компенсировать их затраты? Отвечая на соответствующий вопрос, 50,7% респондентов отметили, что «Да, могут». «Нет, не могут», сказали 31,7% респондентов (рис. 1). 17,6 % респондентов отметили, что экономическое соглашение — это простая формальность для отвода глаз.

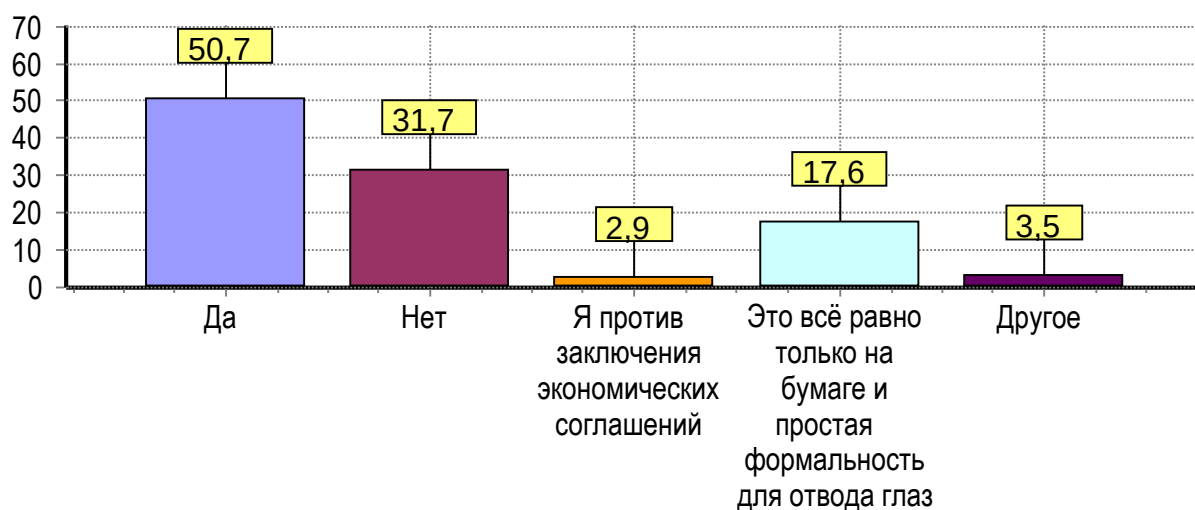

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, экономические соглашения, заключаемые между недропользователями и владельцами родовых угодий, могут обеспечить общины и компенсировать их затраты?», в % [11, с. 38]

На вопрос: «Какие у Вас сложились отношения с недропользователями?» (табл. 3), относительное большинство респондентов (35,7%) ответили, что всякое бывает, 30,7% респондентов сообщили, что совершенно не соприкасаются с недропользователями, 24,3% от-

ветили, что они сотрудничают с недропользователями. Лишь 5,6% респондентов считают, что их отношения с недропользователями бывают конфликтными.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие у Вас сложились отношения с недропользователями?»

<i>Варианты ответов</i>	<i>Число отве- тивших</i>	<i>% от числа отве- тивших</i>	<i>% от числа опрошен- ных*</i>
Отношения сотрудничества	91	25,5	24,3
Конфликтные отношения	21	5,9	5,6
Всякое бывает	134	37,5	35,7
Совершенно не соприкасаюсь с ними	115	32,2	30,7
Затрудняюсь ответить	18		4,8
Итого	375		100,0

** Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.*

Для сравнения укажем, что результаты исследований, проведённые сотрудниками Сургутского госуниверситета (г. Сургут) и Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск), показывают, что взаимоотношения традиционного хозяйства и нефтегазового комплекса к настоящему времени являются во многом неурегулированными. Об этом свидетельствует высокая степень социально-психологической напряжённости в данной сфере, выявленная в социологическом опросе. Ответы на вопрос: «Какие отношения сложились у вас с нефтегазодобытчиками, геологами?», поставленный перед владельцами родовых угодий, распределились следующим образом: 18% наших респондентов (владельцев родовых угодий) охарактеризовали эти отношения в основном как отношения сотрудничества, но 22,5% — как в основном конфликтные; 43,2% владельцев родовых угодий считают, что в их отношениях с нефтяниками есть и сотрудничество, и конфликтность («всякое бывает»); 16,2% респондентов не дали ответа на этот вопрос, поскольку не соприкасались с деятельностью нефтяников [12]. Таким образом, доля лиц из числа владельцев угодий, оценивающих свои отношения с нефтяниками как конфликтные, больше, чем доля тех, кто оценивает эти отношения как в основном отношения сотрудничества. Причём, так или иначе, но наличие конфликтности отмечают все владельцы родовых угодий, соприкасающиеся с деятельностью нефтегазового комплекса.

На наш вопрос: «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Вы непосредственно пострадали от деятельности недропользователей?», большинство респондентов (64,0%) ответили отрицательно. Считают, что пострадали от деятельности недропользователей 27,7% респондентов (рис. 2).

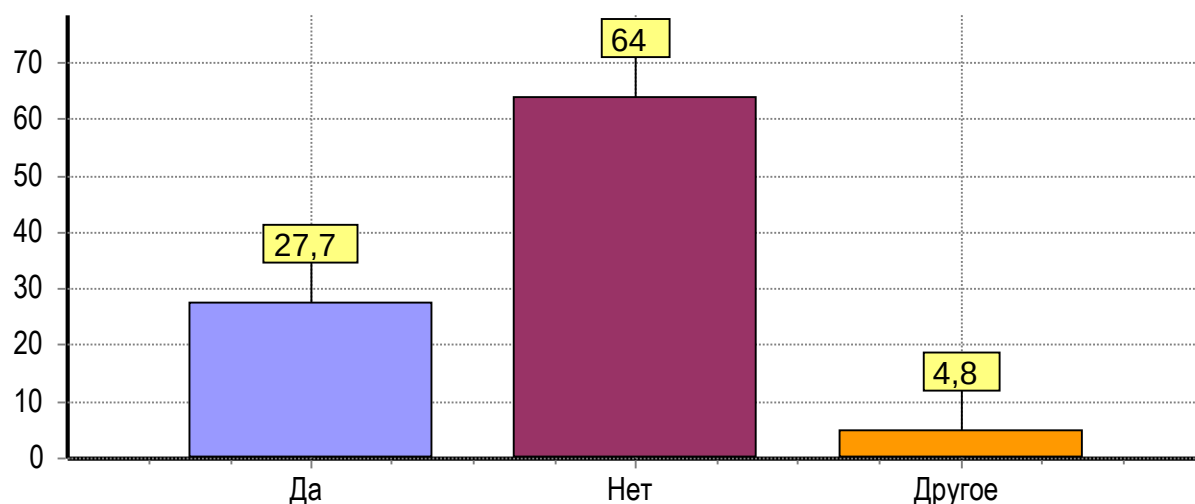

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Были ли случаи в Вашей жизни, когда Вы непосредственно пострадали от деятельности недропользователей?», в% [11, с. 40]

Отвечая на вопрос: «Если да, то укажите, в чём это проявилось?» (табл. 4), респонденты сообщили о следующих фактах: разлив нефти (10,9%), перекрытие реки (9,1%), пожары (1,6%) и промышленные свалки (0,5%).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Если да, то укажите, в чем это проявилось?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Разлив нефти	41	49,4	10,9
Перекрытие рек	34	41,0	9,1
Пожары	6	7,2	1,6
Промышленные свалки	2	2,4	0,5
Затрудняюсь ответить	292		77,9
Итого	375		100,0

Один из вопросов касался проблемы дальнейших взаимоотношений владельцев ТТП и недропользователей. Большинство респондентов (59,7%) полагает, что в будущем необходимо взаимовыгодное сотрудничество. 20,0% респондентов считают, что деятельность недропользователей на ТТП следует ограничить. Лишь 6,9% респондентов считают, что деятельность недропользователей на ТТП необходимо полностью прекратить (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы думаете по поводу того, как в будущем должны складываться Ваши отношения с недропользователями?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Считаю, что необходимо взаимовыгодное сотрудничество	224	62,7	59,7
Считаю, что их деятельность в местах ТП надо ограничить	75	21,0	20,0
Считаю, что их деятельность в местах ТП надо полностью прекратить	26	7,3	6,9
Затрудняюсь ответить	70	14,6	18,7
Итого	375		100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

В процессе исследований было необходимо определить позицию представителей КМНС на местах касательно адресатов получения компенсационных выплат по экономическим соглашениям (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «По Вашему мнению, полученные компенсационные выплаты по экономическим соглашениям надо направлять»:

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Владельцам ТТП (родовых угодий, общин)	310	85,2	82,7
Коренным жителям близлежащих населённых пунктов	42	11,5	11,2
Коренным жителям района	17	4,7	4,5
Коренным жителям округа	20	5,5	5,3
Затрудняюсь ответить	11		2,9
Итого	375		100,0

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Из данных, представленных в табл. 6, видно, что абсолютное большинство респондентов (82,7%) считает, что полученные компенсационные выплаты по экономическим соглашениям необходимо направлять владельцам ТТП (родовых угодий, общин). 11,2% респондентов думают, что выплаты нужно направлять коренным жителям близлежащих населённых пунктов. Лишь немногие (4,5% и 5,3% респондентов) согласны делиться выплатами с коренными жителями района и округа соответственно.

По мнению В.Н. Беляева и др. [13], при совершенствовании экономических соглашений с недропользователями, в части платежей за недра, выделяемых для решения задач социально-экономического развития малочисленных народов и этнических групп, вопрос об индивидуальных долях обсуждению подлежать не должен. Или, как отмечает исследователь Ю.В. Попков [14], «через экономические соглашения аборигены удовлетворяют лишь интересы выживания, причём можно сказать, выживания индивидуального (семейного), но не интересы развития, тем более выражающие потребности всего этноса как целого». По его мнению, средства и платежи по экономическим соглашениям должны распределяться не конкретному (индивидуальному) владельцу, а в пользу всего коренного населения.

Заключение

Результаты проведённых исследований показывают, что основным мотивом, побуждающим к занятиям традиционными видами хозяйственной деятельности, у представителей КМНС является сохранение образа жизни.

Большинство опрошенных полагает, что взаимоотношения между владельцами ТТП и недропользователями должны строиться только на договорной основе (имеется в виду заключение экономических соглашений). Более половины респондентов отметили, что экономические соглашения, заключаемые между недропользователями и владельцами ТТП, могут частично компенсировать их затраты и обеспечить общины. С другой стороны, меньшая

часть опрошенных демонстрирует недоверие к данной форме отношений, считая экономическое соглашение пустой формальностью для отвода глаз.

Большинство респондентов сообщает, что во взаимоотношениях между владельцами ТТП и недропользователями бывают разногласия. Однако лишь небольшая часть респондентов отметила, что их отношения с недропользователями бывают конфликтными. Тем не менее значительное большинство респондентов не испытывало на себе отрицательного воздействия недропользователей. Лишь меньшинство респондентов считает себя пострадавшими от их деятельности. В качестве отрицательных факторов приводят в пример следующее: разлив нефти, пожары, промышленные свалки и перекрывание рек.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено Обско-угорским институтом прикладных исследований и разработок в 2016 г. в соответствии с соглашением о сотрудничестве между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и компанией «Салым Петролеум Девелопмент Н.В.» от 07 июня 2013 г. (№ 314/15 от 21.07.2015 г.).

Литература

1. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Федеральный закон // Сб. законодательных и правовых актов в области землепользования коренными малочисленными народами Севера и их взаимоотношений с недропользователями (извлеч.). Ханты-Мансийск, 2001. С. 25–28.
2. Клоков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экологические проблемы). М., 1998. 517 с.
3. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: Издание ИЭА РАН, 2012. 204 с.
4. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природоресурсных районов Севера. Екатеринбург: Инст-т экономики УрО РАН, 2007. 311 с.
5. Новикова Н.И. Взаимодействие коренных малочисленных народов и промышленных компаний // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: Издание ИЭА РАН, 2012. С. 22–37.
6. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. Москва: Наука, 2014. 407 с.
7. Хакназаров С.Х. Рецензия на монографию Н.И. Новиковой «Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии» // Вестник угроведения. 2016. № 1(24). С. 184–186.
8. Логинов В.Г., Мельников А.В. Этнические и институциональные аспекты освоения природных ресурсов севера // Экономика региона. 2013. № 1(33). С. 96–104.
9. Новикова Н.И. Нефть, газ, коренные народы: кто напишет правила? // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 124–137.
10. Потравный И.М., Гассий В.В., Черноградский В.Н., Постников А.В. Социальная ответственность компаний-недропользователей на территории традиционного природопользования как основа партнерства власти, бизнеса и коренных малочисленных народов Севера // Арктика: экология и экономика. № 2(22). 2016. С. 56–63.
11. Хакназаров С.Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов Севера ХМАО — Югры (по материалам социологических исследований). Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.

12. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазового комплекса (Социологическое исследование в Ханты-Мансийском автономном округе). Новосибирск: Наука, 2002. 254 с.
13. Беляев В.Н., Игнатьева М.И. и др. Совершенствование экономических взаимоотношений коренных малочисленных народов и недропользователей // Коренные народы. Нефть. Закон: тезисы докл. междунар. конф. Ханты-Мансийск, 1998. С. 46–47.
14. Попков Ю.В. Народы Севера и нефть: конфликты и компромиссы // Коренные народы. Нефть. Закон: материалы междунар. конф. Москва, 2001. С. 129–132.

References

1. O territoriyakh traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Federal'nyi zakon [About territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: Federal law]. *Sb. zakonodatel'nykh i pravovykh aktov v oblasti zemlepol'zovaniya korennymi malochislennymi narodami Severa i ikh vzaimootnoshenii s nedropol'zovateli (izvlech.)* [Comp. of legal acts on the land use of indigenous peoples of the North and their relations with subsoil users]. Khanty-Mansyisk, 2001, pp. 25–28. (In Russ.)
2. Klovov K.B. *Traditsionnoe prirodopol'zovanie korennykh malochislennykh narodov Severa (geograficheskie i sotsial'no-ekologicheskie problemy)* [Traditional environmental management of indigenous ethnic groups of the North (geographical and social and ecological problems)]. Moscow, 1998, 517 p. (In Russ.)
3. *Sever i severyanе. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. Modern status of indigenous ethnic groups of the North, Siberia and the Far East of Russia]. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2012, 204 p. (In Russ.)
4. Loginov V.G. *Sotsial'no-ekonomicheskaya otsenka razvitiya prirodoresursnykh raionov Severa* [Social and economic assessment of development of nature-resource regions of the North]. Yekaterinburg, Institute of Economics of the RAS (Ural Branch) Publ., 2007, 311 p. (In Russ.)
5. Novikova N.I. *Vzaimodeistvie korennykh malochislennykh narodov i promyshlennykh kompanii* [Interaction of indigenous ethnic groups and industrial companies]. *Sever i severyanе. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii*. Moscow, IEA of the RAS Publ., 2012, pp. 22–37. (In Russ.)
6. Novikova N.I. *Okhotniki i neftyanniki: issledovanie po yuridicheskoi antropologii* [Hunters and oil industry workers: research on legal anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2014, 407 p. (In Russ.)
7. Khaknazarov S.Kh. *Retsenziya na monografiyu N.I. Novikovoі «Okhotniki i neftyanniki: issledovanie po yuridicheskoi antropologii»* [Review of the monograph of N.I. Novikova “Hunters and oil workers: researches on legal anthropology”]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2016, no. 1(24), pp. 184–186.
8. Loginov V.G., Mel'nikov A.V. *Etnicheskie i institutsional'nye aspekty osvoeniya prirodnnykh resursov severa* [Ethnic and institutional aspects of natural resources of the North]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2013, no. 1(33), pp. 96–104.
9. Novikova N.I. *Neft', gaz, korennye narody: kto napishet pravila?* [Oil, gas, and indigenous people: who will write rules?]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 2016, no. 3(26), pp. 124–137.
10. Potravnyi I.M., Gassii V.V., Chernogradskii V.N., Postnikov A.V. *Sotsial'naya otvetstvennost' kompanii nedropol'zovatelei na territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya kak osnova partnerstva vlasti, biznesa i korennykh malochislennykh narodov Severa* [Social responsibility of companies – subsoil users in the territory of traditional environmental management as a basis of partnership of the power, business and indigenous ethnic groups of the North]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: ecology and economy], 2016, no. 2(22), pp. 56–63.
11. Khaknazarov S.Kh. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov Severa KhMAO-Yugry (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Problems of social and economic development of territories of traditional environmental management of indigenous people of the North of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (on

- materials of sociological researches)]. Khanty-Mansyisk, Yugorskii format Publ., 2016, 100 p. (In Russ.)
12. Markhinin V.V., Udalova I.V. *Traditsionnoe khozyaistvo narodov Severa i neftegazovogo kompleksa (Sotsiologicheskoe issledovanie v Khanty-Mansiiskom avtonomnom okruge)* [Traditional economy of peoples of the North and oil and gas complex (a sociological research in Khanty-Mansi Autonomous Okrug)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 254 p. (In Russ.)
 13. Belyaev V.N., Ignat'eva M.I. Sovershenstvovanie ekonomicheskikh vzaimootnoshenii korennykh malochislennykh narodov i nedropol'zovatelei [Improvement of economic relationship of indigenous ethnic groups and subsoil users]. *Korennye narody. Neft'. Zakon: Tezisy dokl. mezhdunar. konf.* [Indigenous peoples. Oil. Law. Theses of reports of an international conference], Khanty-Mansyisk, 1998, pp. 46–47. (In Russ.)
 14. Popkov Yu.V. Narody Severa i neft': konflikty i kompromissy [Peoples of the North and oil: conflicts and compromises]. *Korennye narody. Neft'. Zakon: Tezisy dokl. mezhdunar. konf.* [Indigenous peoples. Oil. Law. Materials of an international conference]. Moscow, 2001, pp. 129–132. (In Russ.)

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК [94(470.21)''1863/1920'':325](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.134

Новая книга по истории колонизации Мурманского берега *

© **ГЕРАСИМОВ Дмитрий Александрович**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: dmitry.gera@mail.ru

Филиал Российского государственного социального университета, Мурманск, Россия

Аннотация. Рецензия на книгу П.В. Федорова и А.А. Малашенкова «Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.)». На основе обработки комплекса метрических книг в новом издании представлены сведения о 2 524 лицах православного вероисповедания, похороненных на Мурманском берегу или утонувших в море в 1863–1920 гг. Авторы выявили демографическую статистику периода зарождения населённых пунктов с постоянным населением. Книга уточняет представление о «культурной почве», местных и семейно-генеалогических структурах Русской Арктики, вносит вклад в историческую персонификацию Мурманского берега.

Ключевые слова: смертность, метрические книги, Мурманский берег, Кольский Север, Арктика, колонизация, демография, некрополь.

A new book on the history of the Murman coast colonization

© **Dmitry A. GERASIMOV**, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-mail: dmitry.gera@mail.ru

The branch of the Russian State Social University in Murmansk, Murmansk, Russia

Abstract. The review of the book by P.V. Fedorov and A.A. Malashenkov "Soil on the Northern rocks: Orthodox necropolis of the Murmansk coast of the Barents Sea (1863–1920)". The study based on the processing of metrical books made it possible to publish the information about 2,524 persons of the Orthodox religion buried on the Murmansk coast, or drowned in the sea in 1863–1920. The Authors found the demographic statistics related to the appearance of the settlements with permanent population. The book clarifies the idea of "cultural soil", local and family-genealogical structures in the Russian Arctic, and it also contributes to the historical personification of the Murmansk coast.

Keywords: mortality, metrical books, the Murman coast, the Kola North, the Arctic, colonization, demography, necropolis.

В 2017 г. в Санкт-Петербурге вышло новое совместное издание доктора исторических наук П.В. Федорова и историка-библиографа А.А. Малашенкова «Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.)». Новая книга носит научно-справочный характер, по сути являясь продолжением предыдущего масштабного исследования тех же авторов по материалам старинного города Кола [1].

* Для цитирования:

Герасимов Д.А. Новая книга по истории колонизации Мурманского берега // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 134–137. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.134

For citation:

Gerasimov D.A. A new book on the history of the Murman coast colonization. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 134–137. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.134

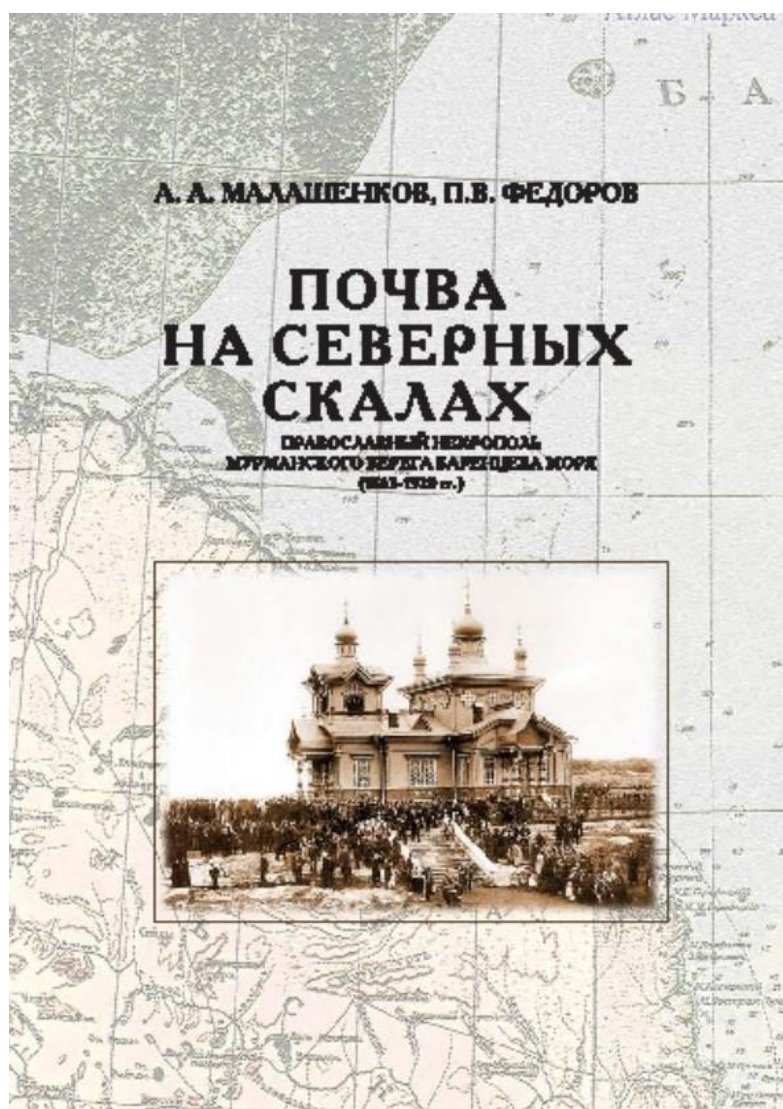

Рис. 1. Обложка книги «Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.)»

Центром внимания исследователей стал процесс заселения Мурманского берега, начавшийся в 1860-е гг. и отражённый в метрических книгах православной церкви. Территориальные рамки исследования включают только Мурманский берег: от норвежской границы до мыса Святой Нос. Город Кола и лопарские погосты не рассматривались авторами в составе Мурманского берега ввиду их культурной непохожести на прибрежную полосу [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 12].

Хронологические рамки исследования охватывают 1863–1920 гг.: именно за этот период сохранился основной массив метрических книг. В предисловии к книге даётся краткий исторический очерк, обзор источников и историографии, на основе выявленной авторами статистики анализируются демографические процессы, которые сопровождали колонизацию Мурманского берега.

Полученные данные были обобщены в 42 таблицах. Так, по имеющимся данным, 60 мест захоронения лиц православного исповедания равномерно распределены по всему побережью, что ставит под сомнение распространённую точку зрения, что на Западном Мур-

мане количественно доминировали лютеране (финны и норвежцы), в отличие от Восточного Мурмана [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 19–20; 3, Ушаков И.Ф., с. 111–112]. На основе имеющихся данных можно говорить о преувеличении значения норвежского фактора в колонизации Мурманского берега, как это делают некоторые современные авторы из Норвегии [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 6–7].

Причём если в годы Первой мировой войны на Мурмане оказались выходцы из большинства губерний Российской империи, то до 1914 г. миграция охватывала в основном Кольский Север и Архангельскую губернию. Тем самым сезонная колонизация Мурмана, начавшаяся усилиями русских рыбопромышленников на заре рыбного промысла в XVI в. и продолжавшаяся в течение трёх столетий, стала прологом заселения побережья в период правительственной колонизации [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 22].

Особенностью Мурманского берега была более низкая средняя продолжительность жизни по сравнению с остальной страной. Кроме того, авторами отмечено, что в среднем на каждую умершую женщину приходилось два умерших мужчины. Тем самым основными жителями Мурманского берега стало приходящее население, но данный дисбаланс медленно сокращался вплоть до Первой мировой войны, что, по мнению авторов, свидетельствовало о формировании на Мурмане постоянного, уже вполне сельского населения.

Авторы уделили большое внимание изучению смертности по различным причинам, рассмотрев все случаи, указанные в метрических книгах. На первых местах в причинах смерти были инфекционные заболевания — 38,2%, заболевания младенцев — 20,1%, и утопление — 8,2%. Тем самым на Мурмане существовали санитарно-гигиенические проблемы, отягощённые недостаточностью медицинской помощи [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 24].

Основную часть книги составляет свод всех умерших на Мурманском берегу по данным метрических книг, в которую вошли сведения о 2 524 лицах: антропонимические данные, даты рождения и смерти, социальный статус, причины смерти, место регистрации смерти, место погребения.

Приводимая в таблицах половозрастная структура включает в себя только четыре возрастные группы: 0–3, 4–15, 16–59 и выше 60. Использование таких интервалов не даёт полной возможности проследить точную демографическую динамику. Возможно, лучше было использовать более дробную структуру или, что касается женщин, можно было выделить группу женщин репродуктивного возраста — 15–49 лет. Для наглядного представления возрастной и половой структур населения Мурмана можно использовать так называемую возрастно-половую пирамиду, например, по данным переписи 1897 г.

Вызывает сожаление, что соавторы не стали отслеживать динамику демографических показателей в рамках годовых циклов, связанных с сезонностью промыслов, как в предыдущей работе [1, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 10–16].

Исследователи использовали данные метрических книг по городу Мурманску за 1916–1920 г. и фактически ввели в оборот имена перво жителей города, который был осно-

ван в 1916 г. Вместе с тем сведения по Мурманску не полностью охватывают смертность в этот период, что признают и сами авторы, которые пишут, что метрические книги отражали информацию о той части населения, «которой признавались и соблюдались православные обряды» [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 16].

После свержения белой власти в Мурманске было похоронено несколько десятков человек на месте будущего памятника Жертвам Революции [4, Федоров П. В., Синицкий А.Н., с. 155–156]. В основном это были истощённые узники Иоканьгской тюрьмы, которых перевозили в Мурманск вскоре после установления Советской власти. Авторы же дают имена только 4 жертв, погибших в ходе пробольшевистского переворота 21 февраля 1920 г. и записанных в метрических книгах [2, Малашенков А.А., Федоров П.В., с. 15]. Так что жертв на самом деле, конечно, было больше [5, Герасимов Д.А., с. 164–166]. Впрочем, данное замечание скорее характеризует особенности массового источника, к публикации и анализу которого обратились авторы книги.

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что новое издание позволяет получить довольно качественное представление о «культурной почве» Мурманского берега в последней трети XIX в. — начале XX в. Оно не только убедительно извлекает отсутствовавшую в распоряжении исследователей статистику, но и позволяет реконструировать местные и семейные структуры на основании генеалогических изысканий и исторической персонификации по Мурманскому берегу.

Литература

1. Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX — первая четверть XX в.): Историко-генеалогический атлас. Мурманск, 2010–2011. Части I–II. Доп. часть. 280 с.
2. Малашенков А.А., Федоров П.В. Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.). СПб.: МБИ, 2017. 632 с.
3. Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 320 с.
4. Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. Мурманск: Кн. изд-во, 2008. 208 с.
5. Герасимов Д.А. Политическое развитие Мурман в 1917–1920 годах: дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2004. 182 с.

References

1. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. *Kolyane (XIX — pervaya chetvert' XX v.): Istoriko-genealogicheskii atlas* [Kolyane (XIX — first quarter XX centuries): historical and genealogical atlas. Part I–II]. Murmansk, 2010–2011, Parts I–II, 280 p. (In Russ.)
2. Malashenkov A.A., Fedorov P.V. *Pochva na severnykh skalakh: Pravoslavnyi nekropol' Murmanskogo berega Barentseva morya (1863–1920 gg.)* [The soil on the Northern rocks: Orthodox necropolis of the Murmansk coast of the Barents Sea (1863–1920)]. Saint Petersburg, International Banking Institute Publ., 2017, 632 p. (In Russ.)
3. Ushakov I.F. *Kol'skii Sever v dosovetskoe vremya: Istoriko-kraevedcheskii slovar'* [Kola North in pre-Soviet times: local history dictionary]. Murmansk, 2001, 320 p. (In Russ.)
4. Fedorov P.V., Sinitskii A.N. *Murmanskii nekropol'* [Murmansk necropolis]. Murmansk, 2008, 208 p. (In Russ.)
5. Gerasimov D.A. *Politicheskoe razvitie Murmana v 1917–1920 godakh: dis. ... kand. ist. nauk* [Political development of Murman in 1917–1920: Cand. Sci. (Hist.) Diss.]. Murmansk, 2004, 182 p.

УДК 910.4(98+470.1/.2)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.138

«Русская Арктика» завершила серию книг по истории освоения архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля *

© ПЕТРОВА Юлия Сергеевна

E-mail: petrova@rus-arc.ru

Национальный парк «Русская Арктика», Архангельск, Россия

Аннотация. В статье дан краткий обзор серии книг, подготовленных к печати в период с 2012 по 2017 гг. заместителем директора национального парка «Русская Арктика», к.г.н. Виктором Кузнецовым и Заслуженным художником РФ Алексеем Григорьевым. Серия посвящена истории освоения сегодняшней территории национального парка, расположенного в Архангельской области, — арктических архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. В статье подчёркнута особая значимость формата иллюстрированного издания, который был выбран соавторами для серии, что позволило им достичь поставленной цели: интересное сочетание художественного подхода и исторического содержания делает книги Кузнецова В.С. доступными для массового читателя. В статье приводится краткое содержание всех пяти книг серии: «История трёх «столиц» арктического архипелага Земля Франца-Иосифа» (2012), «Притяжение земли» (2013), «От воздушного шара до полярной авиации» (2014), «Тайны жизни во льдах» (2015), «Морской путь в Арктику» (2017).

Ключевые слова: *Русская Арктика, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, история, туризм.*

“Russian Arctic” has completed a series of books on the exploration history of Franz Josef Land and Novaya Zemlya archipelagoes

© Julia S. PETROVA

E-mail: petrova@rus-arc.ru

The National Park “Russian Arctic”, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article presents a brief overview of a series of books prepared in 2012–2017 by the Deputy Director of the National Park “Russian Arctic”, Cand. Sci. (Geogr.) Victor Kuznetsov and Honored artist of the Russian Federation Alexey Grigoriev. The series is devoted to the exploration history of the National Park’s area located in the Arkhangelsk Oblast — the Arctic archipelagoes of Novaya Zemlya and Franz Josef Land. The article emphasizes the special importance of the illustrated edition, chosen by the co-authors, which allowed them to achieve a goal: an interesting combination of artistic approach and historical content makes the V.S. Kuznetsov’s books accessible to the public reader. The article provides a summary of all five books of the series: “The history of three “capitals” of the Arctic archipelago Franz Josef Land” (2012), “Gravity of the Earth” (2013), “From the balloon to the Polar aviation” (2014), “Secrets of the life in the ice” (2015), “A sea route to the Arctic” (2017).

Keywords: *the Russian Arctic, Franz-Joseph Land, Novaya Zemlya, history, tourism.*

Издательская деятельность является для национального парка «Русская Арктика» одним из направлений работы в рамках экологического просвещения населения. Рассказать об

* Для цитирования:

Петрова Ю.С. «Русская Арктика» завершила серию книг по истории освоения архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля // Арктика и Север. 2018. № 30. С. 138–144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.138

For citation:

Petrova Ju.S. “Russian Arctic” has completed a series of books on the exploration history of Franz Josef Land and Novaya Zemlya archipelagoes. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 30, pp. 138–144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30.138

уникальной, но удалённой и труднодоступной территории архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа так, чтобы увлечь читателя, погрузить его в суровую атмосферу вечных льдов, — такую задачу несколько лет назад поставил перед собой один из первых сотрудников национального парка, заместитель директора по экологическому просвещению и туризму, кандидат географических наук, действительный член Русского Географического общества Виктор Кузнецов.

Виктор Сергеевич знаком с высокими широтами не понаслышке. Бывал в разных арктических районах с 1973 г., тогда ещё работая в Северном УГМС. Когда в 2011 г. пришёл в «Русскую Арктику», начал сопровождать круизные туристические рейсы к Северному полюсу и островам Земли Франца-Иосифа. И, по его словам, на борту ледоколов столкнулся с тем, что организаторы рейсов — как правило, крупные зарубежные компании, недостаточно полно и глубоко знают историю освоения, природные особенности нашей заповедной территории.

«Мне стало очевидно, что интерес посетителей к «Русской Арктике» растёт, но на тот момент у них не было возможности, следуя на современном комфортабельном ледоколе к Северному полюсу, в свободное время познакомиться с публикациями о Земле Франца-Иосифа», — рассказывает Виктор Кузнецов.

Так появилась сначала идея, а затем и первая специальная публикация об этом архипелаге — путеводитель на русском и английском языках, где тексты сопровождались иллюстрациями, выполненными профессиональным художником.

В процессе создания путеводителя у автора возник неподдельный интерес к различным историческим событиям, в разное время происходившим в Арктике и на Земле Франца-Иосифа в частности. «На островах сохранились постройки первооткрывателей архипелага, руины первых арктических зимовий, мы изучаем и показываем посетителям следы устройства полевых баз экспедиций энтузиастов, стремившихся к покорению Северного полюса. Так полевая работа в группе госинспекторов, сопровождающих круизные рейсы, вдохновила написать книгу по истории трёх «столиц» архипелага Земля Франца-Иосифа», — вспоминает Кузнецов.

Идею сопроводить текст красочными иллюстрациями поддержал Заслуженный художник РФ Алексей Григорьев — человек, увлечённый Арктикой, её природой и историей. Первая книга творческого тандема рассказывает о трёх знаковых местах Земли Франца-Иосифа: базе британского исследователя Фредерика Джексона на мысе Флора острова Нортбрука (1894–1897), советской полярной станции Бухта Тихая на острове Гукера (1929–1959) и самой крупной во всей Российской Арктике научной обсерватории «Дружная» на острове Хейса, которая была открыта в 1957 г.

Почему были выбраны именно эти три «столицы»? Дело в том, что для каждого периода функционирования этих поселений присущи свои особенности и характеристики исторических событий и действия людей на архипелаге. Например, в составе экспедиции Джексона

было много учёных, и они впервые провели исследования в области метеорологии, земного магнетизма, геологии, ботаники, зоологии и гидробиологии на островах центральной части ЗФИ. Полученные результаты позволили составить общее описание природных условий архипелага.

Первая в Арктике советская полярная станция Бухта Тихая стала основанием для закрепления Земли Франца-Иосифа, как территории Архангельской области. Здесь впервые были развернуты исследования арктической атмосферы, были апробированы приборы для измерения параметров отдельных её слоев. Здесь же началось изучение ледников.

А на острове Хейса практически началась космическая эра на Земле, ведь именно отсюда были запущены первые метеорологические ракеты. В обсерватории «Дружная» отрабатывались методы ракетного зондирования атмосферы, началась регистрация всех компонентов электромагнитного поля Земли. Количество сотрудников обсерватории порой достигало 200 человек, и был открыт самый северный в стране детский сад.

Первая книга, которая открыла серию изданий, посвящённых «Русской Арктике», «История трёх «столиц» арктического архипелага Земля Франца-Иосифа», увидела свет в 2012 г.

На тот момент территорией национального парка являлась только северная часть архипелага Новая Земля и прилегающие небольшие острова, а Земля Франца-Иосифа была заказником федерального значения и была под управлением нацпарка. «Поэтому обойти вниманием Новую Землю мы никак не могли, — отмечает Виктор Кузнецов. — И, решив продолжить сотрудничество с Алексеем Семёновичем, принялись за работу над книгой, которую впоследствии назвали «Притяжение земли».

Издание представляет собой ретроспективу основных исторических событий, происходивших вокруг Новой Земли с момента зимовки экспедиции Виллема Баренца в бухте Ледяная Гавань до образования в 2009 г. национального парка «Русская Арктика». В книгу вошли разделы, посвящённые периоду освоения Новой Земли поморами, русским экспедициям XVII–XIX вв., исследованиям В.А. Русанова и Г.Я. Седова, а также описание работ, которые ко времени издания, декабрю 2013 г., были уже выполнены на территории сотрудниками национального парка.

«Работая над этой книгой в содружестве с Алексеем Григорьевым, мне стало понятно, что художественное оформление требует особо внимания. И вот почему, — вспоминает Виктор Кузнецов. — Наши издания ориентированы на массового читателя, в том числе на туриста круизного рейса, и потому должны не только давать объективную информацию о происходивших событиях, но также ярко и живо передавать силу духа, настроение участников этих событий. Поэтому было решено вторую книгу цикла, да и все последующие, издать уже в Северодвинской типографии, специалисты которой обладают большим профессиональным опытом в практике художественного оформления печатных изданий. И особенно я благодарен Алексею Семёновичу, что он в своих графических работах смог визуализировать все мои задумки».

Интересное сочетание художественного подхода и исторического содержания, которое отметили первые читатели этих изданий, решено было положить в основу дальнейшей работы. Тем более, что идея для следующей книги буквально витала в воздухе. И уже меньше, чем через год, в октябре 2014 г., в визит-центре национального парка состоялась презентация очередной книги «От воздушного шара до полярной авиации». Тогда как раз отмечали столетие первых арктических полётов российского пилота Яна Нагурского в районе Новой Земли, он совершил их на самолёте «Фарман МФ-11» с открытой кабиной. Эта дата и вдохновила Виктора Кузнецова, ведь он уверен: без полярной авиации в высоких широтах работать невозможно! «Освоение огромных арктических пространств трудно представить себе без использования летательных аппаратов. Это понимали и первооткрыватели, понимаем и мы. История освоения Арктики и история авиации неразрывно связаны между собой. В 1914 г. Ян Нагурский совершил первые полёты в Арктике в районе Новой Земли. Его задачей были поиски пропавших русских экспедиций Русанова и Брусилова. Следов пилот не обнаружил, но сегодня его имя увековечено в названии погранзаставы на острове Земля Александры, там действует аэродром. Это территория Архангельской области, и нам важно об этом помнить», — говорит Виктор Сергеевич.

Арктика — это стихия. В этой стихии основное место занимают лёд и ветер. Морская поверхность покрыта дрейфующими льдами, которые находятся в постоянном движении. Покровные ледники занимают 85% суши Земли Франца-Иосифа и 60% севера Новой Земли. Ледники на островах также находятся в медленном движении и, спускаясь в море, рождают айсберги. Неожиданная встреча судна с айсбергом грозит большими неприятностями. Человек в Арктике постоянно сталкивается со льдом и ледниками. Основные жизненные сюжеты, повествующие о борьбе человека с ледяной стихией и её использовании, нашли отражение в очередной книге «Тайны жизни во льдах» (2015).

Завершает серию из пяти иллюстрированных изданий о «Русской Арктике», созданных творческим тандемом, книга «Морской путь в Арктику». Она увидела свет в конце 2017 г., а презентована широкой общественности была в рамках «Дней Арктики» в Интеллектуальном центре САФУ. Книга посвящена истории развития мореплавания как направления человеческой деятельности и его роли в освоении и развитии арктического региона.

«Эта тема, нам кажется, особенно интересна для туриста, который находится на современном комфортабельном судне, на арктический остров выходит лишь на несколько часов, после чего возвращается в комфортные условия современного мира, — размышляет автор. — Конечно, ему интересно, с чего начиналось развитие мирового мореплавания, какие природные и человеческие силы использовались для движения судна по воде и как человеческий разум дошёл до возможности использования на морских судах атомных энергетических установок. Ведь именно на атомном ледоколе турист попадает сегодня на Северный полюс».

Несомненным украшением книги стал раздел, посвящённый роли Архангельска в развитии арктического мореплавания.

Добавим, что и это завершающее цикл издание, и все предшествующие можно найти в библиотеках города и области. Несколько раз эти книги становились финалистами и победителями областного конкурса «Книга года».

Рис. 1. В. Кузнецов на презентации книги «Морской путь в Арктику».

Фото Ю. Петровой

Листая книги Виктора Кузнецова, поражаешься, насколько точно автору удалось передать характеры людей, которые осваивали арктические пространства и шли на подвиг во благо Отечества, невероятное их мужество и стойкость духа. Ведь в современной жизни нам порой так не хватает именно этих романтических порывов и эмоций, которые двигали людьми прошлых эпох, заявившими о себе на арктических просторах.

Сведения об иллюстрированных изданиях «Русской Арктики», подготовленных в рамках серии:

«История трёх «столиц» арктического архипелага Земля Франца-Иосифа». Архангельск, 2012. 32 с.: ил. Тираж 500 экз.

Содержание:

- Мыс Флора
- Бухта Тихая
- Остров Хейса

«Притяжение земли». Архангельск, 2013. 40 с.: ил. Тираж 500 экз.

Содержание:

- Предисловие
- Первопроходцы
- Русские экспедиции
- Роль В.А. Русанова и Г.Я. Седова в освоении Новой Земли
- Коротко о советском периоде
- Начало работ в национальном парке «Русская Арктика»

«От воздушного шара до полярной авиации». Архангельск, 2014. 52 с.: ил. Тираж 500

экз.

Содержание:

- История воздухоплавания и зарождение авиации
- Первые попытки использования воздушного шара для достижения Северного полюса
- Полёты Яна Нагурского
- Амундсен и его трансарктические полёты
- Экспедиция на дирижабле «Италия»
- Экспедиция на дирижабле «Граф Цеппелин»
- Первая научная станция на Северном полюсе
- Полярная авиация

«Тайны жизни во льдах». Архангельск, 2015. 60 с.: цв. ил. Тираж 500 экз.

Содержание:

- Загадочные льдины
- Пассажиры льдины
- Ли Смит: первое строение
- Джексон и Нансен: начало удивительных встреч
- Американские экспедиции: плацдарм покорителей Северного полюса
- Итальянская экспедиция: первые потери в дрейфующих льдах
- В. Альбанов: воля, выдержка и настойчивость — залог успеха
- Георгий Седов: человеческий фактор
- Спасательные поисковые экспедиции: трудный путь поиска и долгожданные находки

«Морской путь в Арктику». Архангельск, 2017. 48 с.: цв. ил. Тираж 500 экз.

Содержание:

- Начало мореплавания
- Открытие полярных областей
- О роли Архангельска в развитии арктического мореплавания
- Принципы движения
- Наука и техника

Рис. 2. Книги В. Кузнецова с иллюстрациями А. Григорьева.
Фото Ю. Петровой

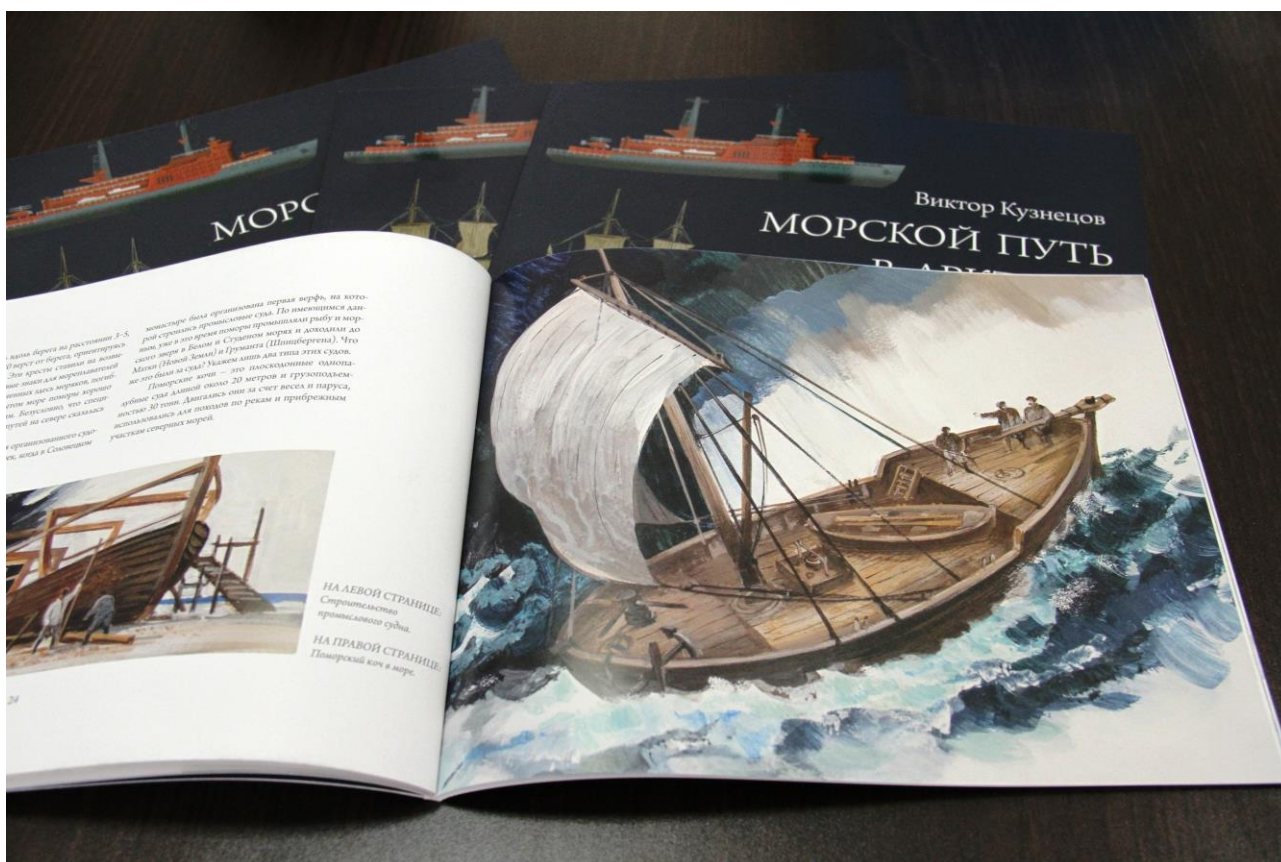

Рис. 3. Страницы книги «Морской путь в Арктику».
Фото Ю. Петровой

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS AND POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

ПЕТРОВ А.Н., ЗБЕЕД С.О., КАВИН Ф.А. Арктическая экономика знаний: географические аспекты производства новых знаний и технологий в Арктике

PETROV A.N., ZBEED S.O., CAVIN Ph. A. Arctic's knowledge economy: spatial patterns of knowledge and technology production in the Arctic

Аннотация. В центре внимания настоящей статьи — «другие» отрасли экономики, то есть не ресурсные, государственные сектора или традиционные формы хозяйствования в Арктике. Авторы рассматривают географию и возможности производства знаний с точки зрения инновационного процесса и его результатов в циркумполярном и локальном масштабах (на примере Аляски). Иными словами, в этой статье представлен первичный анализ «арктического варианта» экономики знаний. Авторы полагают, что Арктика обладает разнородным потенциалом человеческого капитала, занимающегося созданием новых знаний. Кластеры с высоким потенциалом знаний, как правило, расположены в крупных городах и региональных столицах. Анализ регистрации патентов на Аляске подтверждает эту закономерность, но одновременно представляет сложную и меняющуюся картину локализованных инноваций. Аляска демонстрирует ограниченные, хотя и растущие, разнообразные отрасли, производящие знания, значительную роль отдельных инвесторов и слабую связь с внешними кластерами знаний. Кроме того, очевидно, что производство знаний в Арктике имеет неразвитые циркумполярные связи и поэтому требует неотложных мер для стимулирования научно-исследовательского сотрудничества между частными и государственными исследователями и изобретателями в арктических государствах.

Ключевые слова: экономика знаний, Арктика, патент, инновации, развитие.

Abstract. This paper focuses on 'other,' i.e. non-resource, non-public sector and non-subsistence economies of the Arctic. We investigate the geography and assets of the Arctic's knowledge sector by examining both supply and output side of the knowledge production at the circumpolar and regional scales (using Alaska as a case study). In other words, this paper provides a first-cut analysis of the "Arctic variety" of the knowledge economy. We find that the Arctic has variable endowment with human capital engaged in new knowledge generation. Clusters of high knowledge potential tend to locate in larger cities and regional capitals. An analysis of patent registration in Alaska, confirms this pattern, but also reveals a complicated and evolving picture of localized innovation. Alaska demonstrates limited, albeit growing, variety knowledge-producing sectors, a strong role of individual investors and a weak connectivity with outside knowledge clusters. It is also evident that knowledge production in the Arctic has underdeveloped circumpolar linkages, and thus requires urgent efforts to stimulate research cooperation between private and public-sector inventors in the Arctic jurisdictions.

Keywords: knowledge economy, Arctic, patent, innovation, development.

СЕВАСТЬЯНОВ Д.В. Рекреационное природопользование и туризм в планах нового освоения Севера России

SEVASTYANOV D.V. Recreational nature management and tourism in the new development plans of the North of Russia

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы и перспективы развития рекреационного природопользования и туризма в Арктике в связи с

Abstract. The article is devoted to the problems and prospects for the recreational nature management development in the Arctic in connection

государственной «Стратегией развития Арктической зоны РФ и национальной безопасности на период до 2020 года». Рассмотрены современные тенденции развития круизного туризма, экологические проблемы Арктики и задачи рационального встраивания рекреационной и туристской деятельности в новое освоение Арктики и Севера. Результатом исследования является вывод о целесообразности интеграции туристско-рекреационной сферы в комплексный национальный мегапроект социально-экономического развития Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Арктика, природопользование, охрана природных ресурсов, национальные парки, Северный морской путь, круизный туризм.

ТОДОРОВ А.А. Подходы зарубежных стран к правовому регулированию разработки нефтегазовых ресурсов на шельфе Арктики

TODOROV A.A. Approaches of foreign countries to legal regulation of the oil and gas development on the Arctic continental shelf

Аннотация. В работе рассмотрены подходы США, Канады, Гренландии, Норвегии, Исландии к правовому регулированию деятельности компаний по разведке и добыче нефти и газа на шельфе Арктики. На основе анализа законодательных особенностей в каждом государстве выявлены общие характеристики, а также отличия в правовых подходах. Критериями для сравнения послужили проработанность правовой базы, правовая гибкость предписаний, разделение функций по регулированию разработки недр на шельфе и контролю государственных органов. Автор пришёл к выводу, что если в Исландии и Гренландии правовая база в исследуемой сфере находится на стадии разработки и опирается на международные стандарты, то Норвегия, напротив, является примером страны с проработанным законодательством, обеспечивающим ей мировое лидерство в нефтегазовой отрасли. США и Канада имеют разветвлённую систему регулирования деятельности нефтегазовых компаний на шельфе Арктики, которая, однако, характеризуется наличием жёстких стандартов, что способствовало оттоку частных операторов с арктического шельфа.

Ключевые слова: Арктика, добыча нефти и газа, национальное законодательство, арктический шельф.

with the state "Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and National Security for the Period up to 2020". The author considered modern trends in the development of cruise tourism, environmental problems of the Arctic and the task of embedding recreational and tourist activities in the complex redevelopment of the Arctic and the North. The result of the study is the conclusion about the expediency of integration of the tourist-recreational sphere into the complex project of social and economic development of the Arctic zone of the Russian Federation.

Keywords: the Arctic, nature management, protection of the natural resources, national parks, the Northern Sea Route, cruise tourism.

Abstract. The article studies the legal approaches of the USA, Canada, Greenland, Norway and Iceland towards regulation of the oil and gas drilling on the Arctic shelf. Similarities and differences in the legislation are highlighted on the basis of analyzing the legal provisions of each state. The criteria for the comparative analysis are the extent of legislation development, flexibility of provisions, division of regulative and control functions among the state bodies, etc. The author concludes that while legislation of Iceland and Greenland is only on its way to a final drafting and mainly refers to international standards, Norway, on the contrary, is an example of a state with well-developed legislation enabling it to be one of the leaders in oil and gas industry. Though the USA and Canada have elaborated system of regulation of oil and gas companies' activities on the Arctic shelf. Both are notable for strict provisions, that contributed to the outflow of private operators from the Arctic shelf.

Keywords: the Arctic, oil and gas activity, national legislation, the USA, Canada, Norway, Iceland, Greenland.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

ЗАЙКОВ К.С. Российско-норвежское пограничье в зарубежной историографии XX — начала XXI вв.

ZAIKOV K.S. Russian-Norwegian borderland in the foreign historical literature in the 20th — beginning of the 21st centuries

Аннотация. В статье представлен обзор зарубежных исследований по истории российско-норвежского пограничья периода XVI — начала XX вв. Доминирование эмпирического позитивизма и исторического национализма в описании истории разграничения Северного фронта привело к формированию достаточно устойчивых и односторонних интерпретаций процесса делимитации российско-норвежской границы в работах первой половины XX в. Воспринимая государство как априорно объективное явление, историки и правоведы рассматривали под «границей» статичный инструмент политической власти, игнорируя мультипространственность явления и вариативность его субъектов. В скандинавской историографии сложилась историческая традиция восприятия договора о разграничении «общих округов» 1826 г. как справедливого акта институционализации границ над некогда общим владением. В рамках этой традиции может показаться, что норвежские территориальные притязания не выглядят экспансивными в отношении России. Однако в среде скандинавских историков долгое время доминировала теория о том, что Российская Империя, движимая идеей перманентных территориальных расширений, создавала угрозу норвежскому Финнмарку, поэтому разграничение Северного фронта явилось дипломатической сделкой, направленной на создание легитимных барьеров дальнейшей русской экспансии через норвежское заполярье в Западную Европу. Таким образом, автор приходит к выводу, что в методологической перспективе тема эволюции российско-норвежского пограничья остается недостаточно разработанной в зарубежной историографии и требует пристального внимания для создания качественной реконструкции этапов развития российско-норвежского пограничья от территории с фронтальной конфигурацией политических рубежей в XIII — начале XIX вв. до пространства с герметичными политическими границами в XX в.

Ключевые слова: история, граница, фронт, историография, российско-норвежские отношения, российско-норвежское пограничье, саамы.

Abstract. The article presents a review of foreign research on the history of Russian-Norwegian borderland in 16th — early 20th centuries. The dominance of the empirical positivism and historical nationalism in the history of the Northern frontier delimitation led to the formation of a relatively stable and unilateral interpretations of the Russian-Norwegian border in the first half of the 20th century. The state was perceived as an a priori objective phenomenon. That's why historians and legal scholars understood the "border" as a static instrument of political power, ignoring its multipotential phenomena and variety of its subjects. The Scandinavian historiography has developed a historical tradition of perception of the Treaty 1826 on the delimitation of "common districts" as a fair act of institutionalization of borders over the common possession. As a part of this tradition, it may seem that Norwegian territorial claims did not look expansive in relation to Russia. However, for a long time the Scandinavian historians advocated the theory that the Russian Empire, driven by the idea of permanent territorial extensions, had posed a threat to the Norwegian Finnmark. So, the delineation of the Northern frontier was a diplomatic deal aimed at creating legitimate barriers to further Russian expansion in Western Europe through the Norwegian Arctic. Thus, the author comes to the conclusion that from the methodological perspective, the evolution of the Russian-Norwegian borderlands is still not sufficiently developed in foreign historiography and requires closer attention to create high-quality reconstruction of the Russian-Norwegian borderland evolution from the territory with frontlines configuration of political boundaries in the 13th century — the early 19th century to the space with a sealed political boundaries in the 20th century.

Keywords: history, border, frontier, historiography, the Russian-Norwegian relations, the Russian-Norwegian borderland, the Saami.

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ ETHNIC DIVERSITY OF THE RUSSIAN ARCTIC

ЖУРАВЕЛЬ В.П. Права коренных народов российской Арктики: проблемы и решения

ZHURAVEL V.P. Rights of the indigenous peoples of the Russian Arctic: problems and solutions

Аннотация. В статье раскрывается положение коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации, обращается внимание на нерешённые вопросы обеспечения коллективных прав коренных малочисленных народов в законодательном порядке определения их национальной принадлежности, области здравоохранения, оленеводства, регулирования процессов промышленного освоения территорий, образования, языка коренных малочисленных народов. Отмечается активность в деятельности Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. В заключении делается вывод о том, что, несмотря на существующие недоработки в результате самодостаточной общественно-государственной, этнонациональной политики в Российской Арктике, постепенно складывается работающая система, обеспечивающая соблюдение прав коренных малочисленных народов, их традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, арктические аборигены, традиционный образ жизни, виды традиционной хозяйственной деятельности, российское законодательство, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.*

Abstract. The article reveals the situation of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Russian Federation; it draws attention to the unresolved issues of the collective rights of the indigenous peoples, legal aspects of their ethnicity, public health, reindeer husbandry, industrial development of the territories, education and language. The author has noted activities of the Russian Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East. In conclusion, the author states that despite the existing shortcomings because of the self-sufficient public-state and ethnic policy, in the Russian Arctic, there is an ongoing system of ensuring rights of indigenous small-numbered peoples, their traditional way of life and economic activities.

Keywords: *indigenous small-numbered people, the Arctic natives, traditional way of life, traditional economics, Russian legislation, Russian Association of the Indigenous Small-numbered Peoples of the North, Siberia and Far East.*

МАКСИМОВ А.М., ВЕРЕЩАГИН И.Ф., ЗАДОРИН М.Ю. Методические проблемы эмпирических исследований этнополитических и этносоциальных процессов в регионах российской Арктики

MAKSIMOV A.M., VERESCHAGIN I.F., ZADORIN M.Yu. Methodical issues of the ethnopolitical and ethnosocial processes' empirical researches in the regions of the Russian Arctic

Аннотация. В статье рассматриваются методические аспекты эмпирического изучения этнополитических и этносоциальных процессов в регионах современной России. Продемонстрировано, что инструментарий количественных социологических исследований межнациональных и межконфессиональных отношений следует адаптировать для отдельных крупных культурно-исторических групп регионов. Так, например, в случае с Российской Арктикой важным субъектом этнонациональной политики являются коренные малочисленные народы, в связи с чем требуется введение дополнительных индикаторов, отражающих их культурное развитие и участие в этнополитических отношениях. Инструментарий эмпирических кроссре-

Abstract. The article considers the methodic aspects of empirical ethnopolitical and ethno-social research in the regions of the modern Russia. It is demonstrated that the tools for quantitative sociological research of interethnic and interdenominational relations should be adapted for large-scale cultural-historical groups of the regions. E.g., in the case of the Russian Arctic, the indigenous small-numbered peoples are an important subject of the ethnic policy, which requires the use of additional indicators that represent their cultural development and participation in ethnopolitical relations. The toolkit of empirical cross-regional studies usually includes the measurement of individual variables. The article proposes a more complex and systematic methodology based on the idea of con-

гиональных исследований обычно предполагает измерение отдельных переменных. В статье представлена более комплексная и системная методика, основанная на идее построения интегральных индексов, агрегирующих значения множества взаимосвязанных индикаторов. В целях анализа динамики этнических компонентов социальной системы региона предложен набор категорий, посредством которых возможно описание конфигурации основных этнических акторов и характеристика состояния политических и культурных институтов. Данные категории были операционализированы для политической, социетальной и социокультурной подсистем региона, результатом чего стала система индикаторов мониторинга этнополитических и этносоциальных процессов. В статье продемонстрирован пример процедуры построения интегрального индекса качества национальной политики (nationalities policy index) на основе совокупности индикаторов, введенных авторами для измерения этнополитических процессов в регионе. В заключение работы поставлены проблемы унификации процедур измерения данных, полученных посредством разных методов из качественно различающихся источников.

Ключевые слова: этнополитические процессы, этносоциальные процессы, интегральные индексы в социологии, этнокультурное разнообразие, межэтническая консолидация, национальная политика, Арктическая зона РФ.

structuring integral indices, aggregating the values of a set of related indicators. To analyze the dynamics of the ethnic components of the region's social system, a set of categories is proposed, through which it is possible to describe the configuration of the main ethnic actors and the state of political and cultural institutions. The categories were operationalized for the political, societal and socio-cultural subsystems of the region, resulting in a system of indicators for monitoring ethno-political and ethno-social processes. The article shows an example of the procedure for constructing an integral index of the ethnic policy' quality (nationalities policy index) based on indicators proposed by the authors for measuring ethno-political processes in the region. In the end of the paper, the major issues for the measuring the data unification got with the use of different methods from qualitatively different sources is set.

Keywords: ethno-political processes, ethno-social processes, integral indices in sociology, ethnocultural diversity, interethnic consolidation, ethnic policy, the Russian Arctic.

ХАКНАЗАРОВ С.Х. К вопросу о взаимодействии коренных народов Севера и промышленных компаний на примере Югры

KNAKNAZAROV S.Kh. On the interaction of indigenous peoples of the North and industrial companies: the case of Yugra

Аннотация. В данной работе обобщаются и анализируются результаты социологического исследования по проблемам социально-экономического развития территорий традиционного природопользования (ТТП) коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Цель и задачи исследования заключались в получении информации о социально-экономическом положении территорий традиционного природопользования и состоянии промыслов коренных малочисленных народов Севера. Результаты социологического исследования показывают, что основным мотивом, побуждающим к занятиям традиционными видами хозяйственной деятельности, у представителей коренных народов Севера является сохранение образа жизни. Большинство

Abstract. In this work the author generalized and analyzed the results of a sociological study on problems of social and economic development of the territories of the traditional environmental management (TTEM) of the indigenous ethnic groups of the North (IEGN). The purpose and research problems are consisted in obtaining information on economic and social conditions of territories of traditional environmental management and a condition of the IEGN's crafts. The results of a sociological research show, the main motive for traditional economic activity among the IEGN is preservation of the traditional lifestyle. Most of respondents believe that relationship between of the TTEM owners and subsoil users must be based only on a contractual basis (economic agreements). More than a half of

опрошенных полагает, что взаимоотношения между владельцами территории традиционного природопользования и пользователями недр должны строиться только на договорной основе (имеется в виду заключение экономических соглашений). Более половины респондентов полагает, что экономические соглашения, заключаемые между пользователями недр и владельцами ТТП, могут частично компенсировать их затраты и обеспечить общины. С другой стороны, незначительная часть опрошенных демонстрирует недоверие к данной форме отношений, считая экономическое соглашение пустой формальностью для отвода глаз. Лишь незначительная часть респондентов отметила, что их отношения с пользователями недр бывают конфликтными.

Ключевые слова: территория традиционного природопользования, народы Севера, респонденты, опрос, недропользователи, взаимоотношения, экономические соглашения, выплаты.

respondents believe that the economic agreements concluded between subsoil users and the TTEM owners can partially compensate their expenses and provide communities. On the other hand, an insignificant part of respondents shows mistrust to this form of the relations, saying that the economic agreement is just a formality. Only an insignificant part of respondents noted that their relations with subsoil users were conflict.

Keywords: territory of the traditional environmental management, peoples of the North, respondents, poll, subsoil users, relationship, economic agreements, payments.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ГЕРАСИМОВ Д.А. Новая книга по истории колонизации Мурманского берега
GERASIMOV D.A. A new book on the history of the Murman coast colonization

Аннотация. Рецензия на книгу П.В. Федорова и А.А. Малашенкова «Почва на северных скалах: Православный некрополь Мурманского берега Баренцева моря (1863–1920 гг.)». На основе обработки комплекса метрических книг в новом издании представлены сведения о 2 524 лицах православного вероисповедания, похороненных на Мурманском берегу или утонувших в море в 1863–1920 гг. Авторы выявили демографическую статистику периода зарождения населённых пунктов с постоянным населением. Книга уточняет представление о «культурной почве», местных и семейно-генеалогических структурах Русской Арктики, вносит вклад в историческую персонификацию Мурманского берега.

Ключевые слова: смертность, метрические книги, Мурманский берег, Кольский Север, Арктика, колонизация, демография, некрополь.

Abstract. The review of the book by P.V. Fedorov and A.A. Malashenkov "Soil on the Northern rocks: Orthodox necropolis of the Murmansk coast of the Barents Sea (1863–1920)". The study based on the processing of metrical books made it possible to publish the information about 2,524 persons of the Orthodox religion buried on the Murmansk coast, or drowned in the sea in 1863–1920. The Authors found the demographic statistics related to the appearance of the settlements with permanent population. The book clarifies the idea of "cultural soil", local and family-genealogical structures in the Russian Arctic, and it also contributes to the historical personification of the Murmansk coast.

Keywords: mortality, metrical books, the Murman coast, the Kola North, the Arctic, colonization, demography, necropolis.

ПЕТРОВА Ю.С. «Русская Арктика» завершила серию книг по истории освоения архипелагов Земля Франца-Иосифа и Новая Земля

PETROVA Ju. S. "Russian Arctic" has completed a series of books on the exploration history of Franz Josef Land and Novaya Zemlya archipelagoes

Аннотация. В статье дан краткий обзор серии книг, подготовленных к печати в период с 2012 по 2017 гг. заместителем директора национального парка «Русская Арктика», к.г.н. Виктором

Abstract. The article presents a brief overview of a series of books prepared in 2012–2017 by the Deputy Director of the National Park "Russian Arctic", Cand. Sci. (Geogr.) Victor Kuznetsov and Honored

Кузнецовым и Заслуженным художником РФ Алексеем Григорьевым. Серия посвящена истории освоения современной территории национального парка, расположенного в Архангельской области, — арктических архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа. В статье подчеркнута особая значимость формата иллюстрированного издания, который был выбран соавторами для серии, что позволило им достичь поставленной цели: интересное сочетание художественного подхода и исторического содержания делает книги Кузнецова В.С. доступными для массового читателя. В статье приводится краткое содержание всех пяти книг серии: «История трёх «столиц» арктического архипелага Земля Франца-Иосифа» (2012), «Притяжение земли» (2013), «От воздушного шара до полярной авиации» (2014), «Тайны жизни во льдах» (2015), «Морской путь в Арктику» (2017).

Ключевые слова: *Русская Арктика, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, история, туризм.*

artist of the Russian Federation Alexey Grigoriev. The series is devoted to the exploration history of the National Park's area located in the Arkhangelsk Oblast — the Arctic archipelagoes of Novaya Zemlya and Franz Josef Land. The article emphasizes the special importance of the illustrated edition, chosen by the co-authors, which allowed them to achieve a goal: an interesting combination of artistic approach and historical content makes the V.S. Kuznetsov's books accessible to the public reader. The article provides a summary of all five books of the series: "The history of three "capitals" of the Arctic archipelago Franz Josef Land" (2012), "Gravity of the Earth" (2013), "From the balloon to the Polar aviation" (2014), "Secrets of the life in the ice" (2015), "A sea route to the Arctic" (2017).

Keywords: *the Russian Arctic, Franz-Joseph Land, Novaya Zemlya, history, tourism.*

Редакционный совет журнала «Арктика и Север»

Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, директор Арктического центра стратегических исследований, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золо-

- тых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
 18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
 19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
 20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
 21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
 22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
 24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
 25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
 26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт»).

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:
<https://narfu.ru/aan/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2018. № 30

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна (при участии Кузнецовой Елены Геннадьевны).

E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://narfu.ru/aan> — 30.03.2018

ARCTIC and NORTH, 2018, no. 30

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.30

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E (with contributions by Kuznetsova E.G.). E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: “Arctic and North” journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://narfu.ru/aan> on 30.03.2018